

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

На правах рукописи

Барский Яков Васильевич

**Политическая институционализация интернет-активизма
в современной России**

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор политических наук
А.В. Соколов

Ярославль, 2024

Содержание

Введение	3
Глава 1. Процессы институционализации интернет-активизма	21
1.1. Политические институты и институционализация: формирование и закономерности развития	21
1.2. Интернет-активизм как феномен цифровизации гражданской активности: сущность и специфика	40
Глава 2. Институционализация интернет-активизма в современной России	72
2.1. Процессы политической институционализации интернет- активизма в отечественных практиках онлайн-гражданской активности.....	72
2.2. Особенности политической институционализации интернет- активизма в практиках гражданского активизма.....	94
Глава 3. Влияние информационно-коммуникационных технологий на процессы институционализации интернет-активизма	117
3.1. Трансформация самоорганизации интернет-активистов в условиях развития цифровых технологий	117
3.2 Особенности взаимодействия активистов и органов власти в условиях институционализации интернет-активизма.....	143
Заключение.....	170
Список источников и литературы.....	177
Приложения.....	218

Введение

Актуальность исследования. Цифровизация представляет собой процесс внедрения цифровых технологий в жизнь и характеризуется глобальным масштабом и проникновением в различные сферы деятельности человека. Одной из таких сфер стала гражданская активность. Появление, широкое распространение и хабитуляция (опривычивание) использования сетевых ресурсов привели к появлению специфического феномена цифровизации гражданской активности – интернет-активизма, который понимается в качестве формы организованного воздействия граждан на общественно-политическую действительность посредством целенаправленного использования интернета.

XX век стал периодом активного вовлечения масс в политику. Однако, будучи недостаточно организованными и слабо структурированными, они не могли стать значимыми и длительно функционирующими акторами политического процесса. Развитие цифровых технологий позволяет значительному количеству активистов структурироваться, самоорганизовываться и приобретать характерные черты институтов, необходимых для оказания давления и влияния на органы власти и процесс принятия решений.

На протяжении значительного времени в России интенсивно развивается цифровая инфраструктура, а количество пользователей интернета и различных интернет-ресурсов с каждым годом неуклонно растёт. Распространение COVID-19 в масштабах пандемии продемонстрировало значимость цифрового компонента современной жизни человека, а глобальные военно-политические события способствовали признанию виртуального взаимодействия россиян в качестве немаловажного фактора политической жизни страны.

Научная проблема диссертационного исследования заключается в малоизученности феномена политической институционализации интернет-

активизма, факторов на неё влияющих, форм её проявления. Значимой задачей является необходимость выявления способности интернет-активизма влиять на процесс принятия решения, в частности, в связи с отсутствием исследований условий и этапов политической институционализации интернет-активизма. Противоречивость и незавершенность этих процессов актуализируют их изучение, в том числе, в аспекте повышения их значимости в публичном пространстве и определения их возможных перспектив развития в будущем. Интернет-активизм может быть направлен как на поддержание, так и на изменение общественно-политического порядка, и проявляться в виде формальных и неформальных норм, которые представляют собой модели поведения индивида в политическом процессе и структурируют общественные отношения.

Процесс политической институционализации интернет-активизма характеризуется комплексным проявлением, трансформацией не только материально-технической базы, но и управленческих подходов, политической культуры, общественных ценностей, а также порядка взаимодействия активистов. Развитие интернет-активизма поддерживает и развивает субъектность объединений граждан, позволяя им вступать во взаимодействие с органами власти и должностными лицами с целью защиты своих законных прав и интересов. При этом институциональность форм интернет-активизма позволяет им конгруэнтно взаимодействовать с органами власти.

В связи с этим представляется целесообразным осмысление условий, способствующих институционализации форм интернет-активизма, позволяющих им приобретать устойчивые и воспроизводимые практики реализации в публичном пространстве, ориентированные на достижение целей инициировавших их граждан.

Отдельного внимания требует проблема выявления институционализации интернет-активизма как новой общественно-

политической практики, влияющей на публичное пространство, а также фактора, влияющего на делиберализацию процесса принятия решений. Важным становится выявление особенностей процессов самоорганизации граждан в условиях формирующегося сетевого общества, интеграции интернет-активизма в публичное управление.

Степень научной разработанности тематики исследования не является достаточной для целостного понимания процессов политической институционализации интернет-активизма в современной России. В отечественной науке данная тема является достаточно новой и остается открытой для изучения. Однако разработка названной проблематики опирается на ряд комплексных групп исследований ведущих ученых. В первую очередь можно отметить работы авторов, изучавших организованные действия активистов в интернете как форму проявления коллективного действия: Б. Кландерманса, С. Тилли, Д. МакАдама, Дж. МакКарси и М. Залда, Т.Р. Гарра, М. Олсона¹. Дж. Баджио, Л. Бастос, С. Бегения, С. Джаггерс, Дж. Друри, М. Зомерен, Д. Ринджер, З. Шуаи, А. Соколов в рамках теории рационального выбора аргументируют эффективность цифровой трансформации интернет-активизма, а также выявляют её внутренние закономерности, в числе которых — массовизация участия как фактор сокращения организационных издержек, проявляющийся феномен «безбилетника» в условиях неэффективности выбранных организационных процедур и пр.².

---

¹ Klandermans B. Collective political action // Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (Eds.) Oxford handbook of political psychology. Oxford, UK: Oxford University Press. – 2003. – P. 670–709; Till C. From mobilization to revolution. Reading, MA: Addison-Wesley. – 1978; McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Social Movements / Neil J. Smelser, ed., Handbook of Sociology. Beverly Hills, CA: Sage Publications. – 1988; Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, – 2005; Olson M. The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1965.

²Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – М. 2018. – С. 33; Baggio G. Imagery in action. G. H. Mead's contribution to sensorimotor enactivism // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2021. – Vol. 20. – P. 935–955; Bastos L.M., Harringb N., Jagersb S., Löfgrenc Å., Perssond M., Sjöstedtb M., Brüldeeb V., Langletf D., Steffeng W., Alpízar F. Large-scale collective action to avoid an Amazon tipping point - key actors and interventions // Current Research in Environmental Sustainability. – 2021. – Vol.3. – P. 1-13; Begenya C., Breenb J., Leachcde C., Zomerem M., AartiIye L. The power of the in group for promoting collective action: How distinctive treatment from fellow minority members motivates collective action // Journal of Experimental Social Psychology. – 2022. – Vol. 101. – P. 1-16; Jagers S., Harring N., Löfgren Å., Sjöstedt M.,

Другим значимым для диссертационного исследования концептом является теория коллективной идентичности, которая рассматривает воздействие социально-психологических механизмов гражданской активности в контексте коллективных действий и выявляет закономерности между характером самоотождествления индивида с группой и степенью интенсивности отстаивания коллективных интересов. Здесь можно отметить работы С. Штурмера, Б. Симонса, С. Кампера, П. Шпахилингера, П. Бергера, Д. Степанович-Захариевской, И. Бронникова, А. Свищёвой, Л. Фадеевой, С. Бина, Ю. Мунка, Х. Тойфеля, Н. Хумалоа, Э. Эриксона³.

Значимой также является теория относительной депривации, рассматривающая взаимосвязь между ситуацией рассогласованности ожиданий, фактического состояния общественно-политической действительности и уровнем протестного потенциала, который формирует

Alpizar F., Brülde B., Steffen W. On the preconditions for large-scale collective action // *Ambio*. – 2020. – Vol. 49 (7). – P. 1282-1296; Drury J. Recent developments in the psychology of crowds and collective behaviour // *Current opinion in psychology*. – 2020. – T. 35. – C. 12-16; Van Zomeren M, Agostini M. Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // *Psychological Bulletin*. – 2021. – T. 147. – № 7. – C. 667; Renger D., Eschert S., Teichgräber M.L., Renger S. Internalized equality and protest against injustice: The role of disadvantaged group members' self-respect in collective action tendencies // *European Journal of Social Psychology*. – 2020. – Vol. 50(3). – P. 547-560; Shuai Z., Xiaokang L., Zhicheng Z., Xingguang P. Collective fission behavior in swarming systems with density-based interaction // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. – 2022. – Vol. 603.

³Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // *Journal of Social Issues*. – 2009. – № 65 (4). – P. 681-705; Collective identity and social movement participation / B. Simon, M. Loewy, S. Stürmer, U. Weber, C. Kampmeier, P. Freytag, C. Habig, P. Spahlinger // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – № 74. – P. 646-658; Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. Москва: Медиум. – 1995. – 323 с.; Степанович-Захариевская Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // *Центр социологических исследований университета г. Ниш, Сербия*. – 2008. – №5. – С. 99-103; Бронников И.А., Горбачев М.В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2020. – № 5. – С. 23-35; Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // *Полит. наука*. – 2016. – №2. – С. 164-180; Фадеева Л.А. Акторы и векторы политики идентичности в социокультурном аспекте: европейское и российское измерение // *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 147-152; Martynov M.Y., Fadeeva L.A. The voluntary movement in modern Russia: Civic activism vs. state-enforced indoctrination. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 477-496; Фадеева Л. А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // *Современная Европа*. – 2021. – № 7(107). – С. 18-26; Bein S. The dysfunctional paradox of identity politics in liberal democracies // *Das dysfunktionale Paradox der Identitätspolitik in liberalen Demokratien*. – 2022; Mounk Y. der Zerfall der Demokratie. Wie der Populismus den Rechtsstaat bedroht // *München: Droemer*. – 2019. – P. 32-34; Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. – P.523; Khumaloa N., Dumonta K., Waldzus S. Leaders' influence on collective action: An identity leadership perspective // *The Leadership Quarterly*. – 2022. – Vol. 33(4); Эриксон Э. *Трагедия личности*. М.: Родина. Эксмо. 2019. – С. 363-378.

условия для проявления коллективного действия. Она была раскрыта в работах А. Тешфеля, А. Свищевой, Б. Гуннара, Дж. Блау и др.⁴

Феномен цифровизации гражданской активности рассматривается в контексте теорий коллективного действия и включает в себя изучение институтов как устойчивых и воспроизводимых образцов индивидуального и группового поведения, согласующегося с институционально оформленной общественно-политической действительностью. Здесь можно отметить работы А. Волковой, С. Хантингтона, Д. Норта, Э. Остром, А. Ижболдин-Кронберга, Т. Парсонса, В. Ренделла, Г. Бен-Дора, Д. Джаджа, Г. О'Доннелла⁵.

На современном этапе развития политической науки возникли различные направления институциональных теорий: нормативный институционализм, исторический институционализм, обобщённо называемые неоинституционализмом. Их положения раскрываются в работах Л. Тимофеевой, М. Ориу, Б. Питерса, А. Грейфа, С. Варго, А. Ижболдинг-Кронберг, С. Тераджи и пр.⁶.

---

⁴Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 2010. – P. 523; Свищёва А.Н. Теории референтных групп и революции: общая теоретическая матрица относительной депривации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политологи. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 24-40; Gunnar B., Thorlindsson T., Sigfusdottir I.D. Relative Deprivation and Adolescent in Iceland: A Multilevel Test. *Social Forces* – 2009. — 87(3). – P. 1223-1250; Blau J.R., Blau P.M. The Cost of Inequality: Metropolitan Structure and Violent Crime // *American Sociological Review*. – 1982. — Vol. 47. — № 1. – P. 114–129.

⁵ Волкова А. В. Гражданская наука в контексте цифровой публичной управляемости // Политика в сетевом обществе, Адлер, 16–19 мая 2019 года. — Адлер: Вика-Принт, 2019. — С. 45-49; Волкова А. В. Конфликтотенные факторы цифрового гражданского участия // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 года. — Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 69-71; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. С. 52-53; North D., Thomas R. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. – Cambridge, Cambridge University Press. – 1973; Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: Мысль. – 2011. – 448 с.; С. 14-19; Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. С.П. Баньковской. М., 2002. 434 с.; Randall V., Svasand L. Party Institutionalization in New Democracies // *Party Politics*. 2002. № 8. pp. 5-29; Ben-Dor G. Institutionalization and political development: A conceptual and theoretical analysis // *Comparative studies in society and history*. 1975. № 3. Vol. 17. pp. 315–316; Judge D. Legislative institutionalization: A bent analytical arrow? // *Government and opposition*. 2003. Vol. 38. № 4. 500 P.

⁶ Тимофеева Л. Н. Взаимодействие власти и институтов гражданского общества как условие формирования новой российской идентичности // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: ЮРИУФ РАНХиГС, 2018. – С. 427-437; Тимофеева Л. Н. Публичная критика как институт развития // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2018. – С. 194-207; Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 102-117; Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и

Концептуализация интернет-активизма как феномена цифровизации гражданской активности базируется на работах ряда российских учёных, рассматривающих его понятие, сущность и специфику: А. Кольбы, С. Володенкова, А. Кочеткова, И. Мерсияновой, Л. Никовской, Н. Рябченко, В. Якимца, Л. Сморгунова, И. Мирошниченко⁷.

Специфика институционализации интернет-активизма раскрыта в работах отечественных и зарубежных авторов: О.В.Поповой, С.А. Панкратова, А. Сунгурова, Д. Чугунова и О. Филатовой, Д. Вамстада, А. Кауна, Дж. Круза, М. Петерса, С. Райта, Р. Янгса⁸. На основе обобщения и

сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. М: Вече, 1999; Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 55-56; Vargo S., Koskela-Huotari K., Vink J. Service-Dominant logic: Foundations and applications. Bridges E., Fowler K. (Eds) / The routledge handbook of service research insights and ideas, Routledge. – 2020. – New York, NY. – P. 3-23; Ижболдин-Кронберг А.Р., Губарь А.И., Губарь Е.А. К вопросу о феномене трансформационных изменений в системах управления социально-экономическими процессами // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №2 (26). – С. 14-19; Teraji S. The cognitive basis of institutions: A synthesis of behavioral and institutional economics // Academic Press. - 2020. – Vol. 3(4). – P. 32-36.

⁷Кольба А.И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 52-73; Кольба А.И. Политическая институционализация конфликтов: основные подходы и проблемы исследования // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 16-26; Кольба А.И. "Помоги городу!": общественный совет как формат взаимодействия граждан и городской власти в условиях конфликта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4(57). – С. 85-92; Кольба А. И. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 273-286; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 97—118; Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. Проспект. – 2020. – 272 с.; Володенков С.В. цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 117-123; Кочетков А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 19-30; Мерсиянова И.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. № 1. – С. 29-46; Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. –2017. – Т. 25. – № 11. – С. 31-37; Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf>. (дата обращения: 25.07.2021); Якимец В., Никовская Л. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 208-223; Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – №3. – С. 62-75; Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С.82-102.

⁸ Попова О. В., Суслов С. И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к "ненаблюдаемым" группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160-182; Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в

анализа исследований Е. Бродовской, Т. Асканиуса, Дж. Барджеля, Т. Бьёрджа, Дж. Джоржа, Ю. Ли, М. Лингьяна⁹ была разработана авторская классификация форм интернет-активизма.

Важно отметить, что изучение ключевых аспектов действий интернет-активистов проводилось на базе ряда теорий, в том числе на:

- теории постинформационного общества, которая объясняет общественно-политический контекст проявления интернет-активизма (Д. Иванов, А. Ракитов, Д. Белл, С. Стефанидис¹⁰);

- теории усиления, которая объясняет причины и выявляет закономерности в общественно-политическом поведении индивидов в интернете (Д. Мартьянов и В. Светлов, К. Акерман, М. Летзер, Е. Флавер¹¹);

контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 213-224; Макаренко, К. М., Панкратова Л. С., Панкратов С. А. Трансформация гражданского протеста в современной России: выбор форм онлайн и офлайн активности // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 11(75). – С. 3055-3064.; Сунгуров А. Российское гражданское общество и власть. – СПб. «АЛЕТЕЯ». – 127с.; Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / Чугунов А.В., Филатова О.В. – «АЛЕТЕЯ». – СПб. – 127с.; Vamstad J. Giving to be civil or civic? – a social origins analysis of charitable giving in Sweden // Journal of Civil Society. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 1-14; Kaun A., Uldam, J. Digital activism: After the hype // New Media & Society. – 2019. – Vol. 20(6). – pp 2099–2106; Cruz J. Virtue Ethics and a Technomoral Framework for Online Activism // International Journal of Communication. – 2021. – Vol. 15. – P. 1330–1348; Peters M., Besley T. Weinstein, sexual predation, and ‘Rape Culture’: Public pedagogies and Hashtag Internet activism // Educational Philosophy and Theory. – 2019. – Vol. 51(5). – P. 458-464.; Wright S. From "Third Place" to "Third Space": Everyday Political Talk in Non-Political Online Spaces // The Public. – 2012. – Vol. 19. – № 3. – P. 5-20; Youngs R. Civic Activism Unleashed: New Hope or False Dawn for Democracy? N.Y.: Oxford University Press. – 2019. – P. 192.

⁹Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Сняжков А.В. "Цифровая гражданственность" в оценках российской молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. - 2019. - Т. 15. - № 3. - С. 4-22; Bardzell, J., Freeman G., Bardzell S., Chen P. Join.Love: A socio-technical genealogy of the legalization of same-sex marriage / In CHI '20: Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, Honolulu HI, USA. – 2020. – New York: ACM, – P. 1-16; Bjørge T., Mareš, M. Vigilantism against migrants and minorities. Routledge / Vigilantism against Migrants and Minorities. - 2019. – P.1-30; George J., Leidner D. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // Information and Organization. – 2019. – Vol. 29(3); Li Y., Bernard J.-G., Luczak-Roesch M. Beyond Clicktivism: What Makes Digitally Native Activism Effective? An Exploration of the Sleeping Giants Movement // Social Media + Society. – 2021. – Vol. 7. – P. 25-27; Lingyan M. Three Social-Mediated Publics in Digital Activism: A Network Perspective of Social Media Public Segmentation // Social Media + Society. – 2022. – P. 1–10.

¹⁰ Иванов Д.В. Виртуализация общества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt (дата обращения: 06.06.2020); Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. – С. 7-19; Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia. 1999. – С. 744-746; Stephanidis C., M. Antona Universal access in the information Society (2001–2021): knowledge, experience, challenges and new perspectives // Universal Access in the Information Societ. – 2022. – Vol. 3. – P. 329–331.

¹¹Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп ВКонтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. – С. 79-93; Светлов, В.А. Философия и методология науки: учебное пособие / В.А. Светлов, И.А. Пфаненштиль. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 412 с; Ackermann K., Stadelmann-Steffen I. Voting in the Echo Chamber? Patterns of Political Online Activities and Voting Behavior in Switzerland // Special Issue: The Swiss National Elections 2019; Latzer M., Buchi M., Festic N. Internet use in Switzerland 2011-2019: Trends, attitudes and effects. //

- теории политической культуры, объясняющей взаимосвязи между культурными паттернами и спецификой общественно-политического поведения индивида (А. Домбровская, А. Селезнёва, Е. Шестопап, А. Алмонд, М. Бетлемидзе, Дж. Фаревел-Джоржс, Дж. Ньюман, В. Шунеман¹²).

Объектом исследования является интернет-активизм как феномен цифровизации гражданской активности.

Предметом исследования являются политическая институционализация интернет-активизма в современной России.

Целью диссертации является выявление основных условий, этапов и характеристик политической институционализации интернет-активизма в современной России.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. раскрыть сущность политического института и продемонстрировать специфику процессов политической институционализации;
2. выявить сущность феномена интернет-активизма;
3. охарактеризовать основные условия политической институционализации интернет-активизма в современной России;
4. сформулировать основные критерии политической институционализации и выявить основные этапы институционализации интернет-активизма;

Summary report from the World Internet Project -Switzerland. Media change and innovation. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediachange.ch/research/wip-ch-2019> (дата обращения: 7.07.2022); Fowler E. Franz, M., Martin, G., Peskowitz Z. Political advertising online and offline // American Political Science Review. – 115 (1). – P. 1– 20.

¹²Домбровская А.Ю. Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ (на примере потоков об участии в благотворительности онлайн) // Власть. – 2019. – №5. – С. 132-138; Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопап. Москва: Издательство «Весь мир». 2019. – С. 25-26; Алмонд Г., Пуэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М. 2002. – С. 235; Betlemidze M. I Provoke Therefore I Am: Cross-Border Mediatizations of Femen’s “Sextremist” Protest // International Journal of Communication. – 2021. – Vol. 15. – P. 1531–1550; Newman J. Veterans and Political Culture // Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict (Third Edition). – 2022. – P. 153-159; Schünemann, W. J. Ready for the world? Measuring the (trans-) national quality of political issue publics on Twitter // Media and Communication. – 2020. – Vol. 8(4). – P. 40–52; Favarel-Garrigues G. ‘Vigilante shows and law enforcement in Russia // Europe-Asia Studies. – 2021. – Vol. 73(1). – P. 221–242.

5. определить степень влияния развития интернета на процессы самоорганизации граждан;

6. определить основные характеристики взаимодействия граждан с органами власти в условиях политической институционализации интернет-активизма.

Гипотеза исследования: политическая институционализация интернет-активизма представляет собой комплексный процесс закрепления и хабиутуляции практик и механизмов взаимодействия активистов в интернете с целью решения общественно значимых проблем посредством целенаправленного использования цифровых инструментов. Его следствием является повышение возможностей граждан самоорганизовываться и оказывать воздействие на процесс принятия решений органами власти посредством расширения пространства публичности, формирования и аккумуляции социального капитала, оптимизации процессов организации коллективных действий. Поэтому развитие интернет-активизма может способствовать гармонизации отношений власти и общества и снижению социальной напряженности.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Российской Федерации.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом времени с 2013 по 2021 год (с включением отдельных значимых фактов законодательного регулирования интернет-активизма в начале 2023 года).

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в разработке и формировании новых научных знаний: авторских определений интернет-активизма; выделении критериев, факторов и условий процессов политической институционализации; авторских классификаций интернет-активизма и процессов политической институционализации интернет-активизма в современной России.

Теоретико-методологические основания исследования соотносятся с объектом и предметом исследования, его целям и задачам. В качестве

теоретической основы диссертации используется теория рационального выбора, объясняющая процессы политической институционализации рациональным поведением акторов. В рамках теории также была использована дистрибутивная теория, объясняющая политическую институционализацию не только рациональным поведением акторов, но и ситуативными обстоятельствами, в том числе конфликтами, которые акторы используют для максимизации получения общественного блага, а политическая институционализация выступает отражением распределительного процесса. Анализ сетевых форм взаимодействия интернет-активистов производился сквозь призму теории рационального выбора.

Методы сбора и анализа данных. При написании диссертационного исследования использовался широкий спектр методов, в их числе сравнительный анализ, который использовался для определения факторов трансформации политических институтов, выявления условий институционализации, а также определения предметного применения совокупности цифровых инструментов, использовавшихся интернет-активистами в общественно-политической деятельности. Для раскрытия сущности политического института и демонстрации специфики процессов политической институционализации интернет-активизма применён релевантный инструментарий методов политического анализа: ситуационный анализ (применялся для исследования проявлений и результатов деятельности интернет-активистов), метод кейс-стади (для выявления внутренних закономерностей и процесса внедрения и интенсификации использования сетевых инструментов в региональных, межрегиональных и федеральных общественно-политических кампаниях), ивент-анализ (для выявления влияния развития интернета на процессы самоорганизации граждан, в части воздействия органов власти по демобилизации гражданской активности, в период 2018-2020 годов проводились еженедельные ивент-мониторинги информационного

освещения деятельности органов власти в Ярославской области), факторный анализ (для выявления формирования основных критериев политической институционализации интернет-активизма в современной России), метод опроса экспертов (для выявления основных характеристик взаимодействия граждан с органами власти в условиях политической институционализации интернет-активизма).

Эмпирическую базу исследования составили:

1. Результаты исследования общественных кампаний, в которых осуществлялось целенаправленное использование интернет-технологий. В частности, были изучены: протест водителей-дальнобойщиков против внедрения автоматизированной системы взимания платы за использования дорог общего пользования «Платон» (Российская Федерация); гражданские протесты против показа кинофильма «Матильда» (Российская Федерация); протесты против принятия «Пакета Яровой» (Российская Федерация); протест против строительства целлюлозно-бумажного комбината (Ярославская, Вологодская и Костромская область); информационное освещение гражданскими активистами хода следственных мероприятий в рамках возбужденного уголовного дела, объединившего эпизоды насилия над воспитанниками детского интерната в селе Мосейцево (Ярославская область).

2. Результаты анализа ресурсов, применяемых интернет-активистами в современной России: электронных платформ «обратной связи» (в частности, системы «Инцидент менеджмент», международных, федеральных и столичных цифровых платформ для коллективной подачи обращений в органы власти в электронной форме: «Активный гражданин», «Российская общественная инициатива», «Change.org»); системы электронного дистанционного голосования; сервисы федеральной государственной информационной системы «Госуслуги»; сервиса взаимодействия граждан с органами власти «Делаем вместе!» (Ярославская область); мобильных приложений, групп в социальных сетях и каналов в

мессенджерах благотворительных организаций; цифровых агрегаторов для организации мероприятий цифрового добровольчества («Добровольцы России» и «Союз волонтерских организаций и движений»).

3. Официальная информация, касающаяся состояния гражданского общества в российских регионах 2010-2020 годов; результаты проведения серии экспертных опросов «Гражданская активность населения в оценках экспертов» 2014-2021 годов, которые были проведены на базе автономной некоммерческой организации «Ресурсный центр поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив».

4. Результаты проведенного коллективом авторов кафедры социальной политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова в 2017-2021 годах социологического исследования «Гражданская активность населения в оценках экспертов» (в том числе в рамках исследования, выполненного за счёт средств гранта Президента России для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности»).

5. Результаты реализации исследования «Индексное исследование гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)».

6. Результаты ивент-анализа специфики информационного освещения деятельности органов власти в Ярославской области в период с 2018 по 2020 годы.

7. Результаты анализа публикаций традиционных и интернет-СМИ, статистических и аналитических данных, сформированных на основе исследований контента сайтов и аккаунтов в социальных сетях, а также социологических данных (в частности, собранных Всероссийским центром изучения общественного мнения).

Область диссертационного исследования соответствует пунктам 4 «.. Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы

и уровни организации...», 5 «...Политическое поведение и участие: артикуляция, агрегирование интересов, формы мобилизации...», 7 «... Гражданское общество: тенденции эволюции, перспективы развития и национальные модели...», 8 «...Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации...», 19 «... Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты...» и 29 «...Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети...» паспорта научной специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии».

Научная новизна результатов исследования состоит в формировании теоретической модели институционализации интернет-активизма, раскрывающей специфику феномена цифровизации гражданской активности в России, а также в выявлении особенностей проявления и воздействия интернет-активизма на общественно-политический процесс в России. В диссертационном исследовании:

- раскрыта сущность политического института и продемонстрирована специфика процессов политической институционализации (сформулировано авторское определение понятия «политический институт»), выявлены закономерности политической институционализации;

- определена сущность интернет-активизма, которая заключается в гибридной основе, сочетающей в себе онлайн и офлайн интеракции, и представляющая собой процесс целенаправленного применения активистами интернет-инструментов для воздействия на общественно-политическую действительность;

- определены основные условия институционализации интернет-активизма в современной России (в числе которых отмечена значимая роль воздействия интернета в части трансформации общественно-политического контекста активизма, развитии ИКТ, изменения внутренней природы и

системы побуждений индивидов, а также нормативного закрепления форм, принципов и процедур деятельности интернет-активистов);

- сформулированы основные критерии институционализации и выявлены основные этапы институционализации интернет-активизма в российскую общественно-политическую действительность;

- выделено влияние развития интернета на процессы самоорганизации граждан, которое отражается в проектной организационной структуре, а также в системе взаимодействия активистов, характеризующейся функциональной ориентированностью и горизонтальными коммуникациями;

- выявлены основные характеристики взаимодействия с органами власти в условиях институционализации интернет-активизма.

Положения, выносимые на публичную защиту:

1. Политический институт понимается как устойчивая практика поведения политического актора в публичном пространстве, выраженная в виде формальных и неформальных норм, образующих собой модели поведения, которые структурируют взаимодействие участников с выстраиванием определенного типа отношений. Процесс закрепления практик поведения индивидов в публичном пространстве называется политической институционализацией. В связи с этим политическая институционализация интернет-активизма понимается в качестве процесса закрепления моделей (форм) поведения политических акторов (индивидов и коллективных субъектов) в цифровой среде.

2. Интернет-активизм понимается в качестве специфического феномена цифровизации гражданской активности, в котором активисты целенаправленно используют сетевые инструменты с целью организации коллективного действия, направленного на получение общественного блага посредством воздействия на общественно-политическую ситуацию. К сущностным чертам интернет-активизма относятся появление и качественное развитие материально-технической базы, подходов к

управлению, культуры, ценностей и характера коммуникации. Интернет-активизм обладает множественным, гибким и децентрализованным взаимодействием активистов в проектной форме. В работе выявлена высокая развитость интернет-активизма и значительное воздействие его отдельных форм на общественно-политическую ситуацию в субъектах Российской Федерации. В частности, формы интернет-активизма характеризуются увеличением количества участников гражданских коалиций, политизацией активизма, включением молодёжи, а также других субъектов общественно-политического процесса.

3. Основными условиями политической институционализации интернет-активизма в современной России являются: трансформация общественно-политического контекста проявления активности; совершенствование и развитие технической стороны использования интернета; трансформация внутренней природы и системы побуждений индивидов; закрепление основных норм и правил в российском правовом поле.

4. Основными условиями политической институционализации интернет-активизма являются: степень конкурентности социальной среды, которая определяет интенсивность и характер взаимодействия индивидов; степень социальной однородности и развитости коллективной идентичности сообщества; наличие в сообществе акторов, наделённых представительными и административными полномочиями; устойчивость взаимодействия индивидов. Согласно авторской этапизации, процессы политической институционализации интернет-активизма разделяются на: этап появления первых практик интернет-активизма; этап рационализации практик и формирования институтов интернет-активизма; этап систематизации и стандартизации действий инструментов интернет-активизма; этап имплементации интернет-активизма в нормативно-правовое поле; этап формирования устоявшихся моделей поведения в рамках

отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

5. Цифровизация выступает одним из ключевых факторов изменения процессов самоорганизации граждан. Эволюция технологической стороны интернета отражается на организационной структуре активистов, которая строится по проектному методу и предполагает отсутствие чёткого центра принятия и исполнения решений, децентрализованное управление, горизонтальный характер коммуникации, функциональную ориентированность деятельности, взаимозаменяемость участников. Развитие интернета и информационно-коммуникативных технологий способствуют снижению транзакционных издержек организации коллективных действий и функционирования коллективных акторов. Описанные процессы приводят к формированию новых качеств института (большая открытость, повышение интенсивности коммуникации, изменение сущности иерархии), учитывающих специфику цифрового взаимодействия индивидов и акторов. Расширение сфер коммуникационной стороны интернета отражается на ценностной системе координат активистов, в которой отдаётся приоритет удовлетворению личных потребностей, в том числе нематериальных.

6. Институционализацию интернет-активизма в России демонстрирует процесс развития цифровых каналов коммуникации граждан и органов власти. Появление и расширение функционала государственных платформ, таких как портал «Госуслуги», система дистанционного электронного голосования, сервис «Российская общественная инициатива» и пр., свидетельствует о диалоге активистов и власти. В числе законодательных изменений, связанных с признанием интернета в качестве сферы общественных отношений, отмечается обязательное присутствие чиновников в социальных сетях, что говорит об устойчивом характере взаимодействия граждан и органов власти. Организация и проведение интернет-активистами информационных и организационных кампаний в

интернете позволяет оказывать влияние на процесс принятия решений органами власти, расширять пространство публичности, вовлекать новых акторов в актуализируемую повестку с целью достижения запланированных целей.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в разработке и формировании новых научных знаний: авторского определения интернет-активизма, выделении критериев, факторов и условий процессов политической институционализации, авторских классификаций интернет-активизма и процессов политической институционализации интернет-активизма в современной России. Результаты исследования конкретизируют научные представления о потенциале интернет-активизма как формы самоорганизации граждан в интернете. Эти данные окажут содействие дальнейшим исследованиям интернет-активизма в России и гражданской активности в целом.

Разработанные в ходе исследования методики анализа и инструментарий исследования технологий и механизмов гражданской активности, коллективных действий в интернете, создадут в дальнейшем условия для проведения мониторинговых исследований и в динамике по годам, и по характеру и способу проявления интернет-активизма в российских регионах, а также других гражданских кампаний, не охваченных в рамках диссертационного исследования.

Практическая значимость основных результатов исследования заключается в том, что они могут стать полезны:

- общественным объединениям и гражданским активистам для повышения эффективности самоорганизации, организации коллективных действий по защите законных прав и интересов граждан с использованием ИКТ, а также корректировки моделей взаимодействия с властью с учётом понимания особенностей использования цифровых механизмов и инструментов;

- в деятельности органов власти для улучшения взаимодействия с гражданскими активистами в целях реализации совместных инициатив и гармонизации межсекторного партнёрства;

- для обновления базовых или разработки новых специальных курсов в политологическом цикле в высшей школе (в частности, курсов «Интернет технологии в политике», «интернет-активизм», «Институты гражданского общества», «Сетевые структуры и организации», «Гражданское участие в публичной политике» и др.);

- для исследователей гражданского общества и участия граждан в общественно-политической жизни в разработки дизайнов исследования и выявлении общих тенденций и закономерностей.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования докладывались и обсуждались на Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика» (г. Барнаул); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016» (г. Москва); VII Всероссийском конгрессе политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики», 2015 г. (г. Москва); на международной объединенной конференции «Интернет и современное общество»; в 2017 г. и 2020 г. (г. Санкт-Петербург); и пр. Материалы ранее указанных мероприятий были опубликованы в сборниках статей и тезисов.

Автором по теме диссертационного исследования опубликовано в общей сложности 27 научных работ, в том числе 7 – в изданиях, включённых в перечень ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх разделов, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

Глава 1. Процессы институционализации интернет-активизма

1.1. Политические институты и институционализация: формирование и закономерности развития

Поведение человека опирается на имеющиеся в обществе нормы и правила. Механизмы взаимодействия очерчивают границы допустимого, уменьшают неопределённость, формируют структуру и организуют общественные отношения, чем способствуют эффективному разрешению проблемных и конфликтных ситуаций. Обладая рядом эффектов, нормы и правила поведения, с одной стороны, воздействуют на взаимоотношение индивида с членами сообщества напрямую, либо опосредованно. С другой стороны, организованные коллективные действия индивидов в сообществе способны изменять институты.

Поскольку формирование и развитие различных форм интернет-активизма происходит в последние десятилетия, и он может рассматриваться как относительно новое явление в политике, для реализации задач исследования в первую очередь необходимо обратиться к проблемам его политической институционализации. Согласно определению С. Хантингтона, она представляет собой процесс, посредством которого институты и демократические процедуры обретают значимость, ценность и стабильность¹³. П. Бергер и Т. Лукман также отмечают, что институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода¹⁴. Однако понимание механизмов и процессов политической институционализации в современных исследованиях остается неоднозначным. Данная проблематика в настоящее время преимущественно исследуется с позиций неинституционального подхода, который представляет собой одно из

---

¹³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32.

¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 92.

наиболее развитых – и сложносоставных направлений развития социальных наук. Для определения параметров политической институционализации интернет-активизма нам необходимо на характеристиках этого процесса в современном институционализме.

В русле неоинституциональных теорий можно выделить, придерживаясь классификации Б. Питерса¹⁵, различные трактовки данного процесса: от нормативистской до исторической¹⁶. Их анализ позволяет выделить два основных ракурса анализа этой проблематики: рационалистический и рефлексивный. В контексте первого из них процесс институционализации связан с установлением и изменением норм и правил взаимодействия акторов каких-либо политических процессов на основе принятия ими коллективных решений. Такой подход предполагает, что политические акторы действуют рационально и осознают возможные издержки и выгоды, которые возникают при той или иной конфигурации институтов¹⁷. Представители неоинституциональной теории¹⁸ объясняли появление институтов выбором акторов, который разделяет большинство. Предлагаемые ими модели поведения проходят «культурный фильтр», за счёт которого неформальные нормы передают непрерывно¹⁹.

Рефлексивный подход исходит из предпосылки, согласно которой институционализация предполагает встраивание вновь возникающих политических взаимодействий в уже существующие институты и практики,

---

¹⁵ Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. М: Вече, 1999.

¹⁶ Vargo S., Koskela-Huotari K., Vink J. Service-Dominant logic: Foundations and applications. Bridges, E. & Fowler, K. (Eds) // The routledge handbook of service research insights and ideas. – 2020. – P. 3-23; Teraji S. The cognitive basis of institutions: A synthesis of behavioral and institutional economics // Academic Press. – 2020. – Vol. 3(4). – P. 32-36; Voeten E. Making Sense of the Design of International Institutions // Annual Review of Political Science. – 2019. – Vol. 22 (1). – P. 147-163; North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. – Cambridge, Cambridge University Press. – 1973; Smita S. Institutional variety and the future of economics // Review of Evolutionary Political Economy. – 2020. – Vol. 1. – P. 13–35; Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. М., 1999. С. 314; Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М., 2005. – 318 с.

¹⁷ Shepsle A. K., Bonchek M. Analyzing Politics. New York: Norton, 1997.

¹⁸ Slimane K., Chaney D., Humphreys A., Leca B. Bringing institutional theory to marketing: Taking stock and future research directions // Journal of Business Research. – 2019. – Vol. 105. – P. 389-394.

¹⁹ Фадеева Л.А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. – 2021. – № 7(107). – С. 18-26.

процессы их взаимной адаптации с учетом конкретной общественной ситуации, культурного контекста и других факторов²⁰.

Таким образом, мы можем рассматривать институционализацию как процесс, в котором активность политических акторов и их коллективное желание упорядочить взаимодействия в определённой сфере политических отношений позволяет создавать принципиально новые нормы для их регулирования, а также адаптироваться к уже существующим институтам и практикам (или адаптировать таковые). В процессы институционализации включаются в том числе ранее не участвовавшие в общественных отношениях участники, а также в институционализирующихся отношениях закрепляются ранее незнакомые акторы влияния.

Одним из ключевых исследовательских вопросов относительно механизмов политической институционализации является степень рациональности взаимодействующих акторов при принятии коллективных решений. Его постановка, в частности, связана с тем, что по итогам создания новых норм и правил отдельные акторы обычно получают преимущество в распределении позитивных эффектов воздействия вновь возникающих институтов. С позиций экономического подхода коллективные действия при установлении норм нацелены на рационализацию, повышение эффективности взаимоотношений (экономическая целесообразность выступает как инструмент повышения эффективности взаимодействия индивидов)²¹. Однако его критики обращают внимание на то, что распределение благ между участниками институциональных взаимодействий может быть весьма неравномерным, а в рамках сформировавшихся институтов продолжается борьба за изменение норм, вызывающих недовольство части акторов. Особенно важным представляется анализ такого рода проявлений институционализации принципиально новых политических явлений и процессов.

---

²⁰ Scott W. R. *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Thousand Oaks: Sage, 2008.

²¹ Tomasz L. *Economic policy for development and the new institutional economics* // Institute of Economic Research. – 2020. – Vol. 5(2). – P. 61-73.

Для анализа этой проблематики целесообразно обратиться к дистрибутивной теории институтов. Её представители объясняют формирование институтов побочным общественным явлением в результате конфликта и борьбы за властные полномочия и перераспределения общественного блага²². Как отмечал один из основоположников данного подхода Д. Найт, институты имеют «двойственный характер». С одной стороны, они создают коллективную пользу. Каждому актору наличие институтов более «выгодно», чем их отсутствие. С другой стороны, институты имеют дистрибутивный эффект: они по-разному распределяют выгоды между индивидами. Таким образом, возникновение институтов – следствие присущей обществу борьбы за власть²³.

Можно выделить несколько моделей формирования политических институтов. Согласно первой, демократической, инициатива по организации общественных отношений исходит от общества, которое формирует законодательную, исполнительную и судебную власть, а также институты принуждения. Вторая, авторитарная, модель исходит из тезиса, что элиты стремятся извлечь максимальные выгоды от функционирования сообщества, что ведет к формированию: института легитимизации принимаемых решений, исполнения воли элит, регулирования споров и противоречий, и института принуждения.

Исследователь Р. Скотт²⁴ выделял три аспекта институционального воздействия на поведение акторов политических процессов: нормативный – правила, механизмы и санкции, основанные на практической целесообразности, регулятивный – социальные обязательства, выражающиеся в морально-этических нормах, а также когнитивные – формирования определённого типа устоявшегося взаимодействия. Таким образом, в процессе политической институционализации происходит

---

²² Tammar Z. The Methodology/Theory Interface: Ethnography and the Microfoundations of Institutions // Organization Theory. – 2020. – Vol.1(2).

²³ Knight J.. Institutions and Social Conflict. New York: Cambridge University Press, 1992.

²⁴ Scott W. Institutions and Organizations // Ideas, Interests and Identities. – 1995. – Vol.17. – P. 136-

формирование норм взаимодействия политических акторов, включающее в себя конфликтные (борьба за распределение институциональных эффектов) и интегративные (договоренности между акторами) составляющие. Наличие регулятивного компонента предполагает освоение акторами возникающих норм, выработку практик их применения. Когнитивный компонент представлен в виде моделей и стереотипов поведения, возникающих в результате освоения и применения норм для регулирования взаимодействий.

Их наличие косвенно указывает на завершенность того или иного этапа процесса институционализации. В то же время данный процесс не может быть «окончательно» завершён: изменчивость социально-политической среды общества, в частности, характера отношений между политическими акторами, их потребностей, объема доступных им ресурсов и других факторов делает необходимой «доводку» институциональных взаимодействий, а в некоторых случаях – их значительное преобразование.

Исследователь Д. Расков²⁵ выделял две модели институционализации: «сверху» и «снизу». Первая характеризуется ролью государственной власти как субъекта и инициатора институционализации. Вторая – характеризуется наличием социальных ожиданий и взаимодействием индивидов в институционально неформленном общественно-политическом пространстве.

Процесс институционализации включает в себя следующие составляющие: рационализация авторитета, обособления политики в автономную сферу, а также массовое политическое участие. Для этого процесса характерно смещение смысловых акцентов с инструментальной стороны действия института на ценностные аспекты. В качестве основных критериев институционализации выделяется: системность – взаимосвязанность института с институциональной средой и автономность

---

²⁵Расков Д. Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена // Логос: философско-литературный журнал. – 2019. – № 6(133). – С. 253-273.

– независимость института в принятии управленческих решений.

Изучение закрепления практик поведения индивидов в общественно-политической действительности позволяет выявить внутренние взаимосвязи этого процесса. В частности, отмечается²⁶ взаимосвязь между степенью развитости политических институтов и уровнем политического участия. Рост включённости индивидов в политический процесс сопровождается развитием институтов, укреплением институциональных структур, во избежание ситуаций распространения труднопрогнозируемых форм неинституционализированного политического участия.

Одновременно с вышеуказанной закономерностью существует и обратная взаимосвязь, когда высокая степень институционализации сопровождается низким уровнем политического участия, что приводит к «переинституционализированности» и способствует снижению уровня политического участия. Были сформулированы и определения понятиям «полуинституционализация», а также «квазиинституционализация» – процесс приобретения институтами значимости не как таковыми, а под воздействием определённых преференций, которые влекут за собой соответствующие формы институциональных взаимодействий²⁷.

Согласно Т. Парсонсу²⁸, к числу факторов внутренней среды можно отнести акторов, их цели и средства, а также ресурсы для достижения целей. В работе исследователя выявлены факторы, влияющие на выбор стратегии поведения акторов, условия и ситуации, их ценности, идеи и идеалы.

Исследователь С. Хантингтон²⁹ предложил следующие критерии институционализации: «сплоченность-раздробленность», «автономность-

---

²⁶Завадская М.А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Полит.наука. – 2009. – №3. – С. 56-70.

²⁷Ben-Dor G. Institutionalization and political development: A conceptual and theoretical analysis // Comparative studies in society and history. Cambridge. – 1975. – Vol. 17. – N 3. – P. 315–316

²⁸Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. С.П. Баньковской. – М. – 2002. – С. 23-24.

²⁹Judge D. Legislative institutionalization: A bent analytical arrow? // Government and opposition. Oxford. – 2003. – Vol. 38. – № 4. – P. 500.

зависимость», «сложность-простота», «адаптивность-ригидность». Критики учёного, исследователи В. Рэнделл и Л. Свонанда³⁰ выявили в предложенных критериях смещение причин и следствий, а также некоторые повторения критериев. Переработанные учёными критерии учитывали внутренние и внешние процессы. Одним аспектом институционализации является «системность» как соотношение масштаба, интенсивности, периодичности взаимодействия. Другим аспектом является «инфузия ценности» – характер идентификации участников с организацией. Внешние и структурные аспекты называются «автономией выбора», а внешнее позиционное измерение характеристик институционализации называется «материализация»³¹.

Исследователь А. В. Соколов³² в качестве предпосылки процессов политической институционализации выделил неэффективность сложившейся институциональной системы. Под неэффективностью системы учёный понимает ресурсозатратность процесса решения появляющихся проблемных ситуаций, что влечёт за собой ресурсную недостаточность. Подобная ситуация, свою очередь, влечёт за собой увеличение санкций и повышение транзакционных издержек, что вынуждает значительное количество граждан искать альтернативные методы поиска решения скопившихся проблем. Общественный запрос на альтернативные методы проявляется в интеллектуальном поиске, анализе и обосновании текущих общественно-политических процессов историко-культурной спецификой развития той или иной общности. В общественной сфере этот процесс проявляется в современной интерпретации сложившихся традиций и норм морали, а в политической – в появлении теорий и концепций, позволяющих структурировать и системно

---

³⁰Randall V., Svasand L. Party Institutionalization in New Democracies // Party Politics. 2002. № 8. pp. 5-29.

³¹Уразбаев Е.Е. Проблема измерения институционализации национализма в странах Балтии: организационный аспект // Власть. – 2016. – №12. – С. 231-236.

³²Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – М., 2018. – С. 34-45.

переосмыслить сложившийся корпус проблем.

В результате подобного переосмысления в общественном сознании, главным образом, в сознании представителей элиты, формируется альтернативная картина общественно-политических изменений. Вероятность трансформации институтов тем выше, чем ниже «цена» изменения институциональных изменений и чем выше «цена» сохранения существующих институтов. Падение эффективности деятельности институтов способствует проявлению процесса делегитимизации власти, что влечёт увеличение затрат на осуществление властных полномочий.

Таким образом, на процессы институционализации влияют две группы взаимозависимых факторов – внешней и внутренней природы. Исходя из вышеизложенного исследовательского опыта, в качестве основной, фундаментальной причины появления и закрепления института в общественно-политической действительности можно выделить научно-технический прогресс. Обладая эволюционным характером, технологическое развитие затрагивает практически все сферы жизни человека, что соотносится с системным характером институционализации. В качестве ретроспективного примера здесь можно привести пример воздействия технологических революций на формы правления и внутреннее устройство государств. Технологические решения изменяют производственные процессы, напрямую связанные с экономической жизнью. Появление нового продукта приводит к появлению новых качественных характеристик процесса потребления, что, в конечном счёте, отражается на структуре общественных отношений. Механизмами организации этих отношений выступают институты.

Процесс трансформации нормативно закреплённых институтов происходит в условиях динамического изменения влияния акторов, а также в условиях интеграции результатов научно-технологического процесса, социально-экономических факторов или демографических обстоятельств. Однако сложившееся система устойчивых правил и внутренних

распорядков меняется в соответствии с предпочтениями — участников действия институтов. В свою очередь, инерция в изменении предпочтений и соблюдении участниками деятельности институтов неформальных правил и внутренних распорядков может способствовать неподчинению действиям институтов в условиях неэффективности применения различных санкций.

Отечественный исследователь И. Игошин³³ выделял индикаторы институционализации – институциональные искажения. На процесс закрепления норм и правил поведения индивидов в общественных отношениях воздействуют: внедрение в институциональную систему новых институтов; изменение функций институтов в результате интеграции в институциональную среду; изменение моделей институционального поведения; целенаправленная политика, ориентированная на изменение институциональной среды.

К причинам институционализации относится воздействие различных группы внутренних и внешних факторов. К внешним факторам относятся экономические, политические, культурные и прочие условия, внешнеполитические события, вносящие коррективы в деятельность устоявшихся процедур. К внутренним факторам относится общая характеристика акторов, их цели и имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Также к этой группе факторов относятся цели, средства и ресурсы, определяющие выбор стратегии поведения акторов.

В качестве причины институционализации можно выделить возникновение и увеличение количества проблем, которые невозможно разрешить при помощи имеющегося институционального инструментария; распространение среди участников общественных отношений представлений об альтернативных способах институционального разрешения проблем.

---

³³ Игошин И.Н. Институциональные системы и их искажения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2003. №5. – С. 39-40.

К числу основных факторов институционализации относятся: ситуативные и непредвиденные обстоятельства; эволюционные общественно-экономические и политические изменения; и целенаправленная политика политических акторов. При рассмотрении эволюционных предпосылок институционализации выделяется технологический аспект жизни человека, воздействующий на структуру взаимодействия в общественных отношениях. В качестве одного из главных технологических аспектов институционализации можно выделить развитие интернета.

Говоря о закономерностях процессов политической институционализации, можно выделить следующие факторы: рост количества институциональных практик; появление партнёрских взаимоотношений; формирование институтов; и выстраивание общей институциональной структуры³⁴. Закономерности институционализации проявляются в нелинейности, продолжительности, наличии связей между различными этапами³⁵. В представленных исследователями³⁶ классификациях институционализации процесс включает в себя: формирование новых смыслов, выработку общего их понимания; формирование сплочённой группы; формализацию. Некоторые исследователи³⁷ исключают доинституциональную фазу, представляя процесс следующим образом: создание института; институциональное развитие; деинституционализация и реинституционализация. Однако, значимость доинституциональной фазы проявляется в контексте реакции института на факторы внешней среды³⁸. Исследователи П. Бергер и Т.

---

³⁴Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // ЭСГИ. – 2019. – №1 (21). – С. 168-179.

³⁵Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: критерии и этапы // Социодинамика. – 2017. – №2. – С. 31-45.

³⁶Политическая культура: учебное пособие [Текст] / Г.Л. Тульчинский [и др.]; под общ.ред. Г.Л. Тульчинского. – М.: Издательство Юрайт. – 2015. – 324 с.

³⁷Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – №3. – С. 62-75.

³⁸International center for transdisciplinary research. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nicol.club.fr/ciret/> (дата обращения: 11.01.2022)

Лукман³⁹ изложили концепцию институционализации, согласно которой этот процесс состоит из четырёх этапов: типизации, хабиитуализации, институционализации и легитимизации. Причину институционализации учёные видели во внутренней нестабильности человеческого существования, которая вынуждает человека самостоятельно придумывать механизмы стабилизации общественно-политической действительности. Этапы институционализации можно также представить как: количественный рост институциональных практик; появление партнерских взаимоотношений; формирование институтов; и выстраивание общей институциональной структуры⁴⁰.

Таким образом, институционализация в диссертационном исследовании определяется как процесс закрепления практик поведения индивидов в общественно-политической действительности. Этот процесс обладает чертами комплексности, взаимосвязанности, то есть, отражается на институциональной среде, в которую вписаны институты. Институционализация может рассматриваться как процесс формирования и появления института, однако значимым исследовательским вопросом является изучение причин и факторов институционализации.

Обобщая приведённые выше теории и подходы к формированию институтов, стоит отметить, что на процесс одновременно, но не равносильно воздействуют целые группы условий и факторов. На наш взгляд, объясняя появление институтов, необходимо исходить из заинтересованности сторон. Процесс закрепления норм и правил начинается при условии пересечения интересов акторов и участников общественно-политического процесса. Первые видят выгоду в устойчивом воспроизводстве общественных отношений, их организации, что позволяет прогнозировать развитие ситуации, сокращать управленческие издержки и

---

³⁹Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр. Медиум. 1995. – С. 311-315.

⁴⁰Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // ЭСГИ. – 2019. – №1 (21). – С. 168-179.

получать больше выгод от коллективной деятельности индивидов. Вторые — участники общественно-политического процесса, заинтересованы в эффективном разрешении возникающих конфликтных ситуаций и снижении риска проявления насилия внутри сообщества.

Для формирования институтов необходимы общественные отношения, предмет и участники которых обладают набором качественных характеристик:

- в общественных отношениях должна присутствовать ситуация ограниченности ресурсов участников, которая наделяет предмет общественных отношений ценностью, что обосновывает целесообразность кооперации индивидов для участия в коллективном действии, демонстрирует коллективную идентичность, а также включённость значительного количества индивидов в процесс извлечения из предмета общественного блага;

- в общественных отношениях должна сформироваться конкурентная среда, когда обладающие относительно равными ресурсами индивиды стремятся извлечь общественное благо из предмета общественных отношений. Конкуренция между участниками формирует конфликтную среду, где для разрешения противоречий необходимы механизмы, моделирующие активность индивидов;

- в общественных отношениях должны присутствовать активные, влиятельные, заинтересованные и способные к формированию моделей поведения участники. Необходимо отметить критерий эффективности решения проблем, который связан с наличием конкуренции между участниками общественных отношений;

- предмет общественных отношений, из которого извлекается общественное благо, должен обладать набором устойчивых во времени качественных характеристик, чтобы формирующиеся вокруг него нормы и правила обладали долгосрочным действием.

Исследователи отмечают значимость ценностных и культурных элементов институтов⁴¹. Так, исследователь М. Акака⁴² понимает институты как определяющие поведение людей посредством направления общественных действий индивидов в различных ситуациях механизмы, включающие в себя формальные правила и неформальные нормы, культурные убеждения и когнитивные модели, необходимые для координации действий индивидов, их участия в коллективной деятельности⁴³. Исследователь С. Варго⁴⁴ определяет институты как принимаемые и разделяемые сообществом предположения и убеждения индивидов, воздействующие на их общественное поведение.

Обобщая⁴⁵ представление институтов в исследовательской практике, стоит выделить несколько групп понятий: институт как особая система норм и правил; институт как совокупность установок и критериев для описания готовности индивидов к участию в коллективных общественно-политических процессах; институт как регулятор общественных отношений; институт как организация и как политическая подсистема.

Междисциплинарный опыт изучения институтов показывает изменение внутреннего содержания: от выделения действия институтов в отдельных сферах общественных отношений к множественному воздействию на различные сферы жизни человека.

Исследователь А. В. Соколов⁴⁶, рассматривая свойства и функции институтов, отмечает, что к свойствам относятся: постоянство и воспроизводимость; отсутствие чёткой привязанности к личностям;

---

⁴¹ Inglehart R.F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. – 2000. – Vol. 65. – №1. – P. 7-15.

⁴² Akaka M., Koskela-Huotari K., Vargo, S. Further advancing service science with service-dominant logic: Service ecosystems, institutions, and their implications for innovation. Maglio, Kieliszewski, Spohrer, Lyons, Patricio and Sawatani / *Handbook of service science*. – 2019. - Switzerland: Springer. – P. 641–659.

⁴³ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: Мысль. – 2011. – 448 с.

⁴⁴ Vargo S., Koskela-Huotari K., Vink J. Service-Dominant logic: Foundations and applications. Bridges, E. & Fowler, K. (Eds) / *The routledge handbook of service research insights and ideas*, Routledge. – 2020. – New York, NY. – P. 3-23.

⁴⁵ Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 102-117.

⁴⁶ Соколов А.В. Трансформация политико-властных институтов субъектов Российской Федерации: Диссертация кандидата политических наук. – Ярославль. 2006. – С. 115-125.

целостность и взаимосвязанность; изолированность и устойчивость к внешним воздействиям; адаптивность к изменению условий. К функциям институтов относятся: формирование механизмов для удовлетворения потребностей индивидов; обеспечение устойчивого воспроизводства общественно-политической деятельности; усиление связей внутри группы индивидов; включение новых участников в общественные отношения; контроль поведения индивидов в общественных отношениях.

Стабильность обеспечивает долговременность существования института. Это свойство проявляется в отсутствии привязки к личностям участников общественных отношений и стандартизации требований к индивиду, а обеспечивается заинтересованностью участников в действии института. В развитии мысли необходимо добавить, что стабильность действия института также обеспечивается достижением баланса между ограничениями от институциональных рамок и извлечением выгоды от возможности прогнозировать развитие общественных отношений, что формирует участников, способных, но не стремящихся менять институты. Процессы цифровизации трансформируют взаимодействие индивидов в общественных отношениях, способствуя снижению транзакционных издержек и упрощению организационных процедур, что смещает баланс между издержками и выгодами, дестабилизируя институциональную среду⁴⁷.

Действие институтов разворачивается в институциональной среде — совокупности формальных и неформальных правил⁴⁸. Институциональная среда, понимаемая в контексте системы, является новым качеством, не тождественным совокупности качеств институтов. Исследователи⁴⁹ полагают, что, будучи системой, институт состоит из ряда подсистем

---

⁴⁷Bimber B, Flanagan A.J., Stohl C. Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment // *Communication Theory*. – 2005. – № 4 (15). – P. 365–388.

⁴⁸Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопаля. М: Вече, 1999

⁴⁹Ижболдин-Кронберг А.Р., Губарь А.И., Губарь Е.А. К вопросу о феномене трансформационных изменений в системах управления социально-экономическими процессами // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. №2 (26). – С. 14-19.

(символических и утилитарных инструментов): договорные, семейные и принудительные ассоциации; обычаи и правила жизни; идеи, верования и идеалы. Кроме правил могут существовать и различные внутренние, в договорной форме, структуры, которые образуют собой институциональные соглашения. Фактическое исполнение этих соглашений в институциональной среде представляет собой институциональную практику.

Институты можно рассматривать в нескольких плоскостях: как устоявшиеся и воспроизводимые принципы, нормы и правила; как совокупность общественно-политических образований; как устойчивые алгоритмы поведения индивидов.

Спецификой политического института выступает сфера его проявления – публичное пространство, в котором акторы конкурируют друг с другом за ресурсы, властные полномочия, политическую повестку и её реализацию.

Исследователи определяют политический институт в качестве взаимосвязанной совокупности элементов общественно-политической действительности, очерчивающей границы допустимого политического поведения индивидов и направленные на их интеграцию в политических процессах. Политические институты понимаются как нормативно закреплённые либо включённые в политический дискурс механизмы поведения и рассматриваются в качестве основополагающих элементов институциональной теории в виду всеобъемлющего характера власти. Политические институты рассматриваются как механизмы разделения и структурирования власти, формирующие нормы приемлемого и желаемого поведения в политической сфере. Политические институты также рассматриваются в качестве инструмента регуляторного воздействия со стороны политических акторов в отношении граждан. Политический институт представляет собой систему действующих на индивидов норм и правил, которая налагает требования и формирует порядок участия граждан

в процессах формирования и деятельности органов власти. Представители постструктурализма⁵⁰ включают в понимание политических институтов совокупность нормативно закреплённых правил, деятельность организаций, а также системы ценностей, мышления и культурно-нравственные представления индивидов, понимая политические институты как механизмы интеграции граждан в политические процессы. Представители институционального подхода⁵¹ отмечают, что политические институты представляют собой договор между властью и гражданами, в котором власть в обмен на свободу предоставляет гражданам защиту и правосудие.

Таким образом, на основе изученных подходов можно сформулировать авторское определение института, который представляет собой устойчивую и воспроизводимую модель поведения индивида и акторов, в том числе коллективных (группы лиц, политических объединений, организаций и пр.) в обществе, включённую в культурные рамки и ценностную систему координат, и необходимую для организации общественных отношений посредством их структурирования и эффективного разрешения появляющихся конфликтных ситуаций.

Политический институт в диссертационном исследовании рассматривается в качестве устойчивой формы поведения политического актора в публичном пространстве, выраженной в виде формальных и неформальных норм, образующих собой модели поведения, которые структурируют взаимодействие участников с выстраиванием определённого типа отношений. Важной частью разработки научной проблематики выступает трансформация политических институтов, рассматриваемая в контексте процессов их институционализации.

Вместе с устойчивостью институционального взаимодействия индивидов, институты могут изменяться или трансформироваться. Для

---

⁵⁰ Koopman C. The Political Theory of Data: Institutions, Algorithms, & Formats in Racial Redlining // Political Theory. – 2022. – Vol. 50(2).

⁵¹ Палагичева А.В. Политическая демобилизация протестной активности граждан в современной России: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – Ярославль, 2021. – С. 36.

первого случая используется термин «адаптация», который подразумевает изолированный характер изменений, не затрагивающий институциональную среду. Для второго случая, когда изменения приводят к качественному перерождению института с изменением институциональной среды, используется термин «трансформация». Трансформация выступает комплексным многофакторным процессом, обладающим нелинейным характером развития, связанным с формированием новых практик взаимодействия индивидов в институциональных отношениях.

В частности, исследователь К. Вишневская⁵² различает понятие «институции» – учреждённой в обществе нормы поведения, обычая, и понятия «института» – нормативно закреплённой формы поведения или деятельности организации, включая в двуаспектную модель понятие «ожидания» как потребности в появлении институционализации, его отправную точку и критерий для оценки институтов. Изучая институционализацию, исследователь выделяла в процессе следующие этапы: возникновение, развитие, изменение и усложнение институциональной структуры. В целом, институционализация характеризуется комплексным, системным характером, сменой акторов, появлением новых институциональных структур, в которые входят участники общественных отношений.

Исследователь Г. Найт отмечал, что модели рационального выбора сыграли значительную роль как в понимании того, как институты имеют значение и при изучении происхождения институтов⁵³. Наряду с рациональными решениями индивидов, закладывающими условия для институционализации политических практик, существуют импульсивные решения, принятые под воздействием ситуативного воздействия. Так, экономический институционализм сосредоточил в себе наиболее

---

⁵² Вишнева К.В. Особенности институционализации социально ориентированных некоммерческих организаций в структурах гражданского общества: дуальный подход // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №3 (95). – С. 38-42.

⁵³ Miller G. Rational Choice and Dysfunctional Institutions // Governance: an International journal of Policy? Administration and Institutions. – 2000, – Vol 13, – P. 535-547.

рациональные сферы экономической активности. Например, заключение крупных контрактов, построение стратегий развития тех или иных областей экономики. В это же время экономическая активности отдельных индивидов может быть иррациональной, подверженной влиянию различных обстоятельств.

Выводы по параграфу 1.1.

Процесс закрепления практик поведения индивидов в публичном пространстве определяется как политическая институционализация. Одним из главных факторов трансформации выступает развитие интернета, способствующего смещению баланса между издержками и выгодами за счёт снижения транзакционных издержек и упрощения организационных процедур. Смещение баланса приводит к формированию новых качеств института, учитывающих специфику цифрового взаимодействия индивидов и акторов, в процессе политической институционализации.

В процессе политической институционализации также можно выделить закономерности развития: появление отдельных практик; расширение количества участников взаимодействия и опривычивание практик; рационализация практик и формирование институтов; систематизация и стандартизация действий инструментов относительно общей институциональной среды; имплементация в нормативно-правовое поле; формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

Политический институт обладает междисциплинарным характером изучения и рассматривается исследователями как система норм и правил, как совокупность установок и критериев участия индивидов в общественных отношениях, как регулятор общественных отношений и как организация и как политическая подсистема. В категорию неоинституционализма включаются различные направления институциональных теорий. Авторское определение института понимает

его в качестве устойчивой и воспроизводимой модели поведения индивида и акторов (в том числе коллективных: группы лиц, политических объединений, организаций и пр.) в обществе, включенную в культурные рамки, ценностную систему координат и необходимую для организации общественных отношений посредством их структурирования и эффективного разрешения появляющихся конфликтных ситуаций.

Спецификой политического института выступает сфера проявления – публичное пространство, в котором акторы конкурируют друг с другом за ресурсы, властные полномочия, политическую повестку и её реализацию. Согласно авторскому определению, политическим институтом является устойчивая практика поведения политического актора в публичном пространстве, выраженная в виде формальных и неформальных норм, образующих собой модели поведения, которые структурируют взаимодействие участников с выстраиванием определенного типа отношений.

1.2. Интернет-активизм как феномен цифровизации гражданской активности: сущность и специфика

Интернет выступает одним из главных факторов институционализации общественных и политических институтов. Образуя виртуальную плоскость общественных отношений, практики сетевого взаимодействия закрепляются и включаются в общественно-политическую действительность. Актуальность изучения объясняется исследовательским интересом. Учёные⁵⁴ отмечают значительную включённость интернета в формы гражданского активизма. Кроме этого, подчеркивается существенное влияние интернета на практики взаимодействия активистов.

Изучение интернет-активизма характерно наличием широкого, нередко, пересекающегося, спектра терминов для описания феномена цифровизации гражданской активности. В исследованиях используются термины «цифровой», «онлайн» или «мобильный»⁵⁵. Описывая схожие процессы, зарубежные исследователи также применяют «онлайн-активность», «сетевую активность», «активность в социальных сетях», «интернет-активность», префиксы «e», «net», «web»⁵⁶. В настоящей работе ключевым выбран термин «интернет-активизм», а качественные прилагательные: «цифровой», «онлайн», «сетевой» и пр. используются в качестве синонимов без учёта их технологической специфики.

В феномене отмечается многосоставная основа и гибридный, сочетающий офлайн и онлайн интеракции, характер интернет-активизма. Существуют различные подходы к пониманию данного феномена, отражающих его организационную, технологическую, деятельностную,

---

⁵⁴Походня А.В. Генезис и факторы политического интернет-активизма // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – №7 (84). – С. 18-21.

⁵⁵ Özkula, S. The problem of history in digital activism: Ideological narratives in digital activism literature // First Monday. – 2021. – Vol. 26(8).

⁵⁶ Peters, M., Besley, T. Weinstein, sexual predation, and 'Rape Culture': Public pedagogies and Hashtag Internet activism // Educational Philosophy and Theory. – 2019. – Vol. 51(5). – P. 458-464.

коммуникативную и другие составляющие⁵⁷. Среди основных характеристик интернет-активизма выделяют наличие общих интересов и ценностей, объединяющих активистов; организацию коллективных действий; стремление к гражданскому контролю над протеканием общественно-политического процесса; целенаправленное использование интернет-технологий в цифросетевой среде; наличие устойчивых коммуникаций между пользователями сетевого пространства.

Исследователь Р. Габдулхаков⁵⁸ отмечал фрагментарность интернет-активизма, что способствует формированию и организации в общественно-политической сфере разнообразных меньшинств. Исследователь В. Якимец⁵⁹ также отмечает, что опыт изучения интернет-активизма в России носит фрагментарный характер, что связано со спецификой самоорганизации россиян.

Интернет-активизм как феномен цифровизации гражданской активности вписан в институционально оформленную среду гражданской активности. К общим чертам между интернет-активизмом и гражданской активностью относят отсутствие прямого государственного регулирования и участие в мероприятиях различных общественно-политических образований. В частности, институциональным элементом гражданской

---

⁵⁷ Центр ГРАНИ. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://granycenter.org/sites/default/files/files/page/otchot_aktiviz_m.pdf (дата обращения: 01.08.2020); Edwards, Frank, Philip N. Howard, and Mary Joyce. Digital Activism and Nonviolent Conflict. The Digital Activism Research Project. digital-activism.org. 2013. – P. 109-11; Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации. – Социс. Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 72-77; Cruz J. Virtue Ethics and a Technomoral Framework for Online Activism // International Journal of Communication. – 2021. – Vol. 15. – P. 1330–1348; Özkula. S. What is digital activism anyway? social constructions of the “digital” in contemporary activism // Journal digital social research. – 2021. – Vol. 3(3). – P. 60-84; Theocharis, Yannis. 2015. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. Social Media + Society 1 (2); Gerbaudo, P. From Cyber Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. 2017. – P. 477-489; Wright S. From "Third Place" to "Third Space": Everyday Political Talk in Non-Political Online Spaces // The Public. – 2012. – Vol. 19. – № 3. – P. 5-20; Treré E. Kaun A. Digital Media Activism: A Situated, Historical, and Ecological Approach Beyond the Technological Sublime // Digital Roots. – 2021. – P. 193-208.

⁵⁸ Gabdulhakov R. Media Control and Citizen-Critical Publics in Russia: Are Some «Pigs» More Equal Than Others? // Media and Communication. – 2021. – Vol. 9.

⁵⁹ Якимец, В. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики / В. Якимец, Л. Никовская // Социальные и гуманитарные знания. - 2019. -Т. 5. № 3. - С. 208-223; Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. –2017. – Т. 25. – № 11. – С. 31-37.

активности в интернет-активизме выступает присутствие некоммерческих организаций. Гражданская активность и интернет-активизм обладают общей целью, которая проявляется в достижении общественного блага. Выделяются и такие схожие черты как: специфический тип социальной интеграции свободных личностей; взаимоотношения с государственными институтами на основе устоявшихся правовых норм; независимость личности от государственных структур и некоммерческих организаций; плюрализм и защиту прав и свобод⁶⁰.

Специфика интернет-активизма проявляется в его сетевых аспектах, которые определяют характер взаимоотношения активистов. С учётом особенностей российской модели взаимоотношений активистов и власти, для институционализации интернет-активизма будет характерно формирование и закрепление практик давления как возможности оказывать влияние на власть при помощи протеста; влияния как способности мобилизовать общественное мнение и формировать инструменты общественного контроля; и принадлежности как ассоциации с теми или иными общественно-политическими образованиями.

Электронные средства коммуникации оказывают определяющее влияние на взаимодействие интернет-активистов. В частности, в целенаправленном характере использования цифрового канала коммуникации. Использование активистами интернета выступает значимым элементом концептуализации и является базовым свойством интернет-активизма. Активизм понимается как осознанное участие в организованных мероприятиях. Рациональная составляющая выделяется в качестве основополагающего признака интернет-активизма. Активизм характеризуется инициативным действием, направленным на решение общественно-политических проблем. В то время когда онлайн-активность понимается как некоторая совокупность действий, не всегда ставящая перед

---

⁶⁰Тресков А.П. Гражданское общество: истоки, понятие и признаки // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 86–90.

собой цель изменения общественно-политической действительности. Гражданскую онлайн-активность можно рассматривать как набор методов и средств, необходимых для участия в общественно-политической жизни⁶¹. Если в гражданской онлайн-активности говорится о применении отдельных интернет-инструментов в деятельности активистов и гражданских коалиций, то инициативы в интернет-активизме могут зарождаться и реализовываться в самих цифровых инфраструктурах – взаимосвязанных между собой системах, коллективах, технологиях, стандартах и программном обеспечении, которые трансформируют взаимодействие индивидов и оказывают на них значительное воздействие. Исследователь Л. Никовская⁶² понимала гражданскую активность как инструмент вовлечения граждан в процессы преобразования социальной сферы.

К специфике интернет-активизма (в отличие от онлайн форм гражданской активности и гражданского активизма) относится значительное воздействие интернета на организационные, информационные и мобилизационные практики активистов, которые позволяют расширять влияние и оказывать воздействие на властные отношения. Использование интернета также сокращает транзакционные издержки и упрощает организационные процедуры, что вкупе с быстрыми темпами технологического развития способствует широкому распространению практик интернет-активизма. В свою очередь, интенсивное распространение практик интернет-активизма позволяет вписать его в институциональный каркас неинституционализированные практиками при помощи новых медиа.

Интернет-активизм обладает спецификой, позволяющей его отличить от онлайн гражданской активности и гражданского активизма, которая связана как с техническими особенностями использования интернета, так и с изменениями в ценностной системе координат и политической культуре.

---

⁶¹Vamstad J. Giving to be civil or civic? – a social origins analysis of charitable giving in Sweden // Journal of Civil Society. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 1-14.

⁶²Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы /Государство и граждане в электронной среде. Труды XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», СПб: Университет ИТМО, – 2017. С. 213-220.

Интернет играет ключевую роль в деятельности интернет-активистов⁶³. Интернет-активизм обладает гибкой неформальной и множественной организационной структурой, с отсутствием ярко выраженных лидеров и жестких иерархических отношений, интенсивным взаимодействием с технологическими и культурными практиками, а также инфраструктурных механизмов. Множественность проявляется в наличии значительного количества форм активизма, организованных по проектному принципу и обладающих внутренне связанными элементами. Трансформация ценностей проявляется в ситуации, когда сохранение ресурсов индивида приводит к наделению его собственной личности исключительной ценностью, что приводит к приоритету удовлетворения личных потребностей, в том числе нематериальных.

Таким образом, будучи вписанным в институциональную среду гражданской активности, интернет-активизм становится следующей стадией развития гражданской активности, характеризующейся способностью к самоорганизации и целенаправленностью воздействия граждан на общественно-политическую ситуацию посредством использования интернет-технологий.

Институционализация интернет-активизма тесно связана с развитием цифровых технологий: автоматизацией, цифровизацией и цифровой трансформацией. Автоматизация понимается как механизм повышения производительности труда, заключающийся в частичной либо полной замене человеческого труда машинным трудом в процессе преобразования и передачи информации. При автоматизации сохраняются качественные характеристики информации. Примером автоматизации в гражданской активности служит создание сайтов и аккаунтов в социальных сетях некоммерческими организациями и гражданскими активистами. В 2015 году в Ярославской области организация «Центр социального партнерства»

---

⁶³Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 97—118.

создала цифровую площадку для СО НКО (социально ориентированных некоммерческих организаций) региона⁶⁴. Цифровизация – более глубокий процесс внедрения машинного труда, предполагающий наличие цифрового компонента у других участников общественно-политического процесса, что подразумевает инфраструктурные изменения в обществе⁶⁵. Цифровизация характеризуется многоуровневым внедрением технологий: от межличностного до транснационального уровня. При цифровизации меняется порядок и характер взаимодействия активистов. Цифровая трансформация представляет собой комплексное, взаимосвязанное внедрение цифровых технологий, в результате которого продукт коллективного действия приобретает новые качества. Цифровая трансформация характеризуется глубокими преобразованиями как в материально-технической базе, так и в подходах к управлению, культуре, ценностях и характере коммуникации. Исследователи отмечают революционный характер изменений, основывающийся на использовании цифровых платформ.

На основе обобщения ранее выделенных подходов к пониманию процессов политической институционализации, понимания сущности интернет-активизма мы можем выделять ряд этапов процессов политической институционализации интернет-активизма.

Первым этапом является появление отдельных практик, расширение количества участников взаимодействия и хабилизация практик. Появление новых практик взаимодействия индивидов, которое объясняется контекстом происходящего и воздействием технологических, экономических, общественно-политических и культурных факторов. Появление новых практик имеет фрагментарный и узкоспециализированный характер, протекая внутри сообществ индивидов. В свою очередь, в среде индивидов

---

⁶⁴Ярославский Центр социального партнерства празднует 15-летие – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.asi.org.ru/report/2015/11/19/yaroslavskij-tsentri-sotsialnogo-partnerstva-prazdnuet-15-letie/> (дата обращения: 11.01.2022).

⁶⁵Brennen, J. Scott; Kreiss, Daniel. Digitalization, The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy // American Cancer Society. – 2016. – P. 1–11.

должна быть сформирована коллективная идентичность, необходимая для выражения интересов сообщества, а также социальное доверие, свидетельствующее об определенной степени устойчивости взаимодействия и о потребности в формировании новых институтов. Говоря о процессах, протекающих внутри сообществ, важной составляющей является социальная однородность индивидов: сравнимые элементы системы ценностных координат и возможностей, подразумевающая наличие в сообществе конкуренции, понимаемой в качестве благоприятной среды для появления конфликтных ситуаций и необходимости поиска инструментов для их эффективного разрешения.

Расширение количества участников взаимодействия и опривычивание практик. В условиях взаимодействия индивидов внутри конкурентной среды одним из основных критериев жизнеспособности и потенциала развития той или иной практики является их эффективность, которая выражается в предоставлении новых возможностей по извлечению пользы для вновь включившихся во взаимодействие индивидов. Одновременно с ростом количества участников общественных отношений усложняется структура взаимодействия и происходит хабикуляция практик, что, с одной стороны, расширяет предметное поле возникающих конфликтов и круг проблемных ситуаций, а с другой, за счёт продолжительности и повышения устойчивости взаимоотношений, повышает степень значимости проблем, актуализируя потребность в формировании механизмов их эффективного разрешения.

Вторым этапом является рационализация практик и формирование институтов. По мере увеличения количества участников, повышения степени устойчивости их взаимодействия и хабикуляции практик коммуникации, возрастает и потребность в рациональном объяснении сформированных регуляторов сферы общественных отношений для их легитимизации. В процессе интеллектуального поиска наиболее активные участники отношений – акторы – находят внутренние взаимосвязи и

социально одобряемые основания, обосновывающие эффективность укрепляющихся норм поведения участников. В процессе общественной дискуссии формируются оценки целесообразности использования сформированных норм и правил поведения и, в случае их принятия сообществом, происходит дальнейшая детализация, а также формирование моделей применения санкций в отношении участников, поведение которых отклоняется от норм.

Третьим этапом является систематизация и стандартизация действий инструментов относительно общей институциональной среды. В условиях расширения количества участников в форме отдельных практик рационально обоснованные и легитимизированные сообществом институты начинают переноситься на другие сферы общественных отношений, способствуя систематизации и стандартизации действия институтов. При этом использоваться или перениматься институты могут в конкурентной среде, когда индивиды способны почувствовать их эффективность и извлечь пользу от использования.

Четвёртым этапом является имплементация модели в нормативно-правовое поле. В условиях распространения институтов на другие формы общественных отношений и расширения количества участников институционального взаимодействия происходит нормативное закрепление действий институтов, когда акторы общественно-политического процесса фиксируют в документах границы действия институтов, круг участвующих субъектов, а также процедуры и санкции в отношении индивидов, отклоняющихся от учреждённых норм.

Пятым этапом является формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами. Этому этапу предшествует значительное количество времени, когда институты будут интегрированы участниками в общественно-политическую действительность. Процесс характеризуется закреплением действия институтов в системе социальных

статусов и ролей, оказывающих перманентное воздействие на поведение индивидов в обществе, а также воспроизводством действия норм институтов в общественных отношениях.

в качестве главного фактора институционализации общественных и политических институтов выступают информационно-коммуникационные технологии – интернет. По мере своего развития, распространения и вовлечения значительного количества человек, интернет сформировал виртуальное коммуникативное пространство. Включение в процесс цифрового взаимодействия различных сфер человеческой жизни, таких как экономическая активность, политическое участие, гражданская активность и активизм, по сути, сформировало общественные отношения с широким спектром объектов, вокруг которых они развиваются.

Вместе с усложнением структуры виртуальной плоскости общественных отношений у её участников появляется заинтересованность в формировании институтов, которую, в соответствии с выбранными теоретическими основами изучения, включается выбор. Участники – интернет-активисты (в предметном понимании диссертационного исследования), заинтересованы в эффективном разрешении появляющихся конфликтных и проблемных ситуаций, обеспечении безопасности в интернете, пресечении мошеннических действий, снижении рисков применения форм насилия по отношению к ним.

Актеры общественно-политического процесса – представители органов власти, также заинтересованы в формировании института в виртуальной плоскости общественных отношений с её последующей институционализацией в общественно-политическую действительность. Заинтересованность со стороны акторов политического процесса заключается в обеспечении стабильности и устойчивого общественного воспроизводства общественно-политической деятельности участников виртуальной плоскости общественных отношений за счёт их институционализации. Кроме этого, процесс формирования институтов

позволяет прогнозировать развитие общественных отношений, а также включать участников в структуру властных отношений, предусматривающих систему поощрения и санкций за отклоняющееся от установленных норм поведение.

По мере закрепления сформированных институтов в виртуальной плоскости происходит их хабиитуляция, которое позволяет участникам соотносить и ассоциировать институты с элементами политической культуры и политического поведения. В настоящее время в виртуальной плоскости общественных отношений в различной степени сформированы институты, которые институционализируются в общественно-политическую действительность.

Выделяются различные формы проявления интернет-активизма. В частности, выделяется: слактивизм, метаголос (повторный информационных обмен активистов с целью надления деятельности большей значимостью), создание контента, электронное финансирование, цифровые петиции, ботивизм, активность данных, разоблачение и хактивизм⁶⁶. Исследователи группируют формы интернет-активизма вокруг их функциональной нагрузки, деля их на: пропаганду и политические комментарии; агитацию и формирование общественных движений; организацию и координацию; акции прямого действия, хактивизм и гражданское неповиновение; а также на биг-дату⁶⁷.

Согласно актуальной научной практике, деятельность интернет-активистов принято рассматривать не через принадлежность к определенной организации, но через децентрализованную работу внутри того или иного проблемного поля. В этой связи выделяется четыре показателя интернет-активизма: мотивация активистов (играет одну из ведущих ролей); культура, культурные нормы и властные институты

---

⁶⁶George J., Leidner D. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // Information and Organization. – 2019. – Vol. 29(3).

⁶⁷ Reilly P., Vicari S. Organizational Hashtags During Times of Crisis: Analyzing the Broadcasting and Gatekeeping Dynamics of# PorteOuvrte During the November 2015 Paris Terror Attacks // social media+ Society. – 2021. – Vol. 7(1).

(проявляются в межличностных практиках, которые могут как укрепляться, так и ослабляться из-за применения сетевых технологий); языки и символы (при их помощи активисты могут связывать деятельность на локальном и региональном уровне); инфраструктура (правила в институциональных практиках, которые во взаимодействии с организационными структурами могут способствовать мобилизации или демобилизации активности).

Одним из подходов классификации интернет-активизма выступает проблематика, в соответствии с которой выделяется экологический активизм; протестный политический активизм; движения против харассмента и сексуальных домогательств; а также борьба сторонников нетрадиционных сексуальных отношений за легализацию однополых браков⁶⁸.

Другим подходом выступает включенность интернет-активизма в институциональную среду, где выделяется институционализованный, полупоформальный и спонтанный активизм, а критерием оценки выступает включённость в общественно-политические практики, готовность поддержать общественные движения. Исследователь М. МакКоги разделял интернет-активизм на: активный, реактивный, мобилизующий и информационный⁶⁹.

Интернет-активизм включает в себя значительное количество форм. В связи с этим подход учитывает характер проявления активности: универсальные, гибридные и онлайн-формы участия. Обобщая круг проблемных ситуаций, решая которую активисты ведут деятельность в интернете, исследователь Бьорго⁷⁰ приходит к выводу, что предметом интернет-активизма является политизированная ситуация

---

⁶⁸ Bardzell, J., Freeman G., Bardzell S., Chen P. Join. Love: A socio-technical genealogy of the legalization of same-sex marriage / In CHI '20: Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, Honolulu HI, USA. – 2020. – New York: ACM, – P. 1-16

⁶⁹ McCaughey, Martha; Ayers, Michael D. // Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice. Psychology Press. – 2003. – №3. – P. 25-27.

⁷⁰ Bjørge T., Mareš, M. Vigilantism against migrants and minorities. Routledge / Vigilantism against Migrants and Minorities. - 2019. – P.1-30.

несправедливости, в которой усилия активистов направляются, скорее, на политических акторов, нежели на сам предмет проблемы.

Важно отметить работу исследователя М. Линьяна⁷¹, который выделил в аудитории сетевых ресурсов несколько основных групп. Аудитория разделяется на: авторы и сообщества, публикующие провокативный контент и иницилирующие процессы общественного обсуждения; активные подписчики авторов и участники сообществ, распространяющие информацию на разные аудитории, связанные информационным обменом; лидеры общественного мнения, обладающие ресурсами для воздействия на процесс общественного обсуждения той или иной общественно значимой проблемы.

Таким образом, путём обобщения широкого спектра источников, сформирована авторская классификация форм интернет-активизма:

- просветительско-пропагандистская. Характеризуется широким информированием о наличии и степени общественной значимости проблемы. Практики включают в себя, в том числе гражданскую журналистику, обсуждение общественно значимых проблем в мессенджерах и социальных сетях, проведение просветительских мероприятий онлайн;

- координационно-мобилизационная. Характеризуется использованием цифровых технологий для организации и управления мероприятием интернет-активизма. Практики включают в себя, в том числе виртуальное волонтерство и формирование гражданских коалиций;

- партиципаторно-деятельная. Характеризуется однократными стандартизированными действиями активистов в границах одного мероприятия. Практики включают в себя, в том числе, участие в дистанционных электронных голосованиях, подписание коллективных электронных обращений в органы власти, онлайн-благотворительность;

---

71 Lingyan M. Three Social-Mediated Publics in Digital Activism: A Network Perspective of social media Public Segmentation // social media + Society. – 2022. – P. 1–10.

- технологическая. Сущностной чертой этой формы является использование активистами алгоритмов работы цифровых платформ, а также программной архитектуры интернет-ресурсов для достижения поставленных целей. Практики этой формы включают в себя, в том числе хактивизм, виртуальные протестные и непротестные кампании.

Была выявлена закономерность между процессами совершенствования цифровых технологий и рекрутирования активистов. В частности, «эффект вовлеченности», демонстрирующий определяющую роль программной архитектуры на порядок взаимодействия активистов также стал одной из закономерностей интернет-активизма⁷². Кроме этого, был выявлен «эффект переноса», объясняющий возрастание популярности определённых форм интернет-активизма модой на социально одобряемое поведение индивида в сообществе⁷³. Учёные⁷⁴ выявили взаимосвязь между коммуникацией пользователя с «друзьями» в социальных сетях и общественно-политической активности индивида в ресурсах интернет. Исследователь А. Домбровская⁷⁵ отмечает, что интенсивность использования интернета способствует формированию виртуальной коллективной идентичности.

Отмечается процесс формирования сервисно-ориентированных цифровых платформ интернет-активизма, сопоставляя их с процессами постепенной деполитизации, зависимостью от алгоритмов работы цифровых платформ и введения санкций в отношении активистов,

---

⁷²Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2017. – Vol. 17. – P. 319-336.

⁷³Vítak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. It's Complicated: Facebook* Users' Political Participation in the 2008 Election. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2011. – Vol. 14. – P. 107-114. (*принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ)

⁷⁴Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // *Полит. наука*. – 2016. – №2. – С. 164-180.

⁷⁵ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. "Цифровая гражданственность" в оценках российской молодежи // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. - 2019. - Т. 15. - № 3. - С. 4-22.

деятельность которых отклоняется или идёт вразрез с политикой власти⁷⁶. В качестве главных инструментов интернет-активизма выделяются мессенджеры и социальные сети, в которых организуются общественно-политические кампании⁷⁷. Учитывая значительный мобилизационный потенциал социальных сетей, в частности, «Twitter»⁷⁸. Изучение протестов в Гонконге показали⁷⁹ новаторский опыт использования мессенджера «Telegram», в котором создавались многочисленные зашифрованные чат-группы, необходимые для самоорганизации и мгновенного распространения информации среди подписчиков. Одновременно с этим к формам интернет-активизма можно отнести⁸⁰ слактивизм и кликтивизм, которые в силу малозатратности широко распространены среди пользователей, при этом опосредованно и малозначительно воздействуя на общественно-политическую ситуацию.

Выделяя главенствующую роль интернета в интернет-активизме, для концептуализации феномена цифровизации гражданской активности необходимо изучить другое корневое понятие – интернет. В настоящее время в интернете можно выделить пространственные и инструментальные аспекты изучения⁸¹. В пространственных⁸² аспектах фокус внимания

---

⁷⁶Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. – С. 97—118.

⁷⁷Фадеева Л. А. Акторы и векторы политики идентичности в социокультурном аспекте: европейское и российское измерение // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 147-152.

⁷⁸Frankfurt T. How technology is fueling social justice during a pandemic. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2020/08/20/how-technology-is-fueling-social-justice-during-a-pandemic/?sh=73ce78494c18> (дата обращения: 7.07.2022).

Zarmsky S. Digital Evidence & The Black Lives Matter Movement. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://opiniojuris.org/2020/06/12/digital-evidence-the-black-lives-matter-movement/> (дата обращения: 7.07.2022).

⁷⁹Frosina S. Digital revolution: How social media shaped the 2019 Hong Kong protests. Italian Institute for International Political Studies. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/digital-revolution-how-social-media-shaped-2019-hong-kong-protests-30756> (дата обращения: 7.07.2022).

⁸⁰Li Y., Bernard J.-G., Luczak-Roesch M. Beyond Clicktivism: What Makes Digitally Native Activism Effective? // An Exploration of the Sleeping Giants Movement. social media + Society. – 2021. – Vol. 7. – No. 3. – P. 25-27.

⁸¹Волкова А. В. Конфликтогенные факторы цифрового гражданского участия // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного

исследователей обращён на сочетания офлайн-интеракций и виртуальных взаимодействий, происходящих в сетевой структуре и образующих специфичную форму общественно-политической действительности. Специфика объясняется качествами сетевой структуры, которая характеризуется множественным, гибким, децентрализованным взаимодействием, горизонтальной коммуникацией с их самоорганизацией для взаимодействия в проектной форме.

Институционализация представляет собой комплексный процесс закрепления практик в общественно-политической действительности, который затрагивает и отражается на институциональной среде. Проникновение интернета в человеческую жизнь обладает всеобъемлющим характером, трансформирует сферы общественных отношений. В частности, интернет меняет практики активизма, проявляя феномен цифровизации гражданской активности – интернет-активизм.

Фундаментальным условием институционализации интернет-активизма выступает глобальный общественно-политический контекст его проявления, сущностные черты которого определяются влиянием интернета. Теория постинформационного общества описывает глобальные эволюционные процессы, воздействующие на изменение типа социального устройства, которое находит отражение и в нашей стране. Первоначальным импульсом к развитию теории стала деятельность исследователя Д. Белла, который изучил и периодизировал этапы развития человечества на добывающее, аграрное и индустриальное общества. Одним из тезисов учёного стало положение, что основанное на машинном труде индустриальное общество исчерпало свои ресурсы, а на смену ему придет общество постиндустриальное. Технологии рассматривались в качестве

конгресса конфликтологов, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 69-71.

⁸²Володенков С.В. Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – С. 1-13.

главного фактора не только свершившихся, но и грядущих глобальных изменений.

Постинформационное общество выступает последующей за переходом к постиндустриальному этапу развития общества формацией⁸³. Постиндустриальное общество характеризуется сокращением производства и расширением сферы услуг. Ключевую роль в развитии процессов сыграл интернет, который обеспечил беспрепятственную коммуникацию людей в разных частях мира, сформировал пространство, где появились новые знания, что открыло новые ниши на рынке услуг. Постинформационное общество понимается как специфический тип социального устройства, характеризующийся ростом сферы услуг, цифровизацией и сетевизацией различных сфер деятельности человека⁸⁴.

Связывая людей воедино посредством цифровой коммуникации, интернет заложил условия и интенсифицировал виртуализацию общественных отношений. В свою очередь, виртуализация общественных отношений стёрла строгое разграничение между офлайн и онлайн плоскостями. Выступая средством обмена информацией, интернет привел к состоянию информационного перенасыщения, что привело к снижению качества информации и получаемых из неё знаний⁸⁵. В этой связи исследователи⁸⁶ анализируют понятие «информация» уточняют содержания терминов: «сообщение» - содержательная сторона информации, «коммуникация» - процесс передачи информации и «интерпретация» - получаемое человеком знания.

Вместе с увеличением количества информации существенно увеличилось число субъектов, информацию производящих. В контексте

---

⁸³Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia. 1999. – С. 744-746.

⁸⁴Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. – 2016. – № 12. – С. 7-19.

⁸⁵Stephanidis C., M. Antona Universal access in the information Society (2001–2021): knowledge, experience, challenges and new perspectives // Universal Access in the Information Societ. – 2022. – Vol. 3. – P. 329–331.

⁸⁶Иванов Д.В. Виртуализация общества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt (дата обращения: 06.06.2020)

интернета пользователи обладают равными технологическими возможностями для создания контента и взаимодействуют друг с другом в относительно равных условиях. Обстоятельства приводят к атомизации общества: распаду общественных связей, деградации организационных структур и ослаблению действий институтов, которые интегрировали индивидов. Взамен утраченных связей в офлайн-плоскости начался процесс формирования общественных связей в интернет-среде. В виртуальном пространстве, а именно, в социальных сетях, зародились, распространились и частично закрепились феномены виртуальных общественных отношений. Примером этого может служить, так называемая, «новая этика» и «культура отмены». В отсутствии нормативного регулирования цифровой коммуникации, стратификации общества и формирования виртуальных сообществ на основе общих интересов (напрямую) и на основе схожих социально-демографических показателей (косвенно, по причине цифрового неравенства) трансформируется ценностная система координат и политическая культура. Системность включенности интернета и его массовость формируют на базе виртуальных общественных отношений общественно-политический дискурс, контроль которого находится вне сферы регулирования государственных институтов. Исследователи⁸⁷ подвергают сомнению демократическую доктрину интернета, говоря о цифровом неравенстве и выключении граждан из виртуальной плоскости общественно-политического процесса. Также акцентируется внимание на угрозе свободы слова в западных странах⁸⁸. В целом, отмечается процесс индивидуализации и персонализации интернет-активизма⁸⁹. В частности, – распространение индивидуалистского похода на цифровую плоскость,

---

⁸⁷ Deursen V., Dijk V. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // *New Media & Society*. – 2019. – Vol. 21(2). – P. 354-375.

⁸⁸ Hannon M. Public discourse and its problems // *Politics, Philosophy & Economics*. – 2022. – Vol. 26(3). – P. 271–295.

⁸⁹ Hatuka T., Zur H. Who is the ‘smart’ resident in the digital age? The varied profiles of users and non-users in the contemporary city // *Urban Studies*. – 2020. - Vol. 57(6). – P. 1260–1283.

которая представляет собой оформленный личностью «мир», отмеченный радикальной внутренней множественностью⁹⁰.

Интернет-активисты используют комплекс практик и методов, которые воздействуют на характер проявления активизма: от рациональных, продолжительных, концентрированных действий до трансгрессивных разрозненных вспышек, опосредованных социальными сетями⁹¹. Интернет-активисты могут камуфлировать свои политические взгляды, в частности, националистические, социально одобряемым поведением, например, защитой животных⁹². Интернет-инструменты способствуют развитию практик общественно-политического контроля, которым характеризуется современный дискурс⁹³. Российские исследователи отмечают, что интернет-активизм как новая онлайн-форма политического участия набирает все большую популярность⁹⁴. В научной литературе выделяются следующие формы инициатив интернет-активизма: сервисы «жалоб»; подача онлайн-петиций; сервисы, организованные для сбора средств; сервисы для координации гражданской деятельности; сервисы для обсуждений; гражданская журналистика; краудсорсинговые платформы; площадки электронных референдумов⁹⁵.

Согласно теоретико-методологическим основам изучения, в процессе атомизации цифровая коммуникация активистов, неформально объединенных в виртуальные сообщества в социальных сетях, ко всему прочему подвергается ряду когнитивных искажений, обусловленных:

---

⁹⁰ Bonaiuti G. Spherology. *International Lexicon of Aesthetics*. -2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lexicon.mimesisjournals.com/international_lexicon_of_aesthetics_item_detail.php?item_id=101 URL: (дата обращения: 7.07.2022).

⁹¹ Betlemidze M. I Provoke Therefore I Am: Cross-Border Mediatizations of Femen’s “Sextremist” Protest // *International Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 15. – P. 1531–1550.

⁹² Colborne M. Levijatan: Serbian animal rights vigilantes go to the Polls // *Bellingcat*. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.bellingcat.com/news/2020/06/18/levijatan-serbian-animal-rights-vigilantes-go-tothepolls/?amp=1> (дата обращения: 7.07.2022).

⁹³ Favarel-Garrigues G. ‘Vigilante shows and law enforcement in Russia // *Europe-Asia Studies*. – 2021. – Vol. 73(1). – P. 221–242. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1862061> (дата обращения: 7.07.2022).

⁹⁴ Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // *Власть и элиты*. – 2016. – № 4. – С. 98-120.

⁹⁵ Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // *Вестник ПАГС*. – 2017. – №4. С. 94-102.

избирательностью восприятия информации, которая подтверждает имеющиеся установки и убеждения; многократным повторением информации, что повышает степень её значимости; киберсимуляцией, когда посредством пользовательских реакций искажается содержание потребляемой и транслируемой информации; а также стигматизацией, когда определенную общность людей наделяют деструктивными качествами и вытесняют из общественно-политического дискурса.

Исследователь Е. Сижек⁹⁶ отмечает, что доступность коммуникации и развитие социальных сетей не привели к качественному развитию коммуникации. Потенциал для качественного развития процесса коммуникации с помощью социальных сетей не был реализован, а из самого диалога были исключены маргинализированные точки зрения⁹⁷. Российские исследователи отмечают, что цифровые коммуникации набирают значимость в гражданской и общественно-политической жизни: новые медиа способствуют росту политического участия за счет интерактивности и инструментов для управления кампаниями интернет-активистов⁹⁸.

В условиях ослабления контроля государственных институтов над общественным обсуждением и новостной повесткой всё большую значимость приобретают новые медиа и социальные сети⁹⁹. С одной стороны, это свидетельствует о процессах институционализации интернет-активизма, а с другой – о выделении в структуре активизма такой группы участников как новые медиа и социальные сети. Исследователи¹⁰⁰ отмечают, что при изучении форм интернет-активизма немаловажную роль

---

⁹⁶ Cizek E., Place K. Troubling Dialogue and Digital Media: A Subaltern Critique // *social media + Society*. – 2021. – P. 1-11.

⁹⁷ Hanchey J., P. Jensen. Organizational Rhetoric as Subjectification // *Management Communication Quarterly*. – 2021. – Vol. 14(18). – P. 1–27.

⁹⁸ Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – №4. – С. 63-69.

⁹⁹ Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // *Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество*. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf>. (дата обращения: 25.07.2021)

¹⁰⁰ Schünemann, W. J. Ready for the world? Measuring the (trans-) national quality of political issue publics on Twitter. *Media and Communication*. – 2020. – Vol. 8(4). – P. 40–52.

играют авторы и сообщества в социальных сетях, где критериями эффективности работы выступает проблематика и вовлеченность пользователей. Исследователь М. Чонг¹⁰¹ отмечал, что ситуационное восприятие проблемы аудиторией выступает значимым фактором, определяющим дальнейшее поведение активистов. В наибольшей степени ситуативное восприятие воздействует на поведение оппозиционно настроенных активистов, которые негативно формируют свои представления об общественно-политической ситуации¹⁰².

Одним из проявлений глобальной цифровой трансформации в постинформационном обществе является цифровое гражданство, под которым понимается специфичная сфера политического участия. К ней относится участие в выборах при помощи электронных систем, виртуальное волонтерство и пр.¹⁰³.

Цифровизация представляет собой глобальный процесс и отражается на политическом поведении молодёжи, способствуя необходимости выработки новых, более эффективных форм общественно-политического участия граждан, основанных на сетевых технологиях¹⁰⁴. Изучая цифровые инструменты мобилизации граждан для участия в коллективных действиях, исследователи¹⁰⁵ отмечают значительный потенциал молодёжи, ассоциируя её с поколением «цифрового бунта». Одним из проявлений интернет активизма является хактивизм – форма индивидуального, но чаще всего коллективного организованного действия, направленного на получение

---

¹⁰¹ Chon M., Park H. Social media activism in the digital age: Testing an integrative model of activism on contentious issues // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. – 2020. – № 97(1). – P. 72–97.

¹⁰² Wonneberger A., Hellsten I. R., Jacobs S. H. J. Hashtag activism and the configuration of counterpublics: Dutch animal welfare debates on Twitter // *Information, Communication & Society*. – 2021. – Vol. 24. – P. 1694–1711.

¹⁰³ Kemp S. Digital 2020: 3.8 billion People use social media // *Global Socially-Led Creative Agency*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁰⁴ Домбровская А.Ю. Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ (на примере потоков об участии в благотворительности онлайн) // *Власть*. – 2019. – №5. – С. 132-138.

¹⁰⁵ Meinema E. 'Idle minds' and 'empty stomachs': Youth, violence and religious diversity in coastal Kenya // *Africa*. – 2020. – Vol. 90(5). – P. 890-913.

неправомерного доступа к информации, созданию и распространение компьютерных вирусов и пр.

Один из теоретиков цифрового гражданства как ценностной системы пользовательских стратегий, К. Моссбергер¹⁰⁶, подразумевал под цифровым гражданством системное и действенное политическое участие гражданина в онлайн-плоскости, принадлежностью к которому является цифровая грамотность и культура. О значимости цифровой грамотности для участия в общественно-политическом процессе говорится и в работе исследователя М. Рибла¹⁰⁷, работы которого были развиты последователями и оперировали 9 элементами цифрового гражданства. Российский исследователь Е. Бродовская¹⁰⁸ выделяет институциональную компоненту цифрового гражданства, которая находится над социокультурными факторами и приводит к рассинхронизации процессов создания цифровой инфраструктуры.

Таким образом, описанный в постинформационной теории общественно-политический контекст объясняет специфику и условия институционализации интернет-активизма. Повсеместное распространение, значительная степень проникновения интернета в практики активизма накладывают на него специфику, способствующую изменению и виртуализации общественных отношений, характеризующихся информационным перенасыщением, множественностью, атомизацией и отсутствием продолжительного регулирования государственными институтами.

Интернет-среда накладывает специфику на взаимодействие и восприятие информации активистами. В частности, информационное

---

¹⁰⁶ Mossberger K., Tolbert C. Digital Citizenship and Digital Communities: How Technology Matters for Individuals and Communities // International Journal of E-Planning Research. – 2021. – Vol. 10(3). – P. 19-34. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://10.4018/IJEP.R.20210701.0a2> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁰⁷ Zhong J., Qiu J., Sun M., Jin X., Zhang J., Guo Y., Qiu X., Xu Y. To Be Ethical and Responsible Digital Citizens or Not: A Linguistic Analysis of Cyberbullying on social media // Educational Psychology. – 2022.

¹⁰⁸ Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская // Власть. - 2019. - Т. 27. № 4. - С. 65-69.

перенасыщение способствует актуализации мемов – наделенных ценностью единиц информации, которые несут в себе контекст ситуации, оценочные суждения, а также модели поведения, связанные с тем или иным событием¹⁰⁹. Отмечается мультимедийный характер мемов с возрастающей долей коротких видеороликов с текстовым описанием сути происходящего¹¹⁰. Распространение мемов как специфических «ключей» для восприятия информации свидетельствует о её упрощении и формировании клипового мышления¹¹¹. Невозможность воспринять, проанализировать и осмыслить¹¹² все более возрастающие объемы информации приводит к проявлению феномена постправды – специфического типа восприятия информации, при котором оценка соответствия действительности этой информации строится исходя из субъективного отношения пользователя к ней. Исследователь Е. Бродовская¹¹³ отмечает определяющее воздействие интернета на восприятие гражданами интернет-активизма, политических партий и их лидеров.

Применение активистами интернет-инструментов также оказывает воздействие на сущностные черты феномена цифровизации гражданской активности¹¹⁴. В частности, ресурсы интернета, нередко выступают манипуляторными инструментами¹¹⁵. Одним из таких инструментов является киберсимуляция – имитация пользовательской активности с целью искажения действительных характеристик общественно-политического

---

¹⁰⁹Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42-59.

¹¹⁰Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82-102.

¹¹¹Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. Москва. – 2017. – С. 348.

¹¹²Мовчан А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. Москва: Альпина Паблишер. – 2019. – С. 228-282.

¹¹³ Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты оculoметрического анализа сетевого контента // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 112-141.

¹¹⁴Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Т.18. – № 2. – 2018. – С. 69-86.

¹¹⁵ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в крымском и северокавказском сегментах рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 243-265.

процесса¹¹⁶. Другим инструментом является стигматизация – формирование устойчивого восприятия поведения как порицаемого¹¹⁷. Применение цифровой стигматизации способно исказить коллективную идентичность и привести к выключению целых категорий граждан из политического процесса¹¹⁸. Одним из факторов возрастающей роли интернета выступает виртуализация общественных отношений¹¹⁹. Механизм стигматизации проходит через этапы объединения пользователей в сообщество, формирования оценки о недопустимости поведения группы и высказываний о применении мер воздействия к девиантной группе¹²⁰.

Авторская классификация развития интернета состоит из пяти этапов:

- формирование (с 1968 по 1990 год), когда были заложены главные принципы действия¹²¹;

- этап интеграции в общественно-политическую действительность (с 1991 по 2002 год), когда проходило формирование информационной инфраструктуры – студии web-дизайна, web-сайты организаций¹²²;

- этап развития мобильного интернета (с 2003 по 2008 год), когда была запущена 3g, появились смартфоны, социальные сети и возможность двухстороннего информационного обмена;

- этап появления цифровых сервисов оплаты услуг (с 2009 по 2015 год), когда цифровая экономическая активность интегрировалась в онлайн-

---

¹¹⁶ Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 6-25.

¹¹⁷ Володенков С.В. цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 117-123.

¹¹⁸ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтис сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – т. 60. № 2. – С. 83-97.

¹¹⁹ Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис: политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 138-152.

¹²⁰ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. Проспект. 2020. 272 с.

¹²¹ Диков А.В. Эволюция интернета от начала до наших дней и далее // Школьные технологии. – 2019. – №2. – С. 3-8.

¹²² ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/isswww.exe/stg/d01/05-01.htm (дата обращения: 01.02.2020)

благотворительность и виртуальное волонтерство, а власти начали создавать интернет-механизмы участия граждан в общественной жизни¹²³;

- этап распространения технологий искусственного интеллекта, алгоритмизации и применения интернета в качестве инструмента давления в политической сфере (с 2016 года)

Отметим, что на современном этапе развития интернет представляет собой повсеместно распространенную коммуникативную технологию, включающую в себя широкий спектр инструментов: от цифровой коммерции до виртуальной кооперации ресурсов активистов в коллективном действии.

Для изучения процессов институционализации интернет-активизма используется ряд теорий, объясняющих особенности влияния интернета на интернет-активизм. В их число входит теория подкрепления, объясняющая специфику потребления информации людьми¹²⁴. Ключевым элементом теории выступает механизм выборочного восприятия, когда человек потребляет и ретранслирует лишь ту информацию, которая соответствует его внутренним убеждениям¹²⁵. Критики отмечают сложносоставную структуру массовой коммуникации, в которой трудно обнаружить чёткие взаимозависимости¹²⁶. На наш взгляд, в условиях усложнения и стремительного изменения каналов потребления информации, выявление специфики и закономерностей массовой коммуникации интернет-активистов возможно при помощи проведения экспертного опроса. Более частные аспекты взаимодействия интернет-активистов объясняет модель эхо-камер, входящая в теорию СМИ¹²⁷. Модель описывает ситуацию, когда

---

¹²³Гурлев И.В. Проблемы развития сетей связи и управления поколения 5G в России // Вестник евразийской науки. – 2019. – №5. – С. 47.

¹²⁴Светлов, В.А. Философия и методология науки: учебное пособие / В.А. Светлов, И.А. Пфаненштиль. – М.: ИНФРА-М, – 2018. – 412 с.

¹²⁵ Ackermann K., Stadelmann-Steffen I. Voting in the Echo Chamber? Patterns of Political Online Activities and Voting Behavior in Switzerland // Special Issue: The Swiss National Elections 2019. – 2022.

¹²⁶ Мерсиянова И.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. № 1. – С. 29-40.

¹²⁷ Latzer M., Buchi M., Festic N. Internet use in Switzerland 2011-2019: Trends, attitudes and effects. // Summary report from the World Internet Project -Switzerland. Media change and innovation. – 2020. –

многократное повторение информации внутри информационных сообществ способствует повышению степени значимости и формированию устойчивых убеждений у членов сообществ¹²⁸. Некоторые исследователи считают, что информационное отсеивание способно преодолеть информационные искажения¹²⁹. Другие – полагают, что участники сетевых сообществ не способны в полной мере игнорировать циркулирующую в медиасреде информацию¹³⁰. На наш взгляд, актуальное состояние интернет-активизма характеризуется превращением политического контента в товар, обладающий стоимостью, что препятствует возможности активистов отсеивать повторяющуюся информацию.

Будучи вписанным в институционально оформленную среду гражданской активности, для изучения интернет-активизма была использована теория коллективных действий. Коллективное действие – это поведение двух или более индивидов, ставящее своей целью достижение общественного блага в неконкурентных условиях взаимодействия участников и неисключительности потребления. Одной из центральных категорий теории коллективных действий является понятие «масса». Массовое поведение определяется в качестве участия индивидов во всех формах групповой активности, способствующей адаптации различных типов индивидуального поведения под групповые нужды¹³¹. Исследователи отмечают спонтанность, ситуативность и относительно низкую степень рациональности коллективного действия, в котором выделяются этапы: импульса, восприятия, манипуляции, потребления¹³².

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mediachange.ch/research/wip-ch-2019> (дата обращения: 7.07.2022).

¹²⁸Fowler E. Franz, M., Martin, G., Peskowitz Z. Political advertising online and offline // *American Political Science Review*. – 2021. – 115 (1). – P. 1– 20.

¹²⁹Sunstein C.R. *Echo chambers*. Princeton, NJ: Princeton University Press. – 2010. – P. 310-315.

¹³⁰ Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // *Журнал политических исследований*. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 79-93.

¹³¹ Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1965.

¹³²Baggio, G. Imagery in action. G. H. Mead's contribution to sensorimotor enactivism // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2021. – Vol. 20. – P. 935–955.

Основные положения теории коллективных действий строятся на ощущении группой несправедливого неравенства при распределении общественного блага, веры в эффективность коллективных действий и распределении функций в коллективе, которое способствует проявлению эффекта «безбилетника». В дальнейшем исследователи¹³³ рассматривали теорию сквозь призму организационных структур коллективного действия или политического контекста. Исследователь М. Зомерен¹³⁴ разработал модель коллективных действий, включающую в себя два ключевых фактора – групповые эмоции и индивидуальную оценку эффективности коллективных действий¹³⁵. В основе консолидации сообществ лежит депривация, дискриминационное воздействие¹³⁶. Эффективность коллективных действий повышается, в случае, когда организованное меньшинство принимает, рассматривает и анализирует идеи иных групп и сообществ¹³⁷. Для проявления коллективных действий необходима коллективная идентичность, одинаково воспринимаемые ценности и гомогенные черты культуры¹³⁸. Негативная мотивация обладает большим мобилизационным потенциалом, относительно позитивной, конструктивной мотивации¹³⁹.

В теории выделяются условия эффективного взаимодействия участников коллективных действий: насилие по отношению к «безбилетникам»; деанонимизация и прозрачность поведения участников

---

¹³³Klandermans B. Collective political action // Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (Eds.) Oxford handbook of political psychology. Oxford, UK: Oxford University Press. – 2003. – P. 670–709.

¹³⁴Фролов А.А. Методика индексного исследования гражданской активности для регионов Российской Федерации // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №4. – С. 184-193.

¹³⁵Agostini M., van Zomeren M. Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // Psychological Bulletin. – 2021. – Т. 147. – №. 7. – С. 667.

¹³⁶Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // Journal of Social Issues. – 2009. – № 65 (4). – P. 681-705

¹³⁷Begenya C., Breenb J., Leachcde C., M. Zomeren., L. AartiIye. The power of the in group for promoting collective action: How distinctive treatment from fellow minority members motivates collective action // Journal of Experimental Social Psychology. – 2022. – Vol. 101. – P. 1-16.

¹³⁸Drury J. Recent developments in the psychology of crowds and collective behaviour // Current opinion in psychology. – 2020. – Т. 35. – С. 12-16.

¹³⁹Renger D., Eschert S., Teichgräber M.L., Renger S. Internalized equality and protest against injustice: The role of disadvantaged group members' self-respect in collective action tendencies // European Journal of Social Psychology. – 2020. – Vol. 50(3). – P. 547-560.

коллективных действий; небольшой размер группы; доверие и взаимность во взаимоотношениях; репутация и авторитет акторов; просоциальные предпочтения; просоциальные нормы и ценности; процедурная и распределительная справедливость; равные властные отношения между акторами¹⁴⁰. Исследователь С. Джаггерс, напротив, в числе условий эффективного взаимодействия участников коллективных действий отмечал: большое количество участников, большую пространственную и временную дистанцию; вовлечение высоких уровней сложности¹⁴¹. На наш взгляд, по мере вовлечения значительного количества участников коллективного действия, возникают задержки и появляются организационные сложности, преодоление которых трудно без ресурсозатратного административного центра.

Для объяснения глубинных социально-психологических механизмов¹⁴² взаимодействия интернет-активистов используется теория коллективной идентичности. Коллективная идентичность представляет собой отождествление интересов индивида с коллективными ценностями, что также способствует повышению интенсивности отстаивания групповых интересов¹⁴³. Коллективную идентичность можно представить в качестве процесса формирования смыслов, в основе которого находятся культурные свойства¹⁴⁴. В этой связи выделяются такие элементы коллективной идентичности как: класс, нация и культура¹⁴⁵. Исследователь Дж. Блау¹⁴⁶ выявил взаимосвязь между коллективной идентичностью и доверием между

---

¹⁴⁰ Bastos Lima M., Harringb N., Jagersb S., Löfgrenc Å., Perssond M., Sjöstedtb M., Brüldee B., Langletf D., Steffeng W., Alpizar F. Large-scale collective action to avoid an Amazon tipping point - key actors and interventions // *Current Research in Environmental Sustainability*. – 2021. – Vol.3. – P. 1-13.

¹⁴¹ Jagers S., Harring N., Löfgren Å., Sjöstedt M., Alpizar F., Brülde B., Steffen W. On the preconditions for large-scale collective action // *Ambio*. – 2020. – Vol. 49 (7). – P. 1282-1296

¹⁴² Collective identity and social movement participation / B. Simon, M. Loewy, S. Stürmer, U. Weber, C. Kampmeier, P. Freytag, C. Habig, P. Spahlinger // *Journal of Personality and Social Psychology*. –1998. – № 74. – P. 646-658

¹⁴³ Khumaloo N., Dumonta K., Waldzus S. Leaders' influence on collective action: An identity leadership perspective // *The Leadership Quarterly*. – 2022. – Vol. 33(4).

¹⁴⁴ Bein S. The dysfunctional paradox of identity politics in liberal democracies // *Das dysfunktionale Paradox der Identitätspolitik in liberalen Demokratien*. – 2022.

¹⁴⁵ Эрикссон Э. Трагедия личности. М.: Родина. Эксмо. 2019. – С. 363-378.

¹⁴⁶ Blau J.R., Blau P.M. The Cost of Inequality: Metropolitan Structure and Violent Crime // *American Sociological Review*. – 1982. – Vol. 47. – № 1. – P. 114–129.

индивидами в коллективных действиях, отметив, что в основе идентичности лежит доверие индивида к индивиду, обществу и его институтам. Процесс формирования идентичности сопряжен с интернационализацией и конструированием ценностного сознания личности¹⁴⁷. Коллективная идентичность обладает рядом отличительных черт, к которым относится зависимость от социально-политического контекста, фрагментарность и множественность¹⁴⁸. Коллективную идентичность принято рассматривать с нескольких точек зрения¹⁴⁹: в качестве части психических и психологических структур человека, в контексте социализации человека; в качестве символических средств демонстрации принадлежности человека к различным социальным общностям. Исследователи¹⁵⁰ отмечают, что на процесс укрепления коллективной идентичности воздействуют глобальные процессы, например, пандемия COVID-19, когда на фоне распространения вируса и растущего недоверия граждан к власти отмечается процесс формирования коллективной идентичности.

В исследовательской практике¹⁵¹ также выделяется категория гражданской идентичности – гомогенности поведения связанных с государством индивидов, – свободы, права и обязанности которых обеспечиваются государством, что выступает условием проявления гражданской активности. Гражданская идентичность существует в рамках субъектно-объектной модели взаимоотношений и включает в себя механизмы интеграции и ассоциации индивида с определенной общностью, а также обладает как уникальными характеристиками отдельного общества,

---

¹⁴⁷Степанович-Захариевская Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // Центр социологических исследований университета г. Ниш, Сербия. – 2008. – №5. – С. 99-103.

¹⁴⁸Mounk Y. *der Zerfall der Demokratie. Wie der Populismus den Rechtsstaat bedroht* // München: Droemer. – 2019. – P. 32-34.

¹⁴⁹Tajfel, H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. – P.523.

¹⁵⁰Yue Y. When positive energy meets satirical feminist backfire: Hashtag activism during the COVID-19 outbreak in China // *Global Media and China*. – 2022. – Vol. 7(1). – P. 99–119

¹⁵¹Волкова А. В. Гражданская наука в контексте цифровой публичной управляемости // *Политика в сетевом обществе*, Адлер, 16–19 мая 2019 года. – Адлер: Вика-Принт, 2019. – С. 45-49.

так и отражает в себе отдельные элементы языка, истории, общей и политической культуры.

В процессе изучения механизмов вовлечения индивида в коллективные действия была отмечена значимость контекста происходящего – совокупности факторов общественно-политической действительности, способствующих росту интернет-активизма¹⁵². В связи с этим целесообразно обратить внимание на феномен относительной депривации, который понимается как существенная рассогласованность между ожиданиями и фактическим состоянием предмета, процесса или явления¹⁵³. Выделяется прогрессивная, устремлённая и убывающая депривация. Исследователь И. Бронников¹⁵⁴ отмечал, что в определенных условиях сетевое взаимодействие индивидов способно аккумулировать и сохранять протестный потенциал активистов для его последующего выражения в общественно-политической ситуации. Изучение воздействия относительной депривации позволило выявить взаимосвязь между уровнем экономических ограничений членов сообществ и их субъективное осознание ущерба от своего низкого уровня жизни, высокого уровня экономической депривации и уровня преступности¹⁵⁵.

Схожим по смыслу с состоянием депривации является социальное напряжение, сопровождаемое стихийными и управляемыми конфликтами, потребностью, отчуждением и фрустрацией¹⁵⁶. Исследователи Д. и Дж. Джери¹⁵⁷ понимали состояние депривации как ситуацию, при которой индивид осознает ущемленность собственного положения в обществе путём соотнесения себя с другими индивидами из числа круга общения.

---

¹⁵²Свищёва А.Н. Теории референтных групп и революции: общая теоретическая матрица относительной депривации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 24-40.

¹⁵³Gunnar B., Thorlindsson T., Sigfusdottir I.D. Relative Deprivation and Adolescent in Iceland: A Multilevel Test. *Social Forces*. – 2009. – 87(3). – P. 1223-1250

¹⁵⁴Бронников И.А., Горбачев М.В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 5. – С. 23-35.

¹⁵⁵Till C. *From mobilization to revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley. – 1978.

¹⁵⁶ГаррТ. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер. – 2005. – С. 51.

¹⁵⁷Джери, Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2-х тт. Т. 1 (А–О): пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 1999. – С. 344.

Отечественный исследователь Л. Бляхер¹⁵⁸ рассматривает относительную депривацию в качестве показателя степени социального напряжения¹⁵⁹. Исследователь Е. Лепихова¹⁶⁰ отмечает тесную связь между информированностью и мобилизацией, акцентируя внимание на преобладающей роли интернета в этих процессах.

Таким образом, согласно выбранной теоретико-методологической основе изучения, сетевые технологии снимают ряд барьеров, стоящих перед индивидом для участия в коллективном действии. Виртуализация организационных процедур снижает транзакционные издержки участия индивида в коллективном действии, что формирует благоприятную среду для роста интернет-активизма. Более того, интернет предоставляет пользователю возможность беспрепятственной коммуникации с другими пользователями, в процессе которой последние могут объединяться в группы на основании схожести социально-политических убеждений.

Широкое взаимодействие пользователей способствует формированию коллективной идентичности на основании производимого пользователями контента. Мгновенная передача информации в интернете формирует устойчивые взаимодействия между пользователями, что способствует проявлению коллективной идентичности, необходимой для выражения коллективных ценностей и интересов, а также для совместной выработки тактик поведения и стратегии взаимодействия с другими участниками общественных отношений.

Выводы по параграфу 1.2.

На современном этапе интернет значительно в значительной степени включён в практики гражданской активности, что позволяет выделить

---

¹⁵⁸Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН). – 2005. – С 134.

¹⁵⁹ Gunnar B., Thorlindsson T., Sigfusdottir I.D. Relative Deprivation and Adolescent in Iceland: A Multilevel Test. *Social Forces* – 2009. – 87(3). – P. 1223-1250

¹⁶⁰Лепихова Е. Podcast review: Give theory a chance // *Teaching Sociology*. – 2021. - Volume 49, Issue 4. pp. 422-428.

Интернет-активизм как феномен цифровизации гражданской активности. Интернет-активизм понимается в качестве специфического феномена цифровизации гражданской активности, в котором активисты целенаправленно используют сетевые инструменты с целью организации коллективного действия, направленного на получение общественного блага посредством воздействия на общественно-политическую ситуацию.

Будучи вписанным в институционально оформленную среду гражданской активности, интернет-активизм обладает спецификой, связанной с трансформацией организационных процедур и механизмов взаимодействия активистов. Сетевое пространство и интернет-инструменты накладывают специфику, проявляющуюся в таких цифровых феноменах как клиповое мышление, постправда, киберсимуляция и цифровая стигматизация.

Интернет-активизм обладает спецификой, проявляющейся в целенаправленном использовании интернета, значительной степенью интеграции интернет-технологий в организационные, информационные и мобилизационные практики активистов, а также в изменениях ценностной системы координат и политической культуры. В связи с этим интернет-активизм приобретает гибкую неформальную и множественную организационную структуру, лидерство в которой опирается на качества, а не на организационные процедуры.

Развитию интернет-активизма способствует внедрение интернета в практики гражданской активности в ходе трёх основных этапов: автоматизации, цифровизации и цифровой трансформации. Последний этап представляет собой комплексное, взаимосвязанное внедрение цифровых технологий с образованием новых качеств продукта действий интернет-активистов, изменением материально-технической базы и подходов к управлению.

Выводы по главе 1.

Политический институт понимается в качестве устойчивой формы поведения политического актора в публичном пространстве, выраженной в виде формальных и неформальных норм, образующих собой модели поведения, которые структурируют взаимодействие участников с выстраиванием определенного типа отношений. Под политической институционализацией понимается процесс закрепления в публичной сфере практик поведения индивидов в общественно-политической действительности. Интернет выступает одним из главных факторов трансформации институтов.

Процесс политической институционализации проходит через этапы: появления отдельных практик; расширения количества участников взаимодействия и хабитуляция практик; рационализацию практик и формирование институтов; систематизацию и стандартизацию действий инструментов относительно общей институциональной среды; имплементацию в нормативно-правовое поле; формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

Включение сетевых технологий в человеческую деятельность привело к формированию различных феноменов. Одним из них является феномен цифровизации гражданской активности – интернет-активизм.

Способствуя снижению транзакционных издержек и упрощению организационных процедур и, согласно выбранной теоретико-методологической основе изучения, цифровизация формирует благоприятные условия для институционализации интернет-активизма. Сетевые технологии способствуют формированию коллективной идентичности, что отражается на степени эффективности коллективных действий интернет-активистов, а мгновенная передача информации в интернете способствует проявлению относительной депривации, которая создает среду для активности граждан.

Глава 2. Институционализация интернет-активизма в современной России

2.1. Процессы политической институционализации интернет-активизма в отечественных практиках онлайн-гражданской активности

Значимым условием институционализации интернет-активизма в России выступает продолжительное воздействие социокультурных, психологических, технологических и политических факторов. Политическая культура представляет собой совокупность представлений индивида о политической действительности, характеризующаяся эмоциональным отношением индивида к общественно-политическому процессу, а также политического сознания – совокупности норм и установок, воздействующих на поведение индивида в общественно-политическом процессе¹⁶¹. В политической культуре выделяют такие свойства как¹⁶²: абсолютность (отсутствие возможности анализа и деления исчерпывающих ценностных ориентаций индивида); многогранность (особенности функционирования различных уровней политической культуры); изменчивость (способность к адаптации в новых условиях и обстоятельствах). Российские исследователи отмечают значительное количество подходов к анализу интернет-активизма: комплексный (рассматривающий как социальное движение), адаптивный (адаптация теории социальных движений для анализа интернет-активизма); качественный (рассматривающий интернет-активизм как качественно новую деятельность граждан)¹⁶³.

Центральным элементом политической культуры выступает ценностная система координат индивида, где ценности определяются в

---

¹⁶¹ Алмонд Г., Пуэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М. 2002. – С. 235; Newman J. Veterans and Political Culture // *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict* (Third Edition). – 2022. – P. 153-159. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820195-4.00273-9>. (дата обращения: 06.06.2022).

¹⁶² Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопап. Москва: Издательство «Весь мир». 2019. – С. 25-26.

¹⁶³ Брюханова А.А. Политический интернет-активизм: теоретический обзор основных форм и моделей исследования // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2021. – Т. 14. - № 4. – С. 121-130.

качестве побудительных мотивов, заставляющих индивида проявлять социальную активность. Ценности определяют специфику отдельных неинституциональных компонентов общественно-политического процесса. Трансформация системы ценностных координат характеризуется переходом от материализма к постматериализму. В условиях научно-технического прогресса, изменения специфики производства и экономических отношений, повышения качества и продолжительности жизни происходит выделение нематериальных ценностей – качество жизни, забота об окружающей среде, права и свободы личности, а также профессиональное и личностное самовыражение¹⁶⁴. Переход к постматериальным ценностям отмечается в качестве глобального вектора развития человечества, отражающимся на странах с учётом их историко-культурной специфики¹⁶⁵.

Свойством политической культуры являются политические сети, которые понимаются как отношение к власти, укорененное в социальной сети¹⁶⁶. Политические сети также определяются в качестве относительно стабильных, взаимосвязанных и иерархических взаимоотношений, группирующих акторов относительно схожести их интересов¹⁶⁷. Изучение политических сетей продемонстрировало их адаптивность к устоявшимся в обществе нормам под воздействием развития интернета. Значительное воздействие на специфику действия политических сетей оказали мессенджеры, где одновременно присутствует развлекательный и новостной контент, а также функции групповых чатов, аудио- и видеозвонков¹⁶⁸. В настоящее время мессенджеры и социальные сети

---

¹⁶⁴Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. – 2019. – №2. – С. 6-24.

¹⁶⁵Akaliyski P., Minkov M., Li J., Bond M., Gehrig S. The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity. *Social Science & Medicine* 307. –2022. – Vol. 2. – P. 153-171.

¹⁶⁶Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью. 1970-1984. Москва: Праксис. 2006. – С. 113-122.

¹⁶⁷Tanja A. Borzel. Organizing Babylon - On the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. – 1998. – Vol. – 76 (2). – P. 253–273.

¹⁶⁸Dhir A., Kaur P., Rajala R. Continued use of mobile instant messaging apps: A new perspective on theories of consumption, flow, and planned behavior // *Social Science Computer Review*. – 2020. – 38(2). – P. 147–169.

являются наиболее популярными средствами передачи информации¹⁶⁹. Глубокая степень проникновения мессенджеров практически во все сферы жизни человека объясняется их доступностью и мобильностью¹⁷⁰. В процессе изучения влияния мессенджеров на политические сети отмечается синхронная коллективная деятельность, которая достигается при помощи передачи новой информации для создания ментальных моделей и сближения – формирования взаимопонимания на основе имеющихся знаний¹⁷¹. Выделяются такие функции политической сети, как: реализация ресурсного потенциала участников коллективного действия и интеграция институциональной компоненты политических сетей в общественно-политический процесс¹⁷².

Изучая процессы формирования социальных связей в контексте цифровизации и институционализации виртуального взаимодействия людей, исследователь Д. Фуше¹⁷³ синтезирует теоретические подходы, отмечая: наличие взаимосвязи между социальными сетями и культурой, согласно реляционной социологии; формирование сети представляет собой поле с отчётливой социокультурной организацией, согласно неинституционализму и новейшей теорией поля. В связи этим в российской практике интернет-активизма выделяется его радикализация, проявляющаяся в росте деструктивных проявлений, что связывается с распространением в сети контента, содержащем в себе модели деструктивного политического поведения¹⁷⁴.

---

¹⁶⁹ Statista. Retrieved. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁷⁰ Unuth N. Why whatsapp is so popular? LifeWire. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.lifewire.com/reasons-why-whatsapp-is-popular-3426372> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁷¹ Dennis A., Fuller R., Valacich J. S. Media, tasks, and communication processes: A theory of media synchronicity // MIS Quarterly. – 2008. – 32(3). – P. 575–600.

¹⁷² Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. Москва: АРГАМАК-МЕДИА. 2016. – С. 39-40.

¹⁷³ Fuhsea J., Gondal N. Networks from culture: Mechanisms of tie-formation follow institutionalized rules in social fields // Social Networks. – 2022. – P. 1-12.

¹⁷⁴ Логинова Л.В., Щербанова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. – 2019. – №2. – С. 98-108.

Другим свойством политической культуры является политизация интернет-активизма, которая способствует его институционализации. Активность пользователей в социальных сетях способствовала увеличению количества мероприятий, а также стала устойчивой площадкой для обсуждения общественно значимых проблем¹⁷⁵. Первым таким опытом стала президентская кампания Г. Дина¹⁷⁶ в 2004 году, которая стала моделью для избирательной кампании Барака Обамы в 2008 году. В современном политическом интернет-активизме выделяется движение за права чернокожих «Блэк лайвс мэттер»¹⁷⁷, в котором выделяется работа активистов с хэштегами и алгоритмами социальных сетей для продвижения собственной повестки. В российской политической практике выделяется кампания в Мосгордуму 2014 года, где возможности интернет-ресурсов и технологии краудсорсинга использовались А. Навальным¹⁷⁸ для распространения агитационно-пропагандистских материалов¹⁷⁹. Исследовательский опыт показывает, что интернет предоставляет дополнительные возможности для более широкой трансляции коллективных действий и более пристального отслеживания деятельности активистов¹⁸⁰. В странах, где реализуется технология электронного голосования отмечается значительный потенциал мобилизации избирателей по средствам использования интернета в условиях активного вовлечения

---

¹⁷⁵ Домбровская А.Ю. Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ (на примере потоков об участии в благотворительности онлайн) // Власть. – 2019. – №5. – С. 132-138.

¹⁷⁶ Hindman M. The real lessons of Howard Dean: reflections on the first digital campaign. *Perspect. Polit* (The real lessons of Howard Dean: reflections on the first digital campaign. *Perspect. Polit*). 2005. – P.121–128.

¹⁷⁷ Seger. E. Black lives matter: New digital activism strategies. In: *The Brief*. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.stylus.com/rewiring-digital-activism> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁷⁸ А. Навальный признан лицом, выполняющим функции иностранного агента, внесен в перечень физлиц, «в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

¹⁷⁹ Соколов А. В., Курбанова А.А. Коллективные действия: трансформация онлайн-ресурса в офлайн-активность (на примере протестной активности А. Навального) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – №2. – С. 98-110.

¹⁸⁰ Hatuka T. Public space and public rituals: Engagement and protest in the digital age // *Urban Studies*. – 2022. – P. 1-14.

граждан в избирательные процессы¹⁸¹. Исследователями отмечается несколько моделей управления кампаниями интернет-активизма: участие посредством конкретных действий и при помощи привлечения общественного внимания к предмету деятельности активистов¹⁸².

Выступая главным фактором трансформации институтов, техническая сторона интернета является одним из условий институционализации интернет-активизма. Интернет формирует благоприятные для развития активизма условия¹⁸³. Интернет понимается в качестве состоящей из локальных компьютерных сетей и использующей для обмена данными протоколы TCP/IP распределительной информационной системы¹⁸⁴. Центральным элементом этой системы являются веб-страницы, которые открываются при помощи веб-браузеров¹⁸⁵.

Web-технологии прошли значительный путь развития: этап Web1.0 характеризовался односторонней публикации информации в однонаправленной среде; этап Web 2.0 развился до включения интерактивных технологий, появления технологий совместного производства и модерации мультимедийного контента (краудфандинг, краудсорсинг, краудпродакшн)¹⁸⁶; этап Web 3.0 позволил включить цифровые технологии в общественно-политическую действительность, применить их для обмена данными, межъязыкового перекодирования, унифицирующей логики и пр.¹⁸⁷; этап Web 4.0 характеризуется применением ряда технологий основанном на искусственном интеллекте

---

¹⁸¹ Latzer M., Buchi M., Festic N. Internet use in Switzerland 2011-2019: Trends, attitudes and effects. // Summary report from the World Internet Project -Switzerland. Media change and innovation. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediachange.ch/research/wip-ch-2019> (дата обращения: 7.07.2022).

¹⁸² Платонов К. А., Юдина Д. И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг. – 2019. – №5 (153). – С. 226-249.

¹⁸³ De Paula N. Political ideology and information technology in government online communication // Government Information Quarterly. – 2022.

¹⁸⁴ Amorima G., CostaLimab R., Sampaio B. Broadband internet and protests: Evidence from the Occupy movement // Information Economics and Policy. – 2022. – Vol. 68(2). – P. 37-49.

¹⁸⁵ Дрожжников В.И., Райков А.Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. № 2. – С. 153-169.

¹⁸⁶ О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра. 2005. № 37; О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.spiegel.de> (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁸⁷ Markoff John. Entrepreneurs See a Web Guided by Common Sense // The New York Times, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/12/business/12web.html?pagewanted=1&ei=5088&en=254d697964cedc62&ex=1320987600&r=0>. (дата обращения: 06.06.2020)

(интернет знаний и навыков для кооперации ресурсов пользователей¹⁸⁸; умные торговые площадки, которые создают информационную инфраструктуру для интернет-посредничества¹⁸⁹; технология децентрализованного сообщества, классифицирующая сетевые сообщества по различным критериям¹⁹⁰; технология семантического веба, распределяющая в хронологическом порядке на сайте размещенные на сайте тексты¹⁹¹). Российские исследователи отмечают трансформацию политического процесса на сетевую форму организации¹⁹².

Таким образом, в качестве одного из ключевых элементов интернета, Web-технологии прошли значительный путь развития, сопровождающийся расширением функционального поля и повышением доступности для пользователей. В настоящее время в Web-технологиях используется искусственный интеллект, а также ряд инструментов для кооперации ресурсов пользователей для создания совместного продукта или общественно значимой услуги, что является одним из немаловажных условий институционализации интернет-активизма в современной России.

Другим важным условием институционализации интернет-активизма является широта распространения интернета, массовость использования россиянами интернета. Актуальная статистическая информация свидетельствует, в России к интернету 82% граждан, 71%, из которых пользуется интернет-ресурсами на регулярной основе¹⁹³. Наиболее активными пользователями мобильного интернета является молодёжь (от 12

---

¹⁸⁸Katrina Pugh and Laurence Prusak. Designing Effective Knowledge Networks // MIT Sloan Management Review, FALL. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://sloanreview.mit.edu/article/designing-effective-knowledge-networks>. (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁸⁹XianjunGeng, Yun Huang, Andrew B. Whinston. Smart marketplaces: a step beyond Web services // Information Technology & Management. 2008. Vol. 9.No. 2. –P. 15-34.

¹⁹⁰Васюков И. Интернет-сообщества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2002/01/18-58> (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁹¹Sonia Berman, and Victor Katoma. An e-Learning Model Based on Collaboration and Sharing // In: Proceedings of the 3rd International Conference on e-Learning, University of Cape Town, South Africa. 2008. № 27. – P. 19-26.

¹⁹²Походня А.В. Генезис и факторы политического интернет-активизма // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – №7 (84). – С. 18-21.

¹⁹³Исследование GfK: Тенденции развития интернет-аудитории в России. Growth from Knowledge. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfkproniknovenie-interneta-v-rossii-1/>(дата обращения: 06.06.2020)

до 34 лет). В этой демографической категории людей социальные сети используют более 90% респондентов. В возрастной группе от 55 лет и старше мобильным интернетом пользуются около 30%. Интенсивность использования мобильного интернета примерно одинакова для жителей различных населенных пунктов: в городах с населением более 100 000 человек им пользуется около 74%, а в городах с населением менее 100 000 человек – 64%¹⁹⁴. Более 80% российских интернет-пользователей зарегистрированы в социальных сетях. Порядка 12,5 миллионов россиян отмечают социальные сети в качестве основного интернет-инструмента¹⁹⁵.

Исследователи отмечают, что интернет-аудитория продолжит расти и включать в себя новые социально-демографические категории¹⁹⁶. В частности, за 2020 год в социальной сети «Facebook»¹⁹⁷ доля пользователей старше 65 лет увеличилась на 25%¹⁹⁸. Объем информационно-коммуникационных технологий в структуре мирового рынка составляет более 3,4 триллионов долларов, а расходы на информационные услуги могут достигать до 45% от расходов на информационные технологии¹⁹⁹. Данные ВЦИОМ говорят, что период пандемии интенсифицировал использование социальных сетей: мессенджер «WhatsApp»²⁰⁰ использовал 51% респондентов; «ВКонтакте» – 21%; мессенджер «Viber» – 18%; «Одноклассники» – 14%; файлообменник «Skype» использовало 11% респондентов²⁰¹.

---

¹⁹⁴Мобильный интернет в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://mediascope.net/news/1067271/>

¹⁹⁵ВЦИОМ. Степень вхождения интернета в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221&utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=232495084 (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁹⁶Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://sa.vssc.ac.ru/article/2378>. (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁹⁷ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

¹⁹⁸Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год — цифры и тренды в мире и в России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 06.06.2020)

¹⁹⁹Варшавский Л.Е. Анализ и моделирование экономических и социальных процессов. Математика. Компьютер. Образование. 2018, Т. 25. – 60–78.

²⁰⁰ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

²⁰¹ВЦИОМ. Досуг на фоне самоизоляции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10327> (дата обращения: 06.06.2021)

Статистическая информация демонстрирует высокую степень вхождения интернета, в частности, мобильного интернета в жизнь россиян, свидетельствует об опривычивании практик использования интернета. Вместе с тем и интернет оказывает значительное воздействие на активизм. Исследователи²⁰² отмечают проявление снижения критического восприятия к получаемой информации. Массовый характер приобрело распространение недостоверной информации²⁰³. Так называемые «фейковые новости» представляют собой общий термин, где восприятие аудитории так же важно, как и мотивация авторов²⁰⁴. К числу главных факторов распространения «фейковых» новостей относят социальные сети, где взаимодействие пользователей в которых носит неформальный характер и опирается на то или иное основание коллективной идентичности²⁰⁵. В изучении «фейковых» новостей выделяются и «полуфейковые» новости, под которыми понимается представленная в качестве утверждений вероятностная информация, которая напрямую не противоречит, но приводит к искажению восприятия за счет подкрепления частично достоверными источниками или в любом случае недостаточными для выводов²⁰⁶. В качестве инструмента борьбы с «фейковыми» новостями предлагается широкое использование технологий искусственного интеллекта²⁰⁷. Большой объем информации и значительное количество информационных источников используется в качестве манипулятивного механизма и механизма демобилизации гражданской активности, когда

---

²⁰²Зорина Е.Г. Пропаганда как современный инструмент воздействия на общественное сознание. // Информационные войны №4 (36). 2015. – С. 89.

²⁰³ Musi E., Reed C. From fallacies to semi-fake news: Improving the identification of misinformation triggers across digital media // DISCOURSE & SOCIETY. – 2022. - № 33(3). pp.:349-370.

²⁰⁴ Tandoc E. The facts of fake news: A research review // Sociology Compass. – 2019. – Vol. 13(9). – P.1–9.

²⁰⁵ Duffy A., Tandoc E., Ling R. Too good to be true, too good not to share: The social utility of fake news // Information, Communication and Society. – 2020. - Vol. 23(13). – P. 1965–1979.

²⁰⁶ Brennen J., Simon, F. Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation // Report, Reuters Institute. – 2020. – P. 7.

²⁰⁷ Lawrence J., Reed C. Argument mining: A survey // Computational Linguistics. – 2020. – Vol. 45(4). – P. 765–818.

внимание от значимого события отвлекается значительным количеством малоинформативных сообщений²⁰⁸.

Исследователи²⁰⁹ отмечают, что интернет способствует проявлению и развитию форм активизма, в том числе интернет-активизма. В условиях цифровизации политического участия в целом и гражданской активности в частности, электронные платформы для взаимодействия граждан и власти играют всё большую роль. Партисипаторные – формы прямого участия гражданина с органами власти в публичной плоскости, включаются во многих странах мира²¹⁰. В качестве частного аспекта институционализации интернет-активизма зарубежные исследователи²¹¹ изучают процессы закрепления работы общественных советов и консультативных органов в виртуальной плоскости²¹². Исследователь И. Бронников²¹³ отмечает, что интернет способствует снижению барьеров между взаимодействием власти и гражданских активистов. Исследователи В. Якимец и Л. Никовская²¹⁴ также отмечают возрастающую роль интернета в общественно-политическом процессе. Отмечается и специфика зарождения форм интернет-активизма, которые бурно развиваются в крупных городах за счёт социально-экономической специфики городской агломерации и

---

²⁰⁸ Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва. 2015. С. 27-33.

²⁰⁹ Escobar O. Between radical aspirations and pragmatic challenges: Institutionalizing participatory governance in Scotland // *Critical Policy Studies*. – 2021. – Vol. 16(2). – P. 146-161. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1080/19460171.2021.1993290>. (дата обращения: 7.07.2022).

²¹⁰ Bua A., S. Bussu. Between Governance-driven Democratization and Democracy-driven Governance: Explaining Changes in Participatory Governance in the Case of Barcelona // *European Journal of Political Research*. – 2020. Volume 60, Issue 3. pp. 716-737.

²¹¹ Westin M. The framing of power in communicative planning theory: Analysing the work of John Forester, Patsy Healey and Judith Innes // *Planning Theory*. – 2022. – Vol. 21(2). – P. 132–154; Brandts J., Gerhards L., Mechtenberg L. Deliberative structures and their impact on voting under economic conflict // *Experimental Economics*. – 2022. – Vol. 25. – P. 680-705; Bherer L., Gauthier M., Simard L. Developing the Public Participation Field: The Role of Independent Bodies for Public Participation // *Administration & Society*. – 2020. – Vol. 53(1); Hendriks M., Ercan S., Boswell J. *Mending Democracy: Democratic Repair in Disconnected Times*. Oxford: Oxford University Press. – 2020.

²¹² Кольба, А. И. "Помоги городу!": общественный совет как формат взаимодействия граждан и городской власти в условиях конфликта // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2018. – № 4(57). – С. 85-92.

²¹³ Bronnikov I., Karpova V. Digital citizenship in the Russian Federation: Political risks and prospects // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. – 2021. – Vol. 26. – No. 3 – P. 123-133.

²¹⁴ Jakimec V., Nikovskaja L. Civil Participation, Intersectoral Partnership and Internet Technologies of Public Policy // *Social and Humanitarian Knowledge*. – 2019. – vol. 5. - no. 3. – P. 208-223.

повсеместно используются для решения локальных и глобальных проблем²¹⁵.

Наряду с исследователями, отмечающими значительный вклад интернета в развитие форм активизма, необходимо рассмотреть подход, отмечающий снижение воздействия форм активизма на общественно-политическую действительность в условиях интеграции сетевых инструментов²¹⁶. Исследователи²¹⁷ подчеркивают, что виртуализация общественных отношений – опосредованная и менее эффективная с точки зрения воздействия на общественно-политическую ситуацию относительно форм офлайн участия граждан. Автор термина «слактивизм» Е. Морозов²¹⁸ понимал этот феномен как малозатратные формы реакции на общественные или политические требования, которые рассматриваются в качестве гражданского участия в интернет-среде. Стремительное распространение «слактивизма» объясняется его дешевизной, а формы социальных реакций («лайки») – условные меры отношения пользователей не могут подменять формы реальной политической активности офлайн²¹⁹.

Для иллюстрации феномена «слактивизма» датским психологом А. Колдинг-Йоргенсенем²²⁰ был проведен эксперимент. В социальной сети было создано сообщество по защите от сноса исторического фонтана, который в действительности никто сносить не собирался. В течение четырех недель в сообщество вступило более 27 тысяч человек, однако ни

---

²¹⁵Kaun A., Uldam, J. Digital activism: After the hype // *New Media & Society*. – 2019. – Vol. 20(6). – pp 2099–2106.

²¹⁶Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 1 (143). – С. 12-34.

²¹⁷Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Анализ виртуального цифрового протеста в религиозной семиосфере провинциальных городов России // *Теория и практика общественного развития*. – 2020. –№11(153). – С. 32-37.

²¹⁸Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2020. – №79. – С. 154-169.

²¹⁹Morozov E. The brave new world of slacktivism // *Foreign Policy* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/>. (дата обращения: 11.01.2022)

²²⁰Haenschen K. Self-Reported Versus Digitally Recorded: Measuring Political Activity on Facebook* // *Social Science Computer Review*. – 2019. Volume 38, Issue 5. (*принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ)

проверки информации, ни активных действий по сохранению объекта предпринято не было.

Другие исследователи, в частности, Л. Боуд²²¹, считают воздействие социальных реакций недооценённым. По мнению учёного, в процессе проставления «лайков» в коммуникации вовлекаются новые участники, что является отправной точкой для формирования офлайн-акций. Отмечается и некорректность оценки воздействия на общественно-политическую ситуацию по эффекту, которой он уже оказывает в офлайн-плоскости²²². Исследователи²²³ также относят к числу действенных инструментов хэштеги, которые позволяют активистам определять сторонников на основе их моделей поведения и предпочтений в интернете. Исследователь А. Заччария²²⁴ отмечает, что такая форма интернет-активизма как обсуждение общественно значимых проблем в социальных сетях, могут вызывать искажения качественных характеристик предмета обсуждения у пользователей за счет дезинформации и эмоциональной подачи информации. В целом, в исследовательской среде²²⁵ представлена позиция, что социальные сети являются ключевым элементом российского интернет-активизма.

Говоря о «слактивизме» в России, можно отметить следующее: далеко не все гражданские инициативы онлайн приводят к реальным изменениям в офлайн-плоскости, однако их обсуждение способствует тому, что некоторые из них попадают в публичную плоскость и эффективно разрешаются. Системные решения могут содержать в себе деструктивные

---

²²¹Bode L. Gateway Political Behaviors: The Frequency and Consequences of Low-Cost Political Engagement on social media. *Social Media + Society*. 2017. Vol. 3. No. 4. – P. 1–10.

²²²Teocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. – 2015. №2.

²²³Larrondo A., Morales-i-Gras J., Orbegozo-Terradillos J. Feminist hashtag activism in Spain: Measuring the degree of politicisation of online discourse on #YoSíTeCreo, #HermanaYoSíTeCreo, #Cuéntalo y #NoEstásSola // *Communication & Society*. -2019. – Vol. 32(4). – P. 207–221.

²²⁴ Zaccaria A., Del Vicario M., Quattrocioni W., Scala A., Pietronero L. PopRank: Ranking pages' impact and users' engagement on Facebook* // *PLoS ONE*. – 2019. – Vol. 14(1). (*принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ)

²²⁵ Володенков, С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / С. В. Володенков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. - 2019. - № 5. - С. 341-364.

несовершенства, но разовые публичные акции исполняются на высоком уровне²²⁶. Например, оптимизация бюджетных учреждений культуры проводится на регулярной основе, но слияние театра им. Ф. Волкова с Александринским театром было отозвано в связи с большим общественным резонансом. Или же, строительство нового цеха вредного химического производства в промышленном гиганте Череповце было закончено и запущено в производство, но строительство Целлюлозно-бумажного комбината в Череповецком районе даже не началось, в том числе из-за активного публичного обсуждения проблемы и вовлечения в дискуссию официальных лиц.

В анализе проявлений интернет-активизма необходимо отталкиваться не столько от формы выражения участниками своей позиции, сколько от интерпретации этого выражения другими участниками дискуссии. Исследователями²²⁷ была доказана гипотеза о взаимосвязи мотивации пользователя делиться контентом и стремлением погружаться в сущность происходящего, заключенную в этом контенте. При этом погружённость в проблему может и не приводить к конкретным действиям, но говорит о значимой поддержке кампании пользователем.

Рассматривая интернет как среду и инструмент интернет-активизма, можно определить контуры функционального поля интернета, связанные с мобилизацией, распространением информации и коммуникацией активистов в ресурсах Всемирной паутины²²⁸. Исходя из этого, необходимо выделить значимый компонент интернет-активизма – политическую активность, которая понимается в качестве долговременного и

---

²²⁶Кольба, А. И. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 273-286.

²²⁷Cat J. Slacktivism and The Social Benefits of Social Video: Sharing A Video to “Help” a Cause // First Monday. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5855/4458>. (дата обращения: 01.01.2022).

²²⁸Teocharis Y. The Conceptualization of Digitality Networked Participation // social media + Society. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ebu.ch/news/2019/05/trust-gapbetween-traditional-and-new-media-grows> (дата обращения: 01.01.2022)

целенаправленного действия политического субъекта, обусловленного его политической позицией²²⁹.

Таким образом, изучение интернет-активизма подтверждает его многосоставную основу и гибридный характер, сочетающий офлайн- и онлайн-интеракции. Будучи широко распространённым, воздействуя на изменение инфраструктуры, а также на политическую культуру и ценностную систему координат людей, воздействие интернет-активизма отразилось на политическом процессе и взаимодействии власти и граждан.

Исследователи²³⁰ отмечают, что высокая степень воздействия государственных институтов на общественно-политическую сферу выступает фактором институционализации интернет-активизма. Российские исследователи²³¹ в качестве условия институционализации интернет-активизма выделяют формирование институтов электронного правительства и прямой демократии.

В 2017-2021 годах с целью получения информации о состоянии гражданского общества и гражданской активности в России был проведен ряд исследований по общей тематике «Гражданская активность населения в оценках экспертов». Методика проведения исследования описана в приложении 1. Обоснование методов и методик проведения исследования «Гражданская активность населения в оценках экспертов».

Ответы экспертов демонстрируют высокую степень включённости сетевых технологий в гражданскую активность, что позволяет говорить о наличии в России интернет-активизма в качестве специфического феномена цифровизации гражданской активности, в котором активисты целенаправленно используют сетевые инструменты с целью организации коллективного действия, направленного на получение общественного блага

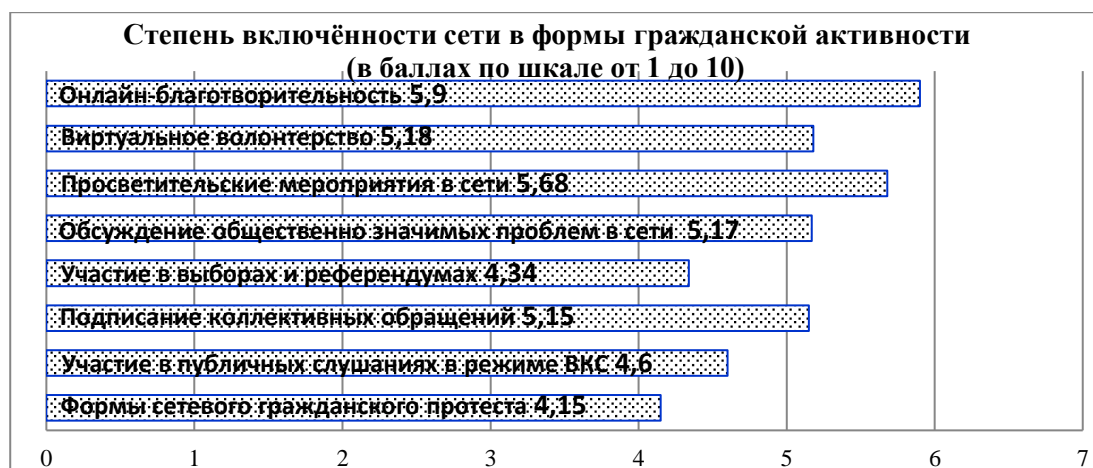
²²⁹Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 55-56.

²³⁰ Vu L. Information and Communications Technologies, Online Activism, and Implications for Vietnam's Public Diplomacy // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2022. - Vol. 41(1). – P. 3–33.

²³¹Карапузов М.Ю. Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – Т. 10. – С. 36.

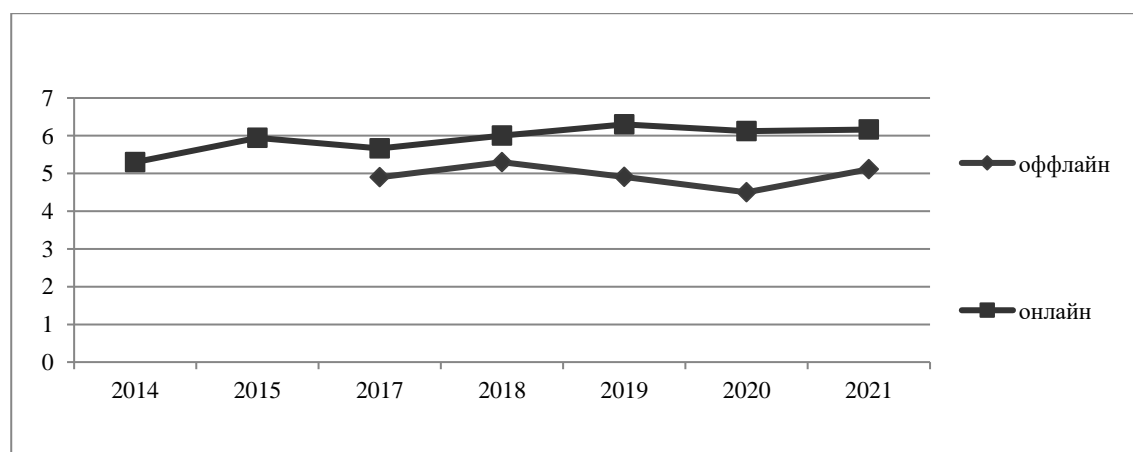
посредством воздействия на общественно-политическую ситуацию. Результаты исследований показывают, что больше всего сетевые технологии включены (а следовательно – включены в формы интернет-активизма) в благотворительность, волонтерство, обсуждение общественно значимых проблем и просветительскую деятельность (Рисунок 1).

Рисунок 1. Степень включённости интернета в формы гражданской активности.

Исследование позволило выявить тенденции развития, которые демонстрируют укрепление институционально оформленной среды интернет-активизма. Наблюдается динамика к устойчивому и более быстрому развитию форм интернет-активизма, относительно традиционной гражданской активности. (Рисунок 2).

Рисунок 2. Динамика средней оценки развития офлайн-онлайн гражданской активности (2014-2021).

Развитие цифровой инфраструктуры, процессы институционализации каналов коммуникации граждан и властей, а также коммуникативные возможности и устойчивость виртуальной среды к негативным обстоятельствам входят в число основных условий институционализации интернет-активизма в России.

Интернет-активизм в достаточной степени (5 баллов) закреплён в общественно-политической действительности. В наибольшей степени институционализированы формы, включающие в себя максимальное количество участников: онлайн-благотворительность (5,9 баллов), просветительские мероприятия в интернете (5,68 баллов), виртуальное волонтерство (5,18 баллов) и обсуждение общественно значимых проблем в интернете (5,17 баллов).

Формы интернет-активизма в наибольшей степени (8 баллов) развиты в Поволжье и Сибири – протяженных по территории и промышленно развитых регионах. К слову, сибирские исследователи отмечают институциональный характер интернет-активизма в регионе, где политические институты чётко очерчивают границы возможностей для выражения и реализации общественно значимых инициатив²³². В преимущественно аграрных и относительно равномерно населённых регионах Юга России степень развитости интернет-активизма наименее высока (4,79 баллов)²³³. Исследователи из Волгоградского научного центра отмечают, что сельская среда – менее коммуникативна и обладает своей спецификой, в частности, действия активистов направлены на достижение конкретного результата, например, улучшение среды жизни²³⁴.

Таким образом, согласно результатам исследований, степень включённости и характер интеграции в интернете в формы гражданской

---

²³² Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе // *Society and Security Insights*. – 2019. – №3. – С. 13-50.

²³³ Результаты ответов экспертов о степени развитости институтов гражданской активности отображены в Приложении 5.

²³⁴ Уханова Ю.В., Параничева И.В. Предпосылки и вовлечённость сельского социума в практики гражданского участия // *Проблемы развития территории*. – 2019. – №4 (102). – С. 132-147.

активности позволяет говорить о наличии форм интернет-активизма в России. Ответы экспертов показывают устойчивую и положительную динамику развития форм интернет-активизма, что подтверждает предположение о его институционализации в России. Виртуальная среда проявления интернет-активизма позволяет преодолевать коммуникативные и территориальные барьеры проявления гражданской активности, что способствует закреплению интернет-активизма в общественно-политической действительности России. Выявленная закономерность между степенью интенсивности взаимодействия активистов и степенью институционализации формы интернет-активизма также указывает на процессы политической институционализации феномена цифровизации гражданской активности в России.

Значимость интернет-активизма и степень его воздействия на общественно-политическую ситуацию демонстрирует внедрение в практику работы власти цифровых платформ «обратной связи». С 2018 года была введена система мониторинга «Инцидент Менеджмент»²³⁵. С 2020 года в российских регионах на базах исполнительных органов власти субъектов началось создание информационно-аналитических систем «Центр управления регионом»²³⁶. Цифровые платформы представляют собой технологию автоматизированного мониторинга, включающего в себя фиксирование информационных поводов и отслеживание негативной реакции пользователей на действия властей. Поиск осуществляется посредством использования ключевых слов, что позволяет власти составить комплексное представление о текущих проблемах и эффективнее их решать. Однако стоит отметить, что статус жалоб не приравнен к официальным обращениям и на него не распространяется действие Федерального закона

---

²³⁵ Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. – 2021. – №. 36. – 26-37.

²³⁶ Тушакова Е.А. Роль социальных медиа во взаимодействии власти и общества (на примере центра управления регионом Ямало-Ненецкого автономного округа) // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – №1. – С. 17-27.

№ 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²³⁷.

По инициативе органов власти России появляются электронные платформы для подачи коллективных обращений (например, «Российская Общественная Инициатива»), внедряется технология дистанционного электронного голосования. Кроме этого, власть разрабатывает механизмы участия граждан в общественной жизни путём использования портала «Госуслуги», в котором апробированы централизованные системы идентификации и аутентификации, понимаемые как элементы институционализированных цифровых каналов коммуникации.

Значимым условием институционализации интернет-активизма является нормативное регулирование практик активистов. В России существует ряд законов, действие которых определяет правовые рамки интернет-активистов. В их числе: ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», а также ст. 31 и 151 УКП РФ²³⁸.

Анализ правоприменительной практики статей Уголовного кодекса Российской Федерации демонстрирует наиболее распространенные виды преступлений: клевета (ст. 128.1); возбуждение ненависти (ст. 282); публичное оправдание и призывы к терроризму (ст. 205.2), публичные призывы к экстремизму (ст. 280); нарушение права на свободу вероисповедания (ст. 148), реабилитация нацизма (ст. 354.1). Исследователи в области юриспруденции отмечают тенденцию к ужесточению норм

---

²³⁷Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 02.05.2006 N 59-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

²³⁸ Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ// СПС «Консультант Плюс»; УК РФ Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // СПС «Консультант Плюс».

уголовного законодательства в части интернет-активности граждан²³⁹, сопряжённых с нарушением перечисленных статей.

Изучив условия институционализации интернет-активизма, можно выделить и ряд барьеров, препятствующих этому процессу. Факторы и обстоятельства, препятствующие процессам институционализации, называются в научной терминологии барьерами²⁴⁰.

Одним из глобальных барьеров, который сейчас на законодательном уровне преодолевают многие страны, является отсутствие чётких регулирующих норм в отношении IT-продуктов крупными организациями, офисы и сервера которых находятся в разных странах²⁴¹. Другим барьером является коммуникативный ресурс социальных сетей²⁴². В этой связи выделяется изменчивость и неформальные правила поведения в интернет-сообществах²⁴³.

Исследователь К. Деррек²⁴⁴ определяет барьеры институционализации как ситуацию или задачу, актуализирует и проверяет потребности органов власти в построении двустороннего диалога между властью и гражданами по общественно значимым вопросам в виртуальной плоскости. Недостаточная компетентность и непоследовательность государственной политики выступают заметным барьером для институционализации интернет-активизма²⁴⁵.

---

²³⁹Шумских Ю.Л. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса // Вестник ВУиТ. – 2020. – №3 (96). – С. 56-63.

²⁴⁰ Lovari A., Bowen S. A. social media in disaster communication: A case study of strategies, barriers, and ethical implications // Journal of Public Affairs. – 2020. – Т. 20. – №. 1. – С. 1967.

²⁴¹ Criado J., Villodre J. Revisiting social media institutionalization in government. An empirical analysis of barriers // Government Information Quarterly. – 2022. – Vol. 39(2). – P. 1-13.

²⁴² Criado J., Villodre J. Delivering public services through social media in European local governments. An interpretative framework using semantic algorithms // Local Government Studies. – 2021. – Vol. 47(2). – P. 253-275.

²⁴³ Wukich C. Government social media engagement strategies and public roles // Public Performance & Management Review. – 2021. – Vol. 44(1). – P. 187-215.

²⁴⁴ Dekker R., van den Brink P., Meijer A. Social media adoption in the police: Barriers and strategies // Government Information Quarterly. – 2020. – Т. 37. – №. 2. – С. 101-441.

²⁴⁵ C. Wukich. Connecting mayors: The content and formation of twitter information networks // Urban Affairs Review. – 2020. – P. 1-35.

Исследователь И. Мартинез²⁴⁶ классифицировал барьеры институционализации интернет-активизма следующим образом: институциональный контекст (технологическая неграмотность, отсутствие доверия к институтам, опасения вступать в виртуальное взаимодействие); неясные правовые рамки виртуального взаимодействия (возможность кражи персональных данных, проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью, отсутствие открытости в структурах власти); межорганизационное сотрудничество в интернете (проблемы, связанные со связью между отделами или отсутствием контроля и оценки поставщиков); структурные барьеры организаций (закостенелая организационная культура, отсутствие финансирования на внедрение цифровых компонентов); проблемы достоверности информации (опасения на счёт целостности и достоверности информации, потеря контроля над информацией); технологические проблемы интернета (ненадёжность поставщиков).

Исследователи Е. Фалко и Р. Клейнханс²⁴⁷ классифицировали барьеры институционализации интернет-активизма относительно внешних (цифровой разрыв, вопросы безопасности и конфиденциальности, институциональная структура, законы и правила) и внутренних проблем институционализации (организационная культура, нехватка персонала с опытом и обучением работе с социальными сетями, отсутствие внутренних стратегий или непонимания преимуществ использования социальных сетей).

Исследователи С. Харрисон и П. Джонсон²⁴⁸ классифицировали барьеры институционализации интернет-активизма, отмечая, что чиновники могут считать, что наличие цифрового разрыва может негативно сказаться на коллективном действии, а также что достоверность и достоверность

---

²⁴⁶Duhamel F., Gutiérrez-Martínez I., Picazo-Vela S., Luna-Reyes L. *International Journal of Public Sector Management* // Emerald Group Publishing Limited. – 2021. – Vol. 34(5). – P. 489-507.

²⁴⁷E. Falco, R. Kleinhans. *Beyond information-sharing. A typology of government challenges and requirements for two-way social media communication with citizens* // *Electronic Journal of e-Government*. – 2020. – Vol. 16(1). – P. 32-45.

²⁴⁸Harrison S., Johnson P. *Challenges in the adoption of crisis crowdsourcing and social media in Canadian emergency management* // *Government Information Quarterly*. – 2020. – Vol. 36 (3). – P. 501-509.

информации, передаваемой через эти социальные сети, а также организационные и законодательные ограничения могут быть соответствующими препятствиями.

Рассматривая политическую институционализацию интернет-активизма в контексте включения интернет-пространства в плоскость взаимодействия граждан и органов власти исследователь И. Ксенофонтова²⁴⁹ говорит о формировании особого вида социальной идентичности, который помимо традиционной мы-концепции, включён в информационный обмен путём выражения согласия и поддержки, а также обезличенными формами эмоционального одобрения и стремления к расширению.

Исследователь Т. Заславская²⁵⁰ отмечала специфику процессов институционализации в России в переходный период, когда преобразования коснулись ключевых системообразующих макроинститутов – отечественной экономики, политики и права. Учёная отмечает, что в силу отсутствия значительной институциональной практики и необходимой степени хабитуляции, учреждаемые органами власти нормы права накладывались на неправовые формы активности, вступая с ними в конфликт, чем замедляли процесс институционализации.

Таким образом, среди барьеров институционализации интернет-активизма можно выделить объективные и субъективные стороны. К объективным сторонам относится недостаток финансовых ресурсов, отсутствие технологической и правовой базы, информационной инфраструктуры. Субъективные стороны связаны с недостаточным уровнем компетентности политических акторов, исполнителей управленческих решений власти, а также отсутствие потребности со стороны граждан.

---

²⁴⁹Степанова Н. Б. Онлайн-петиция как новый жанр интернет-коммуникации // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Междунар. науч. конф. Чита: Забайкальский государственный университет. – 2016. – С. 138-141.

²⁵⁰Заславская Т.С. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. Неформальная экономика. – 2002. – № 2. – С. 2-38.

Выводы по параграфу 2.1

Спецификой институционализации интернет-активизма является сетевая среда взаимодействия, которая определяет характер, формы и порядок взаимодействия активистов. Условием институционализации, обеспечивающей рациональную организацию общественных отношений, складывающихся вокруг деятельности интернет-активистов, является эволюционное изменение типа социального устройства российского общества.

В процессе изучения политической институционализации интернет-активизма в России можно выделить ряд условий:

- трансформация общественно-политического контекста проявления активности. Теория постинформационного общества описывает основные направления процесса изменения типа социального устройства, который наблюдается в России и проявляется в увеличении количества и повышения ценности информации в общественно-политическом процессе, а также уменьшении сферы производства и расширении сферы сбыта товаров и услуг. Процессы трансформации сопровождаются виртуализацией общественных отношений за счёт их проявления в виртуальном пространстве;

- совершенствование и развитие технической стороны использования интернета – Web-технологий. Сетевые технологии прошли значительный путь развития, на каждом из этапов: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 и Web 4.0 функционал интернета неуклонно расширялся, что сопровождалось интеграцией интернета в сферу интернет-активизма россиян. На сегодняшний день интернет использует технологии, способствующие кооперации ресурсов активистов, что обеспечивает дальнейший потенциал институционализации интернет-активизма. Одновременно с этим можно отметить информационное перенасыщение, что проявляет феномен постправды, а также снижение уровня доверия россиян к получаемой ими информации;

- трансформация внутренней природы и системы побуждений индивидов отдельно выделяется в качестве условия институционализации интернет-активизма в России. Отмечается изменение политической культуры россиян, которая понимается как часть общей культуры, содержащей элементы политической психологии и объясняющей механизмы участия индивида в мероприятиях интернет-активизма. В условиях воздействия масштабных эволюционных факторов, трансформируется ценностная система координат россиян. На сегодняшний день на смену материалистическим ценностям приходят постматериалистические, которые выражаются в изменении идейных образцов или социальных регуляторов, не зависящих от индивидов. Отмечается и процесс сетевизации взаимодействий россиян, что выражается в построении сложных структурных взаимоотношений, характеризующихся наличием значительного количества динамических характеристик;

- закрепление основных форм, принципов и порядков деятельности активистов в российском правовом поле также является значимым фактором институционализации интернет-активизма. На сегодняшний день деятельность организационно-правовых форм гражданской активности – некоммерческих организаций регулируются Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Понятие «Интернет» и вытекающие из использования интернета формы общественных отношений были закреплены Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в 2006 году. Экономические формы деятельности интернет-активистов: заключение договоров, расчёты и сделок и пр. – отражены в статьях Гражданского кодекса РФ. Нормативное регулирование форм хактивизма: неправомерный доступ к информации, создание и распространение компьютерных вирусов и пр. – закреплены в статьях Уголовного кодекса РФ. Виртуальные взаимоотношения граждан отражены в областях информационного права.

2.2. Особенности политической институционализации интернет-активизма в практиках гражданского активизма

Внедрение интернета в сферы человеческой жизни носит глобальный и комплексный характер, изменяя как контекст проявления гражданской активности, процессы мобилизации активистов, так и характер взаимодействия власти с интернет-активистами. Институционализация понимается в качестве сложного, продолжительного процесса закрепления практик взаимодействия индивидов в общественно-политической действительности.

Формирование виртуальной плоскости взаимодействия активистов и процессы виртуализации общественных отношений актуализируют вопросы анализа и классификации институционализации интернет-активизма. Обладая многосоставной основой и гибридным, сочетающим в себе офлайн и онлайн интеракции, характером, интернет-активизм обладает спецификой. Особенности интернет-активизма заключаются в его включённости в институционально оформленную среду гражданской активности и сетевых аспектах, которые определяют характер взаимоотношения активистов.

Технологическая сторона во многом определяет складывающиеся внутри интернет-активизма нормы и правила. Согласно теоретическим основам²⁵¹ изучения, главным фактором трансформации институтов активизма и институционализации феномена цифровизации гражданской активности является развитие интернета. Сетевые технологии способствуют сокращению издержек, что формирует условия для коллективных действий граждан в цифровом пространстве. Интернет также предоставляет пользователям равные технические возможности для активизма в относительно равных условиях виртуальной плоскости коммуникации. В этой связи отмечается, что процесс институционализации интернет-

---

²⁵¹ Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2020. - № 1. - С. 7-18.

активизма сопровождается включением его практик в общественно-политическую сферу и повышением степени воздействия на общественно-политическую ситуацию за счёт формирования значительного количества горизонтальных взаимодействий.

Интернет – это открытая система, способная к значительному расширению. По мере включения новых пользователей, наделённых примерно равными возможностями, в их среде растёт конкуренция, что формирует конфликтную среду, в которой участникам выгодно иметь общие для всех нормы и правила разрешения появляющихся проблемных ситуаций. В интернете меняются структура взаимодействия людей, процессы формирования гражданских коалиций и лидеров²⁵². Организационные процедуры играют меньшую значимость, относительно качеств, умений и навыков пользователей²⁵³. Административно-иерархический принцип уступает место проектному методу организации мероприятий в силу большей эффективности последнего в конкурентной среде²⁵⁴. Исследователи²⁵⁵ отмечают преимущества проектного метода, которые достигаются за счёт способности к адаптации в изменяющихся условиях: смене задач; взаимозаменяемости; ориентацией на результат.

Международные исследования²⁵⁶ подтверждают существенное воздействие форм интернет-активизма на общественно-политическую ситуацию, которое достигается посредством виртуального включения значительного количества пользователей в коллективную деятельность. Устойчивость и результативность интернет-активизма объясняется

---

²⁵² Бронников И.А., Белоусов Г.Ф., Горбачев М.В. Факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2021. - № 59. - С. 214-223.

²⁵³ Кольба, А. И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 52-73

²⁵⁴ Кольба, А. И. Политическая институционализация конфликтов: основные подходы и проблемы исследования // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 16-26.

²⁵⁵ Сулимов, Н. Ю. Междисциплинарный проектный подход как методологическая основа в исследовании гражданского активизма в современной политической науке / Н. Ю. Сулимов // Закон и власть. – 2019. – № 2. – С. 9-13.

²⁵⁶ Nyoka P., Tembo M. Dimensions of democracy and digital political activism on Hopewell Chin'ono and Jacob Ngarivhume Twitter accounts towards the July 31st demonstrations in Zimbabwe // MEDIA & COMMUNICATION STUDIES. – 2022. №8.

оперативностью распространения информации в социальных сетях²⁵⁷. Исследователи²⁵⁸ отмечают воздействие процесса цифровизации гражданской активности на коммуникацию власти и граждан в части вклада в развитие форм электронной демократии. Процессы решения общественно значимых проблем всё чаще решаются посредством самоорганизации граждан в социальных предприятиях, фондах развития общих, ассоциациях и благотворительных организациях²⁵⁹. Основной канал коммуникации интернет-активистов – социальные сети - выделяют в качестве инструмента по созданию потенциала к проявлению коллективных усилий посредством организации «соединительных» действий вне рамок формальных организаций²⁶⁰. Платформы социальных сетей построены на пользовательском контенте для объединения отдельных лиц и сообществ²⁶¹. К ним относятся платформы для социальных сетей, обмена текстовыми сообщениями, обмена фотографиями, подкастов, потокового видео, вики, блоги и дискуссионные группы²⁶². Общественные движения, разворачивающиеся в социальных сетях, выступают надорганизационной формой коллективных действий, направленных на побуждение граждан к социальным изменениям²⁶³. В качестве причин их появления выделяется борьба с несправедливостью, а также социальная, экономическая или политическая напряжённость²⁶⁴. В отличие от формальных организаций,

---

²⁵⁷Knoll J., Matthes J., Heiss R. The social media political participation model: A goal systems theory perspective. *Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies*. – 2020. – Vol. 26(1). – P. 135–156.

²⁵⁸McLoughlin L., Southern R. By any memes necessary? Small political acts, incidental exposure and memes during the 2017 UK general election // *The British Journal of Politics and International Relations*. – 2021. Vol. 23(1). – P. 60-84.

²⁵⁹Henderson J., Escobar O., Revell P. Public Value Governance Meets Social Commons: Community Anchor Organisations as Catalysts for Public Service Reform and Social Change? // *Local Government Studies*. - 2020. – P. 1–23.

²⁶⁰Leonga C., Faik I., Tana F., Tanc B., HooiKhoo Y. Digital organizing of a global social movement: From connective to collective action // *Information and Organization*. – 2020.

²⁶¹Kaplan A. Artificial Intelligence, social media, and Fake News: Is This the End of Democracy? // *Digital transformation in media & society*. – 2020. – P. 150-161.

²⁶²Ledbetter A. An introduction to the special issue on social media, or why this isn't a special issue on social network(ing) sites // *Communication monographs*. – 2021. – Vol. 88(1). – P. 1-4.

²⁶³Katsabian T. Collective Action in the Digital Reality: The Case of Platform-Based Workers // *Behalf of The Modern Law Review Ltd*. – 2021. – Vol. 84(5). – P. 1005-1040.

²⁶⁴McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Social Movements* / Neil J. Smelser, ed., *Handbook of Sociology*. Beverly Hills, CA: Sage Publications. – 1988.

мероприятия интернет-активистов демонстрируют определённую степень организационной преемственности, которая позволяет мобилизовать ресурсы и настойчивость действий, направленных на изменение глубоко укоренившихся социальных порядков и властных структур²⁶⁵.

Для формирования комплексного представления о политической институционализации интернет-активизма необходимо сформулировать этапы её развития и соотнести с ними вырабатываемые активистами формы поведения. Опираясь на сформулированные нами ранее определения и характеристики политической институционализации и политических институтов, можно отметить, что развитие институциональных начал в этой сфере позволяет сформировать принципы и механизмы взаимодействия интернет-активистов, совокупность которых моделирует их активность. При этом на начальных этапах институционализации интернет-пространство является слабо регулируемой средой, и распределение, а затем перераспределение институциональных эффектов происходит в процессе политических взаимодействий интернет-активистов с другими акторами политического процесса. Этот процесс включает в себя как интегративные, так и конфликтные составляющие.

Нелинейность, продолжительность и наличие логически связанных друг с другом этапов процесса институционализации акторов российского гражданского общества стали объектом интереса научного сообщества²⁶⁶. Исследователь Г. Тульчинский²⁶⁷ разделял процесс институционализации на четыре этапа: разработки нового осмысления; выработки конкретного понимания; формирование парадигмы; формирование сплоченной группы; формализацию. Исследователь Р. Джепперсон²⁶⁸ исключал из процесса

---

²⁶⁵ Snow D., Bernatzky C. 8 The coterminous rise of right-wing populism and superfluous populations // The coterminous rise of right-wing populism and superfluous populations. – 2020. - Vol.1(1). – P. 130-146.

²⁶⁶Зайцев Александр Владимирович Институционализация диалога государства и гражданского общества: критерии и этапы // Социодинамика. – 2017. – №2. – С. 31-45.

²⁶⁷Политическая культура: учебное пособие [Текст] / Г.Л. Тульчинский [и др.]; под общ.ред. Г.Л. Тульчинского. – М.: Издательство Юрайт. – 2015. – 324 с.

²⁶⁸Зазнаев О.И. Политическая институционализация: концептуальный анализ [Текст] / О.И. Зазнаев // Вестник КГТУ им. А.И. Туполева. – 2005. – № 4. – С. 70-73.

институционализации доинституциональную фазу, представляя процесс в следующих этапах: создание института; институциональное развитие; деинституционализация и реинституционализация. Исследователь Д. Джадж²⁶⁹ отмечал значимость доинституциональной фазы, говоря о процессе институционализации в контексте реакции института на факторы внешней среды. В работе «Социальный конструктивизм» исследователи П. Бергер и Т. Лукман²⁷⁰ изложили концепцию институционализации, согласно которой этот процесс состоит из четырёх этапов: типизации, хабиутализации, институционализации и легитимизации. Причину институционализации учёные видели во внутренней нестабильности человеческого существования, которая вынуждает человека самостоятельно придумывать механизмы стабилизации общественно-политической действительности. Российский исследователь Т. Растимешина²⁷¹ выделяла следующие этапы институционализации:

- рост количества институциональных практик;
- появление партнёрских взаимоотношений;
- формирование институтов;
- и выстраивание общей институциональной структуры.

В своей работе исследователи отмечали социальную природу процессов институционализации, а также взаимосвязь между человеческим капиталом и спецификой институциональной среды, которая поддерживается перманентными социальными интеракциями.

Отталкиваясь от имеющихся в научном сообществе классификаций этапов институционализации, можно предложить авторскую классификацию, включающую в себя шесть этапов:

---

²⁶⁹International center for transdisciplinary research. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nicol.club.fr/ciret/> (дата обращения: 11.01.2022)

²⁷⁰Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр. Медиум. 1995. – С. 311-315.

²⁷¹Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // ЭСГИ. – 2019. – №1 (21). – С. 168-179.

- появление отдельных практик, расширение количества участников взаимодействия и опривычивание практик;
- рационализация практик и формирование институтов;
- систематизация и стандартизация действий инструментов относительно общей институциональной среды;
- имплементация в нормативно-правовое поле;
- формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

Зарубежные исследователи²⁷² используют критерии институционализации интернет-активизма, включающие в себя рациональную организационную логику, перспективу человеческих ресурсов и зависимость от прочих ресурсов. Процесс институционализации включает в себя пять элементов: политика руководства социальных сетей; политическое лидерство в стране; цифровая грамотность; самооценка развития социальных сетей.

Авторская классификация критериев институционализации интернет-активизма выделяет четыре ключевых критерия:

1. Степень конкурентности социальной среды, которая определяет интенсивность и характер взаимодействия индивидов. В условиях высокой конкурентности актуализируется проблема ограниченности ресурсов, что формирует устойчивый тип взаимодействия, при котором участники общественных отношений соперничают друг с другом за право большего потребления ресурсов. Конкурентная среда также характеризуется состоянием перманентного конфликта, что формирует потребность в разрешении спорных ситуаций путём использования общественных отношений через учреждение установок, норм и правил поведения;

---

²⁷² Villodre J., Criado J. I. Analyzing social media institutionalization in public administration. The role of inhibitors in local governments // The 21st Annual International Conference on Digital Government Research. – 2020. – С. 31-40.

2. Степень социальной однородности и развитости коллективной идентичности сообщества характеризует сложность социальной структуры и формирование определенных типов взаимодействия индивидов относительно образуемых ими социальных сообществ. В условиях ограниченности ресурсов и соперничества за право обладания ими формируется ситуация перманентного конфликта, в которой основанием для потребления выступает совокупная возможность одного индивида оказать воздействие на другого. Появляются формы кооперации ресурсов индивидов с целью получения новых ресурсов, что формирует иерархичность во взаимоотношениях. В процессе потребления индивиды отождествляют себя с определённой социальной общностью, занимающей то или иное положение в иерархии, на основании схожести возможностей оказывать влияние в обществе, а также складывающегося вокруг этой общности типа потребления. Появление внутри сообщества отдельных социальных групп свидетельствует о формировании коллективной идентичности, в процессе которой индивиды отождествляют себя с общностью, делегируют часть своих прав и обязанностей и формируют коллективные интересы. Всё это показывает сложность социальной структуры с разделением и распределением социальных ролей, а также устойчивый характер взаимодействия индивидов и потребность в формировании механизмов, структурирующих общественные отношения;

3. Наличие в сообществе акторов, наделённых представительными и административными полномочиями. Степень инициативности индивидов, а также их ресурсные возможности в одном сообществе не может быть одинаковой. Наиболее активные участники общественных отношений и в среде социальных общностей называются акторами, которые за счёт делегирования части прав и обязанностей остальными индивидами наделяются большими, относительно других участников, возможностями. Конкурентная среда предполагает соперничество социальных общностей за доступ к потреблению, что формирует у индивидов потребность в

рациональном поведении и оценке его с точки зрения эффективности. Чем выше степень конкурентности среды, тем более значительны предметы конфликтов между индивидами и тем больше потребность в организации общественных отношений. Однако именно качественные характеристики акторов определяют организационные возможности общностей к принятию эффективных управленческих решений;

4. Устойчивость взаимодействия индивидов, которая объясняется конкурентной средой, где борьба за ресурсы способствует формированию рациональных моделей взаимодействия, проявляющихся в условиях усложнения социальной структуры с появлением внутри сообщества различных объединений, в которых наиболее активные индивиды получают, относительно других управленческие возможности. Рациональное поведение акторов обуславливается эффективностью их действий – снижению издержек при разрешении конфликтных ситуаций, а также в процессе коллективных шагов для получения ресурсов. Целенаправленность воздействий предполагает прогнозирование поступков индивидов, долговременный характер взаимодействия индивидов в сообществе. Формирование рационализирующих общественные отношения моделей поведения происходит путём выявления наиболее эффективных практик взаимодействия индивидов в конкурентной среде, которые способствует наделению ценностью форм эффективных взаимодействий в сообществе. Конкурентная среда способствует распространению и интеграции опыта эффективных практик взаимодействия индивидов из одной социальной общности с индивидами другой.

Основными критериями институционализации является конкурентность среды взаимодействия индивидов, уровень конфликтности в процессе соперничества индивидов за право потребления ресурсов, а также сложная социальная структура взаимодействия индивидов в сообществе, которая предполагает формирование и распределение социальных ролей, наличие наделённых административными функциями

акторов. Формирование институтов происходит в процессе разделения сообщества на конкурирующих друг с другом индивидов, которые кооперируют ресурсы с целью снижения затрат на их получение, из-за чего появляются еще два критерия институционализации: активные и рационально мыслящие индивиды – акторы, и эффективность взаимодействия.

Таким образом, специфика интернет-активизма заключается в виртуальной среде коммуникации участников и их самопредъявления. Интернет-коммуникация характеризуется паритетной формой и горизонтальными связями между участниками. Позволяя расширить временные рамки использования интернета и преодолеть территориальные ограничения, коммуникация в виртуальном пространстве определяет и набор организационных методов и средств.

Применяемые интернет-активистами проектные методы определяют децентрализованное управление участниками процесса, функциональное распределение ролей и обязанностей в коллективах. Использование цифрового канала коммуникации способствует сокращению транзакционных расходов и упрощению организационных процедур. Это оказывает благотворное воздействие на проявление лидерских качеств и продуктивное взаимодействие участников. В условиях роста увеличения численности интернет-сообществ снижается устойчивость взаимосвязей между их участниками, что ведет к росту пассивности и трансформирует роль лидеров с организационных и координационных функций на трансляцию информационного обеспечения деятельности сообществ.

Процесс закрепления институтов интернет-активизма протекает в результате взаимодействия активистов друг с другом и целевой аудиторией. Универсальным каналом коммуникации, в котором присутствуют и остальные участники общественно-политического процесса, являются социальные сети и мессенджеры. На ресурсах этих цифровых платформ происходит обсуждение общественно значимых проблем, реализация

просветительских онлайн-проектов. В процессе деятельности активисты проводят информационное освещение предметов своей активности. В социальных сетях и мессенджерах происходит информационный обмен, необходимый для поиска, рекрутирования и мобилизации новых участников для участия в коллективных действиях.

Социальные сети и мессенджеры активно применяют интернет-активисты, деятельность которых связана с обсуждением общественно значимых проблем в интернете, проведением просветительских онлайн-мероприятий, а также в формах сетевого протеста, что объясняется значительным количеством взаимодействий в социальных сетях. Формы онлайн-благотворительности и виртуального волонтерства также интенсивно применяют социальные сети и мессенджеры в своей деятельности.

Общественные отношения, складывающиеся вокруг активности пользователей социальных сетей и мессенджеров, регулируются ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Нормы закона предполагают санкции за противоправное поведение пользователей в отношении владельцев социальных сетей.

Таким образом, процесс институционализации – это многокомпонентный и продолжительный процесс внедрения институтов в общественно-политическую действительность, обладающий значительным количеством динамических характеристик. Интернет-активизм обладает своей спецификой, с учётом которой можно представить этапизацию процесса политической институционализации в России следующим образом:

1. Появление первых практик интернет-активизма (2004 по 2008 годы), когда появились первые социальные сети. В отличие от интернет-форумов, программное обеспечение для организации работы которых было разработано еще в 1994 году, социальные сети предоставили пользователям большие возможности для коммуникации и модерации собственной

цифровой активности. Кроме этого, информационный обмен в социальных сетях строится по принципу свободного и персонифицированного информационного обмена, основанного на принципах самоорганизации пользователей со схожими интересами, в то время как в интернет-форумах процесс коммуникации пользователей опосредован темой, заданной модератором.

Первые сообщества интернет-активистов в социальных сетях создавались в качестве площадок для обсуждения общественно значимых проблем, однако публикуемая в них информация обладала мультимедийным и взаимосвязанным характером, объединяя в один информационный узел персональные сайты и адреса электронных почт. Будучи результатом низовой сетевой активности, сообщества предоставляли участникам равные возможности для коммуникации, что являлось благоприятной средой для появления конфликтов, которые разрешались в частном порядке при относительно небольшой аудитории, однако рост аудитории способствовал выработке неформальных правил поведения участников и модерации пользовательской активности администраторами;

2. Расширение количества участников взаимодействия и хабитуляция практик интернет-активизма можно соотнести с периодом с 2009 по 2014 год, и связано с технологическим развитием интернета, которое уравнило возможности мобильного и кабельного интернета. Это способствовало созданию и последующему расширению функций мобильных приложений. В 2007 году появились операционные системы iPhone и Android. Одновременно с ростом интернет-аудитории в социальных сетях начали регистрироваться общественные и политические деятели, что сформировало необходимые условия для виртуального взаимодействия пользователей по общественно значимым проблемам, хабитуляция практик использования социальных сетей в общественно-политической деятельности, а также появления электронных сервисов интернет-активизма. В частности, в 2007

году появилась международная цифровая платформа для размещения коллективных обращений, адресованных, в том числе органам власти, а в 2013 году появился её российский аналог – «Российская общественная инициатива». К 2014 году у 53 из 85 глав российских регионов имели рабочие аккаунты в социальных сетях²⁷³. В этот период появились сервисы, способствующие цифровой трансформации экономической активности граждан: в 2008 году изобретена пиринговая платёжная система «Bitcoin», а в 2014 году появились цифровые системы мобильных платежей «ApplePay», что стало фактором развития форм интернет-активизма, в том числе онлайн-благотворительности. Виртуализация добровольных пожертвований, а также заключения договоров и оплаты социально ориентированных услуг сформировала у граждан и органов власти необходимость в осмыслении степени воздействия практик интернет-активизма на общественно-политическую ситуацию в стране;

3. Рационализация практик и формирование институтов интернет-активизма (2015 по 2018 год). Растущее число интернет-пользователей, включённых и реагирующих на события общественно-политической жизни, попало под более пристальное внимание власти как в России, так и других странах мира. На фоне скандалов, связанных с выборами Президента США в 2016 году, в адрес России было выдвинуто обвинение о вмешательстве в процесс выборов путём взлома компьютеров, публикации фальшивых новостей и имитации пользовательской активности в социальных сетях. Протестная интернет-активность украинских пользователей стала одной из причин блокировки российских it-компаний, в том числе отечественных социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», а также электронные ресурсы «Мейл.ру» и «Яндекс» на Украине. В России в отношении пользователей социальных сетей начали применяться санкции за распространение информации. В период с 2015 по 2019 годы суды

---

²⁷³ Политики в социальных сетях. Досье. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/info/1442493> (дата обращения: 05.07.2021)

классифицировали действия пользователей социальных сетей по статьям «экстремистской направленности». Позже, в 2019 году, некоторые «экстремистские» статьи были декриминализованы. Одновременно с этим, после проведения Олимпийских игр в Сочи в 2014 году сфера волонтерства, в том числе виртуального волонтерства, получила мощный импульс к развитию. В частности, была создана организация «Союз волонтерских организаций и движений» и цифровая экосистема для развития волонтерства «Добровольцы России». Таким образом, на этом этапе институционализации интернет-активизма формируются регулирующие нормы, а также – правоприменительные практики, что свидетельствует о приравнивании действий в интернете к действиям в офлайн-среде. Более того, практики интернет-активизма были признаны в качестве фактора, оказывающего воздействие на общественно-политическую обстановку внутри стран и на международной арене;

4. Систематизацию и стандартизацию действий инструментов относительно общей институциональной среды интернет-активизма можно соотнести с его зарождением в 2019 году, когда на различных интернет-площадках, главным образом, в социальных сетях, началось внедрение искусственного интеллекта. Этот процесс обоснован с экономической точки зрения: появилась необходимость повышения эффективности рекламной информации в условиях снижения концентрации внимания пользователей, а также появилась возможность снизить корпоративные расходы, связанные с административной активностью пользователей в условиях роста аудитории и количества обрабатываемой информацией. Предметными областями применения искусственного интеллекта в социальных сетях стало появление чат-ботов, частично заменивших людей в службе поддержки; предиктивный анализ для блокировки пользователей, нарушающих правила использования социальных сетей, а также формирования для пользователей рекомендаций различных сообществ, товаров и услуг. Искусственный интеллект можно рассматривать в качестве

автоматизированного инструмента для модерации деятельности интернет-активистов. Одновременно с этим технологическая сторона развития интернета позволила реализовывать гражданские инициативы, используя методы кооперации ресурсов пользователей, в частности, краудфандинга, который нашёл применение в избирательных кампаниях. Кроме этого, в российском цифровом пространстве появились системы биометрической идентификации личности пользователей. Все это привело к систематизации интернет-активизма, когда доступ к интернету позволил активистам использовать различные цифровые инструменты для участия в реализации мероприятий и проектов интернет-активизма, что потребовало приведение последних в соответствие с нормативно-правовым полем;

5. Имплементацию в нормативно-правовое поле интернет-активизма можно соотнести с 2020 годом, хотя первые признаки регулирования виртуальной деятельности появились в 2006 году (ФЗ РФ Об информации, информационных технологиях и о защите информации», утвердивший понятие «Интернет» в рамках российского правового поля²⁷⁴). Совершенствование норм законодательства продолжается по сей день, адекватно реагируя на развитие феномена цифровизации гражданской активности. В связи с этим со стороны органов власти появляется потребность в нормативном регулировании общественных отношений, возникающих вокруг интернет-активности граждан. Вслед за появлением Федерального закона интернет-активность россиян была отражена в других отраслях российского права: в Гражданском кодексе: заключение договоров (ст. 420-453), расчётов (ст. 861-885) и сделок (ст. 153-189)²⁷⁵; в Уголовном кодексе: неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространения компьютерных вирусов (ст. 272-273)²⁷⁶. Изменения в

---

²⁷⁴Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁵Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁶Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

правилах пользования интернетом отразились и в Административной отрасли права, в частности, в Федеральном законе «О связи» и Федеральном законе «О безопасности», а также в информационном праве²⁷⁷. Деятельность интернет-активистов отныне регулируется органами власти на основании Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»²⁷⁸. В 2022 году были приняты изменения в ст. 31 и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса, налагающие меры ответственности к лицам, публикующим недостоверные сведения о действиях вооруженных сил и деятельности органов власти России²⁷⁹. Мера ответственности за преступление варьируется от штрафа до 1,5 млн. рублей до лишения свободы сроком до 15 лет. Примером включения интернет-активизма в правовое поле служит и решение Тверского суда Москвы, который удовлетворил требования Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры признать компанию Meta экстремистской организацией и запретить её деятельность в России.

Таким образом, российским законодательством регулируются такие категории интернет-отношений как: права граждан, результаты интеллектуальной деятельности, деятельность интернет-провайдеров, электронная коммерция, цифровой документооборот, цифровые государственные и муниципальные услуги, массовые коммуникации, цифровые СМИ и деятельность блогеров, компьютерные преступления и дистанционное обучение.

Включение общественных отношений, складывающихся вокруг использования интернета гражданами, в российское правовое поле означает признание устойчивости цифровых взаимоотношений интернет-активистов, фиксирование круга участников, их прав и обязанностей, а также

---

²⁷⁷Федеральный закон "О связи" от 07.07.2003 N 126-ФЗ// СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁸Федеральный закон от 05.04.2021 N 85-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁹ УК РФ Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // СПС «Консультант Плюс».

декларирование права налагать санкции за противоречащее нормам законов поведение. С учётом российской правоприменительной практики имплементацию изложенного выше в правовое поле можно рассматривать в контексте ужесточения надзорной функции органов власти на проявления интернет-активизма.

б. Формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами. Закрепленная в нормативно-правовом поле и включающая в себя различные сферы человеческой деятельности цифровая активность пользователей легитимизирует не только социальный, но и правовой статус участников институциональных отношений. Это моделирует активность граждан в общественных отношениях и предусматривает наличие санкций на их исполнение в отношении индивидов, поведение которых выходит за рамки установленных правил.

Интернет-активизм является феноменом цифровизации гражданской активности и представляет собой форму участия граждан в общественно-политическом процессе, основанную на принципах самоорганизации и взаимодействия в виртуальной плоскости посредством целенаправленного использования сетевых ресурсов, характер применения которых определяет организационную структуру, порядок взаимодействия индивидов в коллективном действии, общую культуру и ценности коммуникации. Согласно предложенной классификации форм интернет-активизма, феномен можно разделить на: просветительно-пропагандистский, к которому можно отнести гражданскую журналистику, обсуждение общественно значимых проблем в мессенджерах и социальных сетях, проведение просветительских мероприятий онлайн; координационно-мобилизационный, к которому можно отнести виртуальное волонтерство и формирование гражданских коалиций; партиципаторно-деятельный, к которому можно отнести участие в дистанционных электронных голосованиях, подписание коллективных электронных обращений в органы власти, онлайн-благотворительность;

технологический, к которому можно отнести виртуальные протестные и непротестные кампании, организация DDoS-атак на информационные ресурсы, организованные хищения персональных данных для воздействия на общественно-политическую ситуацию.

Обобщая систематизированные правила²⁸⁰ групп интернет-активистов в социальных сетях и мессенджерах, можно выделить следующее: пользователем запрещается оскорблять других участников сообщества, распространять сторонний контент, проявлять деструктивное поведение, призывать к противоправным и противозаконным действиям, публиковать ложную информацию или информацию мошеннического толка. Учреждение правил²⁸¹ связано с ростом количества участников групп и потребностью интернет-активистов в эффективном разрешении, появляющихся в процессе информационного взаимодействия проблемных проблем.

Помимо внутренних регламентов групп в социальных сетях и мессенджерах на процесс институционализации интернет-активизма влияют процедуры, формирующие порядок взаимодействия пользователя с цифровым ресурсом. Активисты в сфере онлайн-благотворительности ведут деятельность в качестве зарегистрированных юридических лиц – некоммерческих организаций, работа которых регулируется Федеральным законом «О благотворительной деятельности и добровольчестве». Основными цифровыми инструментами для этой формы интернет-активизма являются персональные сайты, адаптированные под мобильные устройства, а также специализированные мобильные приложения.

В структурах сайтов и приложений находится информация об организации, её целях, задачах, методах работы и способах принять участие

---

²⁸⁰ Criado J., Villodre J. Revisiting social media institutionalization in government. An empirical analysis of barriers // *Government Information Quarterly*. – 2022. – Vol. 39(2). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101643> (дата обращения: 7.07.2022).

²⁸¹ Social Media and Online Commentary Code of Conduct. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://advertisingcouncil.org.au/wp-content/uploads/pdfs/2020/ACA-Social_Media_Code_Of%20Conduct.pdf (дата обращения: 7.07.2022).

в её делах. Основной формой поддержки благотворительных организаций, взаимодействующих с пользователями в интернете, являются мобильные платежи, которые отправляются пользователями и поступают на расчётный счёт организации средствами систем мобильной коммерции. Интеграция в форму интернет-активизма проявлений экономической активности граждан способствует приведению работы некоммерческой организации в соответствие с процедурами банков и требует учёта и классификации поступающих средств, что положительно отражается на степени устойчивости процедур. На персональных сайтах и в мобильных приложениях активистов содержатся и отчётные документы о поступлениях и исполнениях полученных средств. В сфере цифрового добровольчества действуют цифровые платформы для агрегации активности. В персональных сайтах платформ публикуется информация о предстоящих мероприятиях и потребности в удалённой помощи добровольцев. Стоит отметить, что представители интернет-активистов из сфер онлайн-благотворительности и цифрового добровольчества также активно используют социальные сети и мессенджеры для информационного сопровождения своей деятельности.

Интернет-активизм институционализируется и в процессе взаимодействия с другими субъектами общественно-политического процесса, в частности, с органами власти. Если при обсуждении общественно значимых проблем в цифровых ресурсах коммуникация с представителями органов власти регламентируется набором неформальных правил, принятых в обществе, то в процессе подачи коллективных электронных обращений в ряде ресурсов появляются нормативно закреплённые процедуры, регламентирующие порядок взаимодействия представителей гражданского общества с властями. Рассматривая практику работы цифровых платформ по подаче коллективных обращений, можно отметить интеграцию в платформы государственных электронных элементов подтверждения личности пользователя.

В частности, платформа «Российская общественная инициатива» предусматривает подтверждение личности в Федеральной государственной информационной системе «Госуслуги», в которой гражданин регистрирует свой аккаунт в близлежащем Многофункциональном центре, оставляя серию и номер паспорта, а также страховой номер индивидуального лицевого счета и номер полиса страхования. Процедура опубликования заявок регламентируется Указом Президента от 4 апреля 2013 года, что говорит о значительной степени институционализации этой формы интернет-активизма. Московская платформа «Активный гражданин» создана при поддержке правительства Москвы и также, как и «Российская общественная инициатива», предполагает регистрацию на портале «Госуслуги» с подтверждением прописки пользователя, что говорит о формировании институционального канала взаимодействия граждан с органами власти, который также используется интернет-активистами.

Практики интернет-активизма носят системный характер и затрагивают целый ряд форм интернет-активизма: обсуждение общественно значимых проблем в интернете, формирование интернет-сообществ, в которых действуют гражданские коалиции, подписание электронных коллективных обращений, адресованных органам власти, а также применение краудфандинговых технологий. Например, в протестной деятельности интернет-активистов применяется широкий спектр сетевых ресурсов, сопровождающийся расширением количества участников, что способствует активизации обсуждения общественно значимых проблем в мессенджерах и социальных сетях. При подключении к обсуждению других пользователей начался процесс расширения численности коалиции, в процессе которого формулируются коллективные задачи и общие для сообщества представления о желаемом развитии общественно-политической ситуации. В условиях, когда в общественной кампании участвуют массы граждан, наблюдается её политизация, что делает оптимальным применение автоматизированных методов анализа

деятельности интернет-активистов в социальных сетях. Использование цифровых платформ «обратной связи» позволяет оперативно получать общественно-политическую информацию и заблаговременно урегулировать возникающие конфликтные ситуации, что говорит о формировании новых правил и процедур в российском интернет-активизме.

Выводы по параграфу 2.2.

Интернет-активизм обладает многосоставной основой и гибридным, сочетающим в себе офлайн и онлайн интеракции, характером. В процессе изучения институционализации интернет-активизма были выявлены и сформулированы четыре критерия институционализации:

- конкурентная среда взаимодействия, порождающая значительное количество конфликтов и формирующая у участников общественных отношений потребность в формировании устойчивых механизмов разрешения конфликтных ситуаций;

- социальная однородность и коллективная идентичность, которая характеризует развитость социальной структуры и приводит к делегированию части своих прав и обязанностей акторам, что формирует коллективные интересы, которые проявляются, в том числе в потребности в формировании институтов;

- наличие в сообществе акторов, наделённых представительными и административными полномочиями. Конкурентная среда предполагает соперничество социальных общностей за доступ к потреблению, что формирует у индивидов потребность в рациональном поведении и обосновании его принадлежности к определённой иерархии;

- устойчивость взаимодействия индивидов, которая объясняется степенью развитости социальной структуры и подразумевает наличие качественных характеристик, необходимых для формирования институтов.

В процессе изучения также были сформулированы этапы институционализации интернет-активизма в России, включающие в себя:

- появление первых практик интернет-активизма, когда были разработаны социальные сети, где пользователи создавали цифровые сообщества для обсуждения общественно значимых проблем, выставляли главные принципы взаимодействия друг с другом. Расширение количества участников взаимодействия и хабилизация (опривычивание) практик интернет-активизма проходило в период с 2009 по 2014 год и сопровождалось включением в виртуальное взаимодействие органов и представителей власти, формированием интернет-ресурсов для участия граждан в общественно-политическом процессе, а также этап сопровождался включением в интернет-активизм элементов экономической активности;

- рационализация практик и формирование институтов интернет-активизма проходила в период с 2015 по 2018 год, когда растущее число пользователей интернета начало попадать в поле зрения власти: на международном уровне поднималась угроза о вмешательстве в процесс выборов путём взлома компьютеров, публикации фальшивых новостей и имитации пользовательской активности в социальных сетях. На национальном уровне наблюдали политически мотивированные решения о блокировке it-продуктов из других стран.

- систематизация и стандартизация действий инструментов интернет-активизма проходит в период, начавшийся в 2019 году, когда началось внедрение искусственного интеллекта, появились новые мощности для сбора, анализа и интерпретации информации в автоматическом режиме;

- имплементация в нормативно-правовое поле интернет-активизма происходит в условиях политических конфликтов и выражается в изменениях статей Административного и Уголовного Кодексов РФ. В состав действия статей включаются действия граждан в интернете;

- формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами. Закрепленная в нормативно-правовом поле и

включающая в себя различные сферы человеческой деятельности цифровая активность пользователей легитимизирует не только социальный, но и правовой статус участников институциональных отношений, в котором появляются права, обязанности и санкции за отклоняющееся поведение. Так, на законодательном уровне появилось определение цифровой среды и форм экономической и общественно-политической активности пользователей, а также правила поведения участников, интегрированные в Уголовный и Административные кодексы РФ.

Выводы по главе 2

Политическая институционализация интернет-активизма в современной России зависит как от внутренних характеристик явления, так и от внешнего контекста. Цифровизация отражается на трансформации глобального общественно-политического контекста интернет-активизма, который включает в себя ценности, культуру и устоявшиеся формы взаимодействия людей. Выступая одновременно и средой, и механизмом, интернет воздействует на специфику восприятия информации и стиля мышления, цифровизируя личность. Проникновение интернета во все сферы жизни отразилось как на практиках активизма, так и на коммуникации власти с гражданами.

Одним из основных условий институционализации является степень интегрированности интернет-активизма в картину общественно-политической действительности. Актуальные характеристики современного социального устройства описываются в ряде теорий, в том числе в теории постинформационного общества, которое объясняет комплексный характер внедрения интернет-технологий в различные сферы деятельности человека, эволюционными процессами, которые тоже являются условиями институционализации. Сопровождающая этот процесс виртуализация общественных связей, интеллектуализация труда и расширение сферы услуг

способствуют превращению информации в товар, а каналов коммуникации – в значимый сырьевой ресурс.

Соразмерно с общими эволюционными процессами развития общества трансформируется и гражданская активность населения. Появление доступных технологий, обеспечивающих доступ в интернет, а также цифровых каналов коммуникации, способствовали появлению интернет-активизма. Исследование явления позволило проанализировать формы его существования и определить специфику социальной активности граждан в интернете, а также вывести классификацию этапов институционализации интернет-активизма.

Выявленными критериями политической институционализации интернет-активизма выступает: конкурентная среда взаимодействия; социальная однородность и коллективная идентичность; наличие в сообществе акторов наделённых представительными и административными полномочиями; устойчивость взаимодействия индивидов.

Институционализация представляет собой нелинейный, многофакторный и растянутый во времени процесс, который согласно авторской этапизации состоит из этапов: появления первых практик интернет-активизма и рационализации практик и формирования институтов интернет-активизма; систематизации и стандартизации действий инструментов интернет-активизма; имплементации в нормативно-правовое поле интернет-активизма; формирования устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

3. Влияние информационно-коммуникационных технологий на процессы институционализации интернет-активизма

3.1. Трансформация самоорганизации интернет-активистов в условиях развития цифровых технологий

Последствия цифровизации можно наблюдать в различных сферах жизни человека, в том числе она отразилась на процессах самоорганизации интернет-активистов. Развитие интернета сократило транзакционные издержки и упростило организационные процедуры. Появление и массовизация мобильного интернета, социальных сетей и мессенжеров, сервисов электронной коммерции позволили преодолеть территориальные барьеры и существенно расширить временные рамки активизма, сделав его практически перманентным.

Глобальный процесс цифровизации отразился на гражданской активности в части трансформации подходов и организационных процедур. В условиях развития виртуальной сферы общественных отношений активисты применяют проектный метод организации мероприятий. Специфика метода проявляется в удалённом, децентрализованном и самоорганизованном участии активистов, построении гибких и неформальных организационных процедур, горизонтальном характере взаимодействия активистов. Принципы участия активистов в мероприятиях приобретают неформальный, субъектный, кратковременный и множественный характер. Качественное перерождение организационных принципов и принципов участия активистов в мероприятиях свидетельствуют о масштабных последствиях цифровизации, которые проявляются в трансформации политической культуры и ценностей, а также о глубоких инфраструктурных изменениях, что подразумевает процесс институционализации интернет-активизма в общественно-политическую действительность.

В исследовательском сообществе²⁸² не сложилось единого мнения на счёт воздействия интернета на общественные отношения. Одни видят в виртуализации общественных отношений угрозу. Ряд исследователей²⁸³ опасаются применения интернета с целью установления тоталитарного контроля над личностью. Здесь отмечается формирование механизмов внешнего контроля²⁸⁴. А также форм превентивного реагирования власти на активность граждан в интернете ²⁸⁵. Другие²⁸⁶ – видят в интернете инструмент повышения эффективности жизнедеятельности общества и государства. Отмечают²⁸⁷ интеграцию интернета в процессы обеспечения операционной деятельности людей. Выделяют²⁸⁸ интернет-технологии в контексте национальных интересов государств. Вне зависимости от оценочных суждений стоит отметить, что виртуальное взаимодействие обладает значимостью в общественно-политическом процессе²⁸⁹. Кроме этого, интернет способствует изменению политической культуры, которая генерирует гражданскую активность²⁹⁰.

Интернет, бесспорно, оказывает значительное влияние на жизнь человека. На современном этапе интернет включает в себя широкий спектр цифровых технологий, предоставляющих пользователям кооперировать свои ресурсы для участия в коллективной деятельности по совместному

---

²⁸² Diamond L. The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism. *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 30. No. 1. – P. 20-24.

²⁸³ Unver H. Digital Challenges to Democracy: Politics of Automation, Attention, and Engagement. *Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 71. No. 1. – P. 127—146.

²⁸⁴ Beer D. The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 1. – P. 1-13.

²⁸⁵ Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. – С. 112—133.

²⁸⁶ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. – М.: АСТ, 2014. – С. 237.

²⁸⁷ Володенков С. В., Ромашкина А. Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. №1. 2020. – С. 34.

²⁸⁸ Володенков С.В. Технологии big data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. - 2018. - № 44. - С. 205-212.

²⁸⁹ Володенков С.В. Глобальные "гибридные" акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. - 2019. - Т. 15. - № 3. - С. 61-69.

²⁹⁰ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. Проспект. 2020. – С. 14-88.

производству того или иного продукта. Отмечается²⁹¹ размывание грани между офф-лайн и онлайн практиками: например, гражданская инициатива может зарождаться в офлайн среде на основе определенного общественного запроса, а её непосредственное исполнение – в онлайн среде или наоборот. Для описания этого процесса был сформулирован термин «сферология», который обозначает изменчивость и множественность сфер офф- и онлайн-активизма.

Специфику деятельности интернет-активистов определяют имеющиеся ресурсы и характер взаимоотношения с другими субъектами общественно-политического процесса, главным образом, с властями²⁹². Выбор стратегии поведения определяется протестной или непротестной направленностью интернет-активизма. Протестная направленность характеризуется игнорированием либо противодействием со стороны властей. Активисты лишаются финансового ресурса в виде грантов, административной, организационной и консультативной поддержки. В этих условиях усилия направляются на максимально широкое информирование граждан о предмете деятельности активистов, усиливаются горизонтальные связи, проводятся демонстративные акции.

Например, в январе 2020 года ярославские активисты недовольные качеством работы мэра В. Волкова запустили на платформе Change.org петицию об отставке главы города. В течение трёх недель петиция собрала более 6,5 тыс. подписей. В социальных сетях организовывались флэшмобы, брендинг фотографий профилей протестной атрибутикой. Органы власти, в том числе сам В. Волков проигнорировал усилия активистов, сославшись на отсутствие чётких процедур верификации пользователей на платформе.

---

²⁹¹ Kennedy J. Digital Media, Sharing and Everyday Life, 1st edn // New York, NY and London: Routledge. – 2020. Vol. 15. – P. 265-280.

²⁹² Тимофеева Л. Н. Взаимодействие власти и институтов гражданского общества как условие формирования новой российской идентичности // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: ЮРИУФ РАНХиГС, 2018. – С. 427-437

Другим примером выступает общественная кампания ярославских градозащитников в поддержку сохранения исторических зданий «актёрского квартала», начавшаяся в июне 2021 года. Сбор подписей против сноса здания также был размещен на Change.org и набрал около 1,5 тысяч подписантов. Проходящая в это время избирательная кампания депутатов Государственной Думы привлекла внимание чиновников областного правительства. При участии власти был снят ряд новостных сюжетов, в которых признавалась общественная значимость проблемы. В качестве аргументации в защиту исторических зданий приводилась активность ярославцев в социальных сетях и на платформе для подачи петиций (Таблица 3).

Таблица 3. Критерии и результаты кампаний интернет-активистов.

Кейс	Критерии	Результат
Петиция за отставку мэра Ярославля В. Волкова	Протестно настроенная группа активистов; Отсутствие лидеров и представителей активистов в публичной коммуникации; Слабо институционализированные интернет-инструменты;	Игнорирование со стороны власти, отсутствие результата
Общественная кампания по сохранению «актёрского квартала»	Непротестно настроенная группа активистов; Наличие лидеров, взаимодействие с представителями власти в публичной коммуникации; Использование комплекса цифровых инструментов: сеть сообществ в социальных сетях, взаимодействие с представителями интернет-СМИ	Взаимодействие с властью, коммуникация с профильными подразделениями, заморозка работ по сносу.

Таким образом, использование активистами одних и тех же инструментов может иметь различный результат, который определяется стратегией взаимодействия с субъектами общественно-политического

процесса. На сегодняшний день можно говорить об институционализации гражданской активности и воздействиях интернета на общественно-политическую действительность²⁹³. Исследователи отмечают²⁹⁴ перспективность использования технологий больших данных для изучения проявлений интернет-активизма.

Процесс институционализации интернет-активизма характеризуется сформированным общественно-политическим контекстом, глобальным и глубоким проникновением сетевых технологий в сферы человеческой деятельности. В настоящее время можно наблюдать не просто автоматизацию организационных процедур гражданской активности, но полное её качественное перерождение, которое включает в себя цифровую инфраструктуру, особый тип взаимодействия активистов, определенный спецификой технологий, а также изменение политической культуры и ценностей.

Для изучения основных факторов, характеризующих институционализацию интернет-активизма в современной России, был проведён ряд исследований. В целях получения информации о состоянии гражданского общества и гражданской активности в России в 2017-2021 годах проводился ряд исследований по общей тематике «Гражданская активность населения в оценках экспертов». Результаты исследования позволили получить информацию о фактическом состоянии и динамике изменений интернет-активизма в современной России. В исследовании приняли участие эксперты из 23 субъектов страны, входящих в 8 Федеральных округов: что позволяет распространить выводы исследования на страну. Респондентами для интервьюирования выступили представители органов государственной власти и органов местного самоуправления, научного и предпринимательского сообществ, а также среди руководителей

---

²⁹³ Тимофеева Л. Н. Публичная критика как институт развития // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2018. – С. 194-207.

²⁹⁴ Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. - 2021. - № 3. - С. 142-160.

НКО, что позволило получить информацию от разных сообществ – участников общественно-политического процесса. Это помогло увидеть процесс институционализации интернет-активизма с разных точек зрения. Интервьюирование проходило в дистанционном формате с использованием сотовой связи, электронной почты и приложений для видеоконференцсвязи. Анкета содержала в себе 19 как открытых, предполагающих возможность дать развернутые ответы, так и закрытых, с возможностью выбора баллов или односложных ответов, что было обосновано методикой проведения исследования. Более половины (53,3%) опрошенных экспертов были включены в мероприятия гражданской активности. Методика проведения исследования описана в Приложении 1. Обоснование методов и методик проведения исследования «Гражданская активность населения в оценках экспертов».

Примером деятельности интернет-активистов, разворачивавшейся вокруг обсуждения общественно значимых проблем в интернете, могут служить кейсы вокруг развития конфликтной ситуации вокруг Приказа Владимира Мединского об объединении драматических театров в Ярославле и Петербурге в одну административную единицу в 2019 году, а также развитие конфликтной ситуации вокруг строительства ЦБК на Рыбинском водохранилище. Методика проведения анализа кейс-стади описана в Приложении 2. Кроме этого, в процессе изучения развития общественных кампаний был применен метод ивент-анализа, методика проведения которого описана в Приложении 4.

Протест труппы театра им. Волкова и жителей города проходил, главным образом, на цифровых площадках в социальных сетях. В развитие процесса вмешался губернатор Ярославской области Дмитрий Миронов, выразив позицию по этому вопросу в социальной сети «Facebook»²⁹⁵. Информация новостных сообщений СМИ, содержащая упоминание о реакции главы региона, содержала ссылку на пост с официальной страницы,

---

²⁹⁵ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

что говорит о принятии цифровых форм коммуникации в качестве эквивалента заявлению, сделанному в традиционном формате или путём публикации в интернет-СМИ. Широкому распространению информации способствовала деятельность интернет-активистов, которая позволила привлечь заметное общественное внимание к проблеме и рекрутировать в общественно-политический процесс новых активистов. Ситуация завершилась поручением Президента России Владимира Путина к председателю Правительства России Дмитрию Медведеву о внесении театра им. Ф. Волкова в список особо ценных объектов культурного наследия народов РФ.

Другим примером, демонстрирующим воздействие интернет-активизма на ход общественно-политических процессов, является развитие ситуации вокруг строительства целлюлозно-бумажного комбината в окрестностях Череповца, на Рыбинском водохранилище. Ситуацию можно разделить на ряд этапов: с 2013 по 2015 год – подписание Соглашения между компанией бизнесмена Алексея Мордашова и руководством Вологодской области и подготовка к строительству предприятия; с 2018 по 2019 год – активная фаза протестов и отклонение проекта строительства целлюлозно-бумажного комбината Правительством РФ. За это время существенно изменился характер протестной активности: от преимущественно офлайн-форм протеста с ситуативным применением цифровых ресурсов до активного использования широкого спектра интернет-ресурсов. С 2016 года активисты существенно расширили количество сторонников общественной кампании, начали активно использовать хэштеги, активно вовлекать в свою деятельность лидеров общественного мнения, в частности, муниципальных депутатов. В конце 2019 года в городе Череповце и Рыбинске состоялись митинги, собравшие более 700 человек. Большая работа была проведена и в цифровом пространстве: на ресурсе «Change.org» были созданы электронные петиции, собравшие более 14 тысяч подписей. В период острой политизации

гражданского протеста его события активно освещались в каналах мессенджера «Telegram». Протестная кампания завершилась отклонением проекта строительства целлюлозно-бумажного комбината Правительством России.

Одной из форм координационно-мобилизационного интернет-активизма является виртуальное волонтерство. В проявлении этой формы активизма отмечается значительная степень участия власти в формировании благоприятных условий для развития практики²⁹⁶. Актуальные эмпирические данные демонстрируют интенсивное развитие виртуального волонтерства в России. Виртуальное волонтерство – бескорыстное выполнение работ и оказание услуг, проводимое при помощи интернета²⁹⁷. Тип волонтерства характеризуется дистанционной формой участия в реализации проектов, в которой участники выполняют четко очерченный круг поставленных задач на непостоянной, непродолжительной основе. Выделяются следующие формы виртуального волонтерства: исследовательская деятельность; работа со специализированным программным обеспечением; создание персональных сайтов движений и организаций; написание или редактирование информационных и новостных сообщений; составление материалов для учебных программ; проектирование баз данных; консультирование граждан и т.д.²⁹⁸. Исследователь Р. Пырма²⁹⁹ отмечал, что одними из наиболее позитивных установок молодежи по отношению к формам интернет-активизма является виртуальное волонтерство.

---

²⁹⁶ Martynov, M. Y., L. A. Fadeeva. The voluntary movement in modern Russia: Civic activism vs. state-enforced indoctrination. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 477-496

²⁹⁷ Воронина Ю.В., Барсукова О.В. Виртуальное волонтерство - феномен цифрового общества // Мотивирующая цифровая среда как тренд современного образования. Оренбургский государственный педагогический университет. 2019. С. 79-88.

²⁹⁸ Методические рекомендации по внедрению стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/upload/medialibrary/ff7/Standart-podderzhki-dobrovolchestva_internet.pdf.

²⁹⁹ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. - 2019. - № 2. - С. 180-197.

Интенсивное внедрение интернет-ресурсов в волонтерскую деятельность началось в начале 21 века, когда у граждан появилась возможность участия в дистанционных формах участия в добровольческих проектах и мероприятиях. Влияние сетевых технологий на волонтерскую деятельность отразилось на изменении характера взаимоотношений волонтера с организацией или проектом. Взамен устойчивой связи в традиционном волонтерстве, виртуальное волонтерство тяготеет к гибкому, временному либо ситуативному участию человека в деятельности в краткосрочной перспективе. Появление электронных алгоритмов, обеспечивающих коммуникацию участников волонтерских процессов, способствовало появлению платформ-агрегаторов. Внедрение интернет-технологий снизило организационные расходы и упростило процедуры участия, что положительно отразилось на возможностях людей участвовать в волонтерских проектах.

В России мощный импульс к развитию волонтерское движение получило в период подготовки к проведению зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, когда для организации мероприятий игр привлекалось значительное количество граждан из разных регионов страны. Значимость волонтерства была отмечена на самом высоком уровне: в 2016 году Владимир Путин³⁰⁰ заявил о необходимости «снять все барьеры для развития волонтерства»; в 2017 году в своем выступлении Президент подписал Указ о проведении в России года добровольца в 2018 году.

Организация «Союз волонтерских организаций и движений», деятельность которого направлена на создание электронной площадки для обмена опытом. Цифровая экосистема для развития волонтерства и гражданской активности «Добровольцы России» насчитывает более 1 877 142 участников, 26 441 организаторов и 45 104 проектов³⁰¹. Организация

---

³⁰⁰Указ о проведении в России Года добровольца. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56315> (дата обращения: 1.11.2020).

³⁰¹Добро пожаловать в мир волонтерства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 1.11.2020).

строится по сетевому принципу и активно использует интернет для реализации таких мероприятий как Молодежный форум, Чемпионат мира по футболу и т.д. После регистрации пользователей в качестве волонтеров, платформа позволяет отслеживать волонтерские мероприятия в офлайн- и онлайн-среде с учётом места жительства пользователя и его возможностей.

Другим фактором активизации виртуального волонтерства стала пандемия коронавируса. Ответной реакцией общества на распространение инфекции стало уменьшение активности граждан в офлайн-среде и её частичный перенос в онлайн-плоскость. В результате распространения болезни отдельные категории граждан, особенно старики и инвалиды оказались в трудной жизненной ситуации. В этот период в России было создано несколько крупных общественных акций с привлечением волонтеров для доставки гражданам лекарственных средств и продуктов питания. Одним из проектов стала акция #МыВместе, собравшая более 1,8 миллиардов рублей на помощь гражданам и более 180 тысяч волонтеров по всей России³⁰².

Исследователь С. Мартинсон³⁰³ отмечает возрастающую роль цифрового компонента в процессах самоорганизации граждан, в том числе в коллективном действии по борьбе с распространением COVID-19. Изучение работы самоорганизованных групп волонтеров демонстрирует³⁰⁴ активное использование краудсорсинговых технологий для организации коллективного действия, в том числе программу добровольных спасателей NHS в Великобритании. Другая программа – CrowdSource Rescue, реализовывалась в США³⁰⁵. Спецификой этих программ является

---

³⁰² Доклад о развитии добровольчества в 2019 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/> (дата обращения: 1.11.2020).

³⁰³ Marston C., Renedo A., Miles S. Community participation is crucial in a pandemic // *Lancet*. - 2020- Vol. 395. - P. 1676–1678.

³⁰⁴ Miao Q., Schwarz S., Schwarz G. Responding to COVID-19: community volunteerism and coproduction in China // *World Dev.* – 2021. – Vol. 137. – P. 105-128.

³⁰⁵ Click2Houston KP. CrowdSource Rescue helps deliver food to 2300+ vulnerable Houstonians amid coronavirus outbreak. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.click2houston.com/food/2020/03/25/crowdsorce-rescue-helps-deliver-food-to-2300-elderly-immunocompromised-locals-amid-coronavirus-outbreak/> (дата обращения: 7.07.2022).

децентрализованное выполнение волонтерами микрозадач в локальном масштабе³⁰⁶.

Появление федеральных операторов добровольческих проектов способствуют качественному росту института гражданской активности: согласно материалам доклада о развитии добровольчества в период с 2013 по 2019 год количество идентифицирующих себя с добровольцами граждан увеличилось с 3 до 16%, а количество вовлечённых в эту работу составило более 7,5 миллионов человек³⁰⁷.

Партиципаторно-деятельный интернет-активизм характеризуется однократным участием активиста в мероприятии. Одной из практик этой формы активизма является подписание электронных коллективных обращений, адресованных органам власти. В этой связи можно выделить следующие платформы: «Российская общественная инициатива», «Активный гражданин» и «Change.org».

Международный ресурс «Change.org» был создан в 2007 году в Соединенных Штатах Америки, а на сегодняшний день используется более чем 100 000 000 гражданами 196 странах мира. В России ресурс используют порядка 4 500 000 россиян. Тематика отечественного сегмента включает широкий спектр проблем: от локальных, например, оказание помощи отдельным социально незащищенным категориям граждан, до крупных всероссийских общественно-политических проблем, например, экологических³⁰⁸. Для использования площадки необходима регистрация, которая осуществляется путём верификации электронной почты или аккаунта «Facebook»³⁰⁹. После прохождения процедуры подтверждения

---

³⁰⁶ Anping Z., Ke Z., Wanda L., Yue W., Yang L., Lin Z. Optimising self-organised volunteer efforts in response to the COVID-19 pandemic // Humanities and Social Sciences Communications. – 2022. – P. 1-12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01127-2> (дата обращения: 7.07.2022).

³⁰⁷ Доклад о развитии добровольчества в 2019 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/> (дата обращения: 7.07.2022).

³⁰⁸ Как устроен Change.org, на какие деньги он существует, какие петиции становятся успешными и почему. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://takiedela.ru/2015/12/change-org/>. (дата обращения: 11.11.2020)

³⁰⁹ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

пользователь получает уникальный id-номер. Петиции не обладают юридическим статусом, но служат рекомендацией для власти. Однако руководитель «Change.org» в России отмечает³¹⁰ значимую роль своего ресурса в процессе формирования общественной значимости гражданских инициатив.

Альтернативой «Change.org» цифровой платформой стал проект «Российская общественная инициатива», созданная Указом Президента России от 4 марта 2013 года. Ресурс представляет собой цифровой механизм совершенствования государственного и муниципального управления, в котором граждане России могут создавать собственные инициативы. Процедура верификации на этом ресурсе предполагает подтверждение личности на портале «Госуслуги». Каждый совершеннолетний гражданин нашей страны обладает возможностью подать собственную общественно-политическую инициативу. Размещение происходит после её экспертной проверки на предмет соответствия законодательной базе страны, актуальности и обоснованности. Процедура опубликования заявок регламентируется Указом Президента³¹¹ от 4 апреля 2013 года, срок предварительного рассмотрения заявок составляет не более двух месяцев. В случаях, если по итогу предложения набирают 10 000 подписантов, петиция отправляется на рассмотрение экспертных групп, которые прорабатывают механизмы реализации петиции. После опубликования инициативы на платформе, ей присваивается уникальный идентификационный номер, после чего зарегистрированные пользователи могут голосовать. Процесс сбора полученных голосов проводится с период не более года с момента публикации инициативы. В зависимости от уровня

---

³¹⁰Мартынова Е. Директор Change.org Дмитрий Савелов: «Каждый день выигрывает одна петиция». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktorshangeorg-dmitrij-savelov-kazhdyj-den-vyigryvaetodna-peticija>. (дата обращения: 11.11.2020)

³¹¹Архипова О.В., Тавровский А.В. Онлайн-петиции на портале Change.org: дискурсивное конструирование и легитимация требований. Материалы сборника: Новейшие и классические методы исследования социальных изменений. Сборник научных статей по итогам VII Социологической Школы СПбГУ /под редакцией Е.С. Богомягковой. 2018. – С. 57-66.

инициативы существуют различные критерии оценки значимости и уровня поддержки: для инициатив федерального уровня необходимо не менее 100 000 подписей в поддержку; для регионального – 100 000 подписей; для регионов с населением более 2 миллионов человек и не менее 5% для остальных; для муниципального уровня – не менее 5% от численности муниципалитета. В случае прохождения порогового уровня общественной поддержки, инициативу рассматривает экспертная группа, которая не позднее через 2 месяца должна принять управленческое решение. В настоящее время количество инициатив, находящихся на рассмотрении ресурса, превышает 17 685 обращений³¹².

По схожим принципам устроена система электронных голосований Правительства Москвы. Онлайн-проект «Активный гражданин» появился в 2014 году. Работа цифрового ресурса нацелена на вовлечение жителей в вопросы развития города и реализации городских проектов, что создаёт легитимность и повышает прозрачность процедуры принятия управленческих решений, а также способствует построению диалога в интернет-пространстве. Темы по задаваемым опросам соответствуют компетенции исполнительной власти города Москвы и включают в себя работу учреждений сферы здравоохранения, социальной защиты, общественного транспорта и объекты хозяйственной деятельности. Метод исследования заключается в публикации опросов, ответы на которые служат индикатором выражения общественного мнения. На платформе существуют внутренние правила, регламентирующие совместную работу пользователей. Верификация пользователя предполагает прохождение трёх уровней, в результате которого пользователь подтверждает свое ФИО, дату рождения, серию и номер паспорта, СНИЛС жителя города Москвы. Опросы не проводятся по незначительным поводам, а также на голосование не выносятся предложения, содержащие конфликты интересов.

---

³¹²Российская общественная инициатива. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 11.11.2020).

Общественная значимость исследования может подтверждаться путём поддержки опроса на платформе «Российская общественная инициатива», где вопрос должен набрать не менее 5% голосов жителей или не менее 100 000 человек, если он относится к уровню субъекта России. В этом случае, проблема может быть рассмотрена работниками городского самоуправления и вынесена на голосование. К 2020 году в ресурс «Активный гражданин» было направлено более 145 миллионов запросов от 2,7 миллионов пользователей³¹³.

Формы онлайн-благотворительности, по большей части, ориентированы на оказание помощи отдельным гражданам или людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, либо испытывающих потребность в оплате медицинских услуг. Институционализированные формы онлайн-благотворительности предусматривают ведение деятельности путём организации либо взаимодействия с некоммерческими организациями – официально зарегистрированными юридическими лицами, подпадающими под регулирующее воздействие российского законодательства. Также в России возникают стихийные кампании по сбору средств, использующие банковские карты физических лиц, однако, такие формы идут вразрез с законодательством и могут повлечь за собой наступление правовых последствий для лиц, перечисляющих средства в случае, если организатор кампании недобросовестен.

В процессе сбора средств активисты используют социальные сети и мессенджеры, которые являются цифровым каналом коммуникации, в котором происходит информационный обмен и мобилизация пользователей на участие в акциях по сбору средств. Сообщества активистов, как правило, имеют ссылку на персональные сайты организаций, где содержится контактная, правовая, методическая информация по осуществлению платежей и обобщенные сведения о поступивших и исполненных

---

³¹³Активный гражданин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ag.mos.ru/home>. (дата обращения: 13.05.2020)

средствах. Цифровым инструментом реализации формы интернет-активизма являются электронные платёжные системы, позволяющие участникам акций перечислять денежные средства. Исходя из результатов анализа функционирования онлайн-благотворительности в современной России можно выделить следующие существенные черты этой формы интернет-активизма: добровольная основа пожертвований; целевой характер поступления средств на расчётный счёт некоммерческой организации или физического лица; использование систем электронных платежей для перечисления и получения средств; интенсивное информационное взаимодействие с неограниченным количеством пользователей в цифровом канале коммуникации, характеризующееся устойчивостью и долговременностью.

Исследование работы российских благотворительных организаций в интернет-пространстве осуществлялось путем анализа деятельности 11 наиболее успешных организаций. Оценка деятельности для дальнейшего отбора проходила путём поиска и сопоставления информации о результатах финансовой активности фондов за два прошедших года, которая собиралась на сайте Министерства юстиции России³¹⁴. Для детального изучения было выбрано 11 фондов: «Подари жизнь», «Русфонд», «Русь», «Алеша», «Дом с маяком», «Линия жизни», «Вера», «Нужна помощь» и «Милосердие». Все изучаемые организации обладают персональным сайтом в интернете, действующей электронной почтой для приёма и отправления корреспонденции, а также сообществами в социальных сетях.

В персональных сайтах содержатся разделы с подробной информацией: об организациях и учредителях, о текущих и завершённых кампаниях по сбору средств, о способах совершения пожертвования, в том числе путём использования систем электронных платежей, а также иные способы участия в деятельности организаций. Во всех интернет-ресурсах

---

³¹⁴О сроках представления в 2021 году отчетности некоммерческих организаций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx>. (дата обращения: 11.09.2020)

большое внимание уделяется отчётным финансовым документам: в соответствующих разделах сайтов в обезличенном виде детально опубликована информация о поступивших на счета организаций средствах и отчёты о расходовании денег. Также в сайтах указана информация о сообществах в социальных сетях, использующихся в качестве диалоговых площадок и инструментов информирования и мобилизации граждан к сборам средств. Мобильными приложениями обладает лишь 19% фондов, что объясняется ресурсоёмкостью технологии. Однако наличие перекрёстных ссылок на персональные сайты и сообщества в социальных сетях создают устойчивые информационные экосистемы.

По результатам исследования активности благотворительных организаций в социальных сетях можно отметить одновременное администрирование сообществ фондов в различных социальных сетях. Наиболее распространёнными среди организаций и имеющими большее количество подписчиков стали социальные сети: «Instagram»³¹⁵ (33,5%), «ВКонтакте» (31,8%) и «Facebook»³¹⁶ (13,8%). Аккаунты в сети «Одноклассники» были заведены у 8 из 11 исследуемых организаций, однако на этом ресурсе было зафиксировано 16,3% от общего количества подписчиков. «Tweeter» и мессенджер «Telegram» использовались реже и количество подписчиков на этих ресурсах незначительно. В сети «ВКонтакте» зафиксирована наибольшая пользовательская активность по сравнению с сетями «Instagram»³¹⁷ и «Facebook»³¹⁸, что позволяет говорить о главенствующем характере этого ресурса в российском сегменте интернета. Видеохостинг «YouTube» использовался подавляющим (81,8%) организаций, что способствовало пассивному вовлечению значительного количества человек в работу благотворительных фондов. Работники благотворительных организаций активно используют интернет-ресурсы в

---

³¹⁵ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

³¹⁶ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

³¹⁷ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

³¹⁸ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

работе в части информирования о мероприятиях и кампаниях по сбору средств и их организации, а также получения денежных средств, поступающих на счета организаций в виде добровольных пожертвований граждан путём использования систем электронных платежей. Работа ведется как на персональных сайтах, где размещается информация об организации, реквизитах и отчётах об исполнении средств, так и в сообществах социальных сетей, которые на регулярной основе наполняются мультимедийным контентом.

Проведение исследования «Индексное исследование гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)», методика проведения которого описана в Приложении 6, показала, что применение сетевых технологий является фактором преодоления барьеров для гражданской активности населения.

Таким образом, интернет-активизм в современной России использует широкий спектр сетевых ресурсов, предусматривающий самоорганизацию граждан для участия в коллективных действиях. Спецификой феномена цифровизации гражданской активности является комплексный характер использования интернета, когда в границах одной общественной кампании для достижения желаемых результатов могут применяться различные ресурсы: от обсуждения общественно значимых проблем в интернете и маркировки материалов хэштегами до подписания коллективных обращений в органы власти. Множественный, ситуативный и субъектный принцип участия активистов в мероприятии (проекте) свидетельствует о наличии сложной многоаспектной структуры взаимодействия активистов.

Значимым элементом интернет-активизма является информированность граждан о деятельности активистов. Исследование «Социальная активность жителей Ярославской области, их отношение к общественным организациям», методика которого описана в Приложении 3, демонстрирует недостаточный уровень информированности, что можно рассматривать в качестве барьера институционализации интернет-

активизма. В 2019 году он составил 15,7% с тенденцией к снижению. За четыре предшествующих года доля респондентов, не знакомых с работой некоммерческих организаций, увеличилась на 31,4%, большинство (73,6%) не отметили значимости работы гражданских активистов.

Недостаточная информированность граждан об общественной жизни и предметах социальной активности граждан в ней привела к схематизации восприятия её общественной пользы. В условиях невысокого доверия жителей Ярославской области к работе активистов проявляется эффект социального отчуждения, который выражается в нежелании идентифицировать себя с деятельностью гражданских активистов и в отсутствии возможности оказать помощь в реализации проектов гражданского общества. Феномен социального отчуждения проявился и в степени доверия граждан к деятельности активистов: около трети – 27,2% доверяют работе НКО, в условиях доли частично или полностью не доверяющих в 50,9%.

Наиболее осведомлённой группой респондентов оказались люди с высшим образованием и молодёжь, а наименее осведомлённой – люди в возрасте от 40 лет и живущие в малых городах и селах. Между этими двумя группами также отмечается значительный разброс ответов: в группе осведомлённых уровень доверия к НКО составляет 68%, а у группы наименее осведомлённых – не достигает и 25%.

Значимым показателем стал канал получения информации: практически половина – 48% респондентов узнает о деятельности гражданского общества из интернета. Более трети – 35,3% – от общественных деятелей, а посредством традиционных СМИ информацию узнавало лишь 23,5% респондентов.

Исходя из материалов исследования, можно сделать вывод, что информация играет главную роль в процессе вовлечения граждан Ярославской области в социальную активность, а также формирует их представления об актуальном положении дел и способна изменить их

восприятие степени общественной значимости деятельности активистов. Несмотря на то, что интернет является наиболее распространённым каналом коммуникации активистов с жителями, для вовлечения новых социально-демографических категорий в формы активности необходимо применение комплексного подхода, включающего в себя как онлайн-формы взаимодействия, так и традиционное офлайн-взаимодействие с людьми, что должно повысить устойчивость коммуникации. Для преодоления угрозы появления системного кризиса, связанного с кризисом спроса, предложения и исполнителя, активистам необходимо «оживить» свою деятельность, активно используя интернет-ресурсы, и донося до потребителей информации возможности их участия в общественной жизни.

Таким образом, интернет представляет собой основной канал для получения общественно-политической информации и средство информирования граждан о мероприятиях (проектах) интернет-активизма. Наибольшее (в процентном соотношении) количество граждан, участвующих или способных принять участие в мероприятиях проживает в крупных городах, что накладывает свою специфику на интернет-активизм.

Помимо информационной функции интернета, интернет-активисты активно используют социальные сети и мессенджеры в качестве инструмента самоорганизации граждан в целях разрешения локальных проблемных ситуаций, ограниченных их личным пространством. К кругу таких проблем можно отнести: содержание подъезда, благоустройство общедомовой территории, обустройство близлежащего парка или общественного пространства, а также обсуждение стоимости обслуживания имущества жителей. Форма локального интернет-активизма обладает своей спецификой, связанной с предметом деятельности участников. Малочисленные цифровые сообщества граждан, объединённые в общность на основании социального статуса жителя, потребителя услуг и пр. характеризуются устойчивыми горизонтальными коммуникациями, которые объясняются продолжительностью интереса к тому или иному предмету

активности. Круг участников таких сообществ меняется, как правило, под воздействием внешних обстоятельств, а роль лидера, представляющего интересы сообщества, может ситуативно меняться, в зависимости от возможностей того или иного участника. Локальный интернет-активизм имеет чёткие границы своего проявления, внутри которых функционирует сообщество и реализуется в двух основных формах.

Первой являются так называемые «домовые чаты»³¹⁹, в которых происходит информационное взаимодействие пользователей между собой и, как правило, с представителями коммунальных служб; вырабатывается коллективная позиция жителей по вопросам содержания общего имущества и управленческие решения. В силу незначительного количества участников и чётких границ деятельности активистов, пользовательская деятельность регулируется посредством администрирования групп и является слабо институционализированной.

В целях изучения специфики гражданской активности в Ярославской области и воздействия информационно-коммуникационных технологий на её проявления летом 2020 года было проведено исследование³²⁰, представляющее собой глубинное интервью с полуструктурированными вопросами анкеты, методика проведения которого находится в Приложении 3.

В Ярославской области подавляющее количество (95,2%) представителей гражданского общества используют интернет в профессиональной деятельности³²¹. Наиболее популярными социальными сетями среди гражданских активистов является «ВКонтакте» и

---

³¹⁹ Ассоциация развития и поддержки общественного самоуправления города Ярославля объявляет конкурс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://city-yaroslavl.ru/events/77224/>. (дата обращения: 11.11.2020).

³²⁰Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданской активности в современной России. Диссертация кандидата политических наук. Ярославль, 2015. – С. 21-28.

³²¹Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dos/DocLib3/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%2017.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).

«Facebook»³²²³²³. С учётом быстрого развития сетевых технологий, значительной степени охвата ими населения России и повышения устойчивости цифровых коммуникаций можно отметить качественный скачок в использовании активистами цифровых ресурсов для продвижения общественно значимых проектов.

Интернет представляет собой коммуникативное пространство, в котором основным каналом коммуникации для интернет-активистов выступают социальные сети и мессенджеры, позволяющие создавать в них цифровые сообщества. Будучи открытыми системами, количество пользователей в цифровых сообществах может существенно меняться, способствуя атомизации активизма, при котором доля активных участников уменьшается, что негативно отражается на устойчивости виртуальных взаимодействий и препятствует выработке коллективных оценок, решений и снижает качество процессов мобилизации активистов на участие в коллективном действии.

Отмечается, что использование сетевых ресурсов способствует повышению скорости и увеличению объёма передаваемой информации, преодолению территориальных и временных барьеров, что в совокупности с воздействием интернета на упрощение организационных процедур, является фактором роста социальной активности граждан в условиях уменьшения степени формализованности гражданских коалиций. В виртуальную коммуникативную среду активно включаются представители органов власти, что объясняется как запросами со стороны общества, так и неизбежностью изменений в исполнении руководством своих обязанностей. В частности, со стороны власти для работников подразделений создаются регламенты работы в социальных сетях. Подобный регламент, в том числе разработан правительством Ярославской области³²⁴. Также отмечается

---

³²² принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

³²³ Как НКО работают с ВКонтакте: выводы исследования [Электронный ресурс]. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2018/02/21/60853/> (дата обращения: 11.11.2020).

³²⁴ Как НКО работают с ВКонтакте: выводы исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/570832581> (дата обращения: 11.05.2021)

расширение присутствия в социальных сетях чиновников муниципального уровня.

Трансформация организационных процедур интернет-активизма отражается на формировании гражданских коалиций – рабочих групп активистов, организуемых для разрешения той или иной проблемы. Результаты исследования (Приложение 1.) демонстрируют укрупнение гражданских коалиций, что объясняется сокращением транзакционных издержек и упрощением организационных процедур. Спецификой формирования гражданских коалиций в мероприятиях интернет-активизма стала относительная их немногочисленность: в период в 2017 по 2021 годы наибольший рост продемонстрировали коалиции в 4-6 партнёров (+3,7%) и коалиции в 6-9 партнеров (+3,5%). Принципы самоорганизации индивидов показали меньшую эффективность в формировании крупных объединений: коалиции в 10-15 партнёров продемонстрировали незначительный рост (+1,1%), а коалиции с более чем 15 партнерами – снижение. Включение в плоскость виртуального взаимодействия элементов экономической активности поспособствовало сокращению доли незарегистрированных коалицией.

Доступность и малая ресурсозатратность сетевых технологий способствовала включению в практики интернет-активизма молодёжи, что более половины (65,6%) опрошенных экспертов. Эта тенденция подтверждается и зарубежными исследованиями. В частности, исследователь Дж. Слоам³²⁵ отмечает, что вопреки ранним исследованиям, демонстрирующим снижение общественного политического участия молодежи, более поздние исследования демонстрируют рост включённости молодёжи в общественно-политический процесс. Современные исследования³²⁶ выявляют положительную связь между повышением

---

³²⁵ Sloam J., Henn M. Rejuvenating politics: Young political participation in a changing world. The rise of young cosmopolitans in Britain // Springer International Publishing. – 2019. – P. 17-42. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97469-9_2 (дата обращения: 7.07.2022).

³²⁶ Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research // Social Science Computer Review. – 2020. - 38(2). – P. 111-127.

вовлечённости граждан в общественно-политический процесс и интенсификацией использования интернета. К числу факторов также относят³²⁷ меры борьбы с пандемией COVID-19.

Интернет накладывает свою специфику на формы активизма. Виртуальная плоскость доступна и открыта, что позволяет включиться в мероприятия интернет-активистов различным субъектам общественно-политического процесса. Отмечается включённость молодежи, что отметило более половины экспертов (58,7%). Другим проявлением описанной специфики стало включение СМИ, что отметило практически половина (49%) экспертов. В условиях относительно равного взаимодействия появляются новые лидеры общественного мнения, популярность которых строится не на организационных процедурах, а на качествах, навыках и умениях, что отметило более трети (31,6%) экспертов. Интенсификация взаимодействия порождает и новые конфликтные ситуации. Кроме этого, значительное количество участников виртуального взаимодействия стремятся сопоставить своё мнение с общественными представлениями, что приводит в политизации активности, что отметило 29,5% экспертов. (Таблица 4). Одновременно с этим, согласно зарубежным исследованиям, социальные сети способствуют селективному потреблению информации и эффекту эхо-камер, которые актуализируют идеологические противоречия между людьми³²⁸.

Таблица 4. Специфика проявления гражданской активности в 2020 и в 2021 году.

	2020	2021
Политизация гражданской активности	29,5%	33,7%
Вовлеченность молодежи в гражданскую активность	44,9%	58,7%

³²⁷ Jin Y. 'Democracy and Active Citizenship Are Not Just About the Elections': Youth Civic and Political Participation During and Beyond Singapore's Nine-day Pandemic Election (GE2020) // 'Democracy and Active Citizenship Are Not Just About the Elections': Youth Civic and Polit. – 2022. - Vol 30.

³²⁸ Volkova A., Lukyanova G. Communication Strategies of Digital Vigilantes: in Search of Justice. In 2020 IEEE // Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). – 2020. – P. 24-26.

Рост количества акций гражданского протеста	19,6%	29,2%
Увеличение политической пассивности населения	21,8%	25,4%
Появление в гражданской активности новых объектов	47,4%	35,6%

Трансформирующее воздействие интернета на активизм отметило трёх четвертей (75,36%) экспертов. К факторам повышения степени воздействия цифровых технологий можно отнести экономико-географические особенности регионов: в субъектах со значительной удаленностью населенных пунктов, а также с гористой местностью, роль интернета в трансформации гражданской активности наиболее (30,5%) высока.

Будучи доступным и открытым для значительного количества участников, интернет-активизм обладает значительной степенью воздействия на политическую ситуацию в регионах России. Это отметило более двух третей экспертов (68,1%). Безусловное влияние интернет-активизма на политическую обстановку в регионе отметило 18,8% экспертов.

Одним из свойств институционализации является включение в общественные отношения новых участников, не обладающих институциональным поведением. Свойство находит отражение в интернет-активизме, когда значительное количество россиян виртуально включаются в общественно-политические процессы, что сопровождается ростом протестной активности, а также радикализации онлайн-активности, что отметило более трети (32,5%) экспертов. Динамика количества протестных акций в интернет-среде показывает рост с 1,07 баллов в 2020 году до 1,3 баллов в 2021 году (по шкале от -5 до 5, где «-5» - снижение, а «5» - рост протестных действий).

Вместе с возможностями виртуализация протеста воздействует и на отражение интересов населения в акциях, что привело к снижению дестабилизирующего влияния (с 0,61 до 0,52 балла)

Таким образом, интернет-активизм представляет собой актуальный феномен цифровизации гражданской активности в России, предполагающий целенаправленное использование интернет-ресурсов для организации и проведения мероприятий, направленных на достижение либо перераспределение общественного блага. Степень развитости интернет-активизма выше традиционной гражданской активности, что соотносится с достаточно высокой степенью его институционализации. В наибольшей степени развиты и институционализированы формы активности, предполагающие продолжительное взаимодействие активистов в социальных сетях и мессенджерах – онлайн-благотворительность, виртуальное волонтерство, обсуждение общественно значимых проблем в интернете и подписание коллективных обращений в органы власти.

Выводы по параграфу 3.1

Воздействие интернета обладает глобальным, всепроникающим характером и отражается на процессах самоорганизации активистов. В ходе проведения исследования было выявлено, что интернет-активизм в России в достаточной степени развит, что объясняется как технологическим развитием интернета, так и развитием институционально оформленной среды проявления – гражданской активности.

Виртуальная плоскость коммуникации определяет специфику самоорганизации интернет-активистов в России. К коллективному действию в интернета активно подключается молодёжь, а также СМИ. Растет количество активистов, взаимодействие которых в цифровой среде способствует процессу институционализации. Вместе с ростом аудитории происходит институционализация интернет-активизма за счёт появления новых лидеров общественного мнения, политизации и появления новых проблемных ситуаций, требующих институционального разрешения.

Интернет-активизм обладает значительной степенью воздействия на общественно-политические ситуации в российских регионах. Одновременно

с этим виртуальная коммуникация способствует снижению негативных последствий протестной активности: учёту интересов населения и уменьшению дестабилизирующего воздействия.

3.2. Особенности взаимодействия активистов и органов власти в условиях институционализации интернет-активизма

Интернет обуславливает специфику на участие граждан в общественно-политической жизни, придавая интернет-активизму черты гибкого, ситуативного, непродолжительного и множественного участия. Глобальный и всепроникающий характер цифровизации воздействует не просто на процессы коммуникации, но трансформирует политическую культуру и ценности человека, способствуя появлению государственной информационной инфраструктуры и правового поля, в которую интегрированы интернет-ресурсы.

Принимая во внимание представленные материалы и результаты исследований, проведенных в процессе написания работы, становится очевидным, что интернет-активизм представляет собой феномен гражданской активности, строящийся на принципах самоорганизации и субъектного участия, которое характеризуется целенаправленным использованием интернет-ресурсов для воздействия на общественно-политическую ситуацию.

Рост численности интернет-пользователей, превращение социальных сетей и мессенджеров в основной канал коммуникации, практически перманентная возможность для активизма – все это составляет специфику интернет-активизма и накладывает особенность на формы его проявления. Использование интернет-ресурсов, главным образом, социальных сетей и мессенджеров, позволяет значительному количеству пользователей включаться в процесс обсуждения и оценки общественно-политических событий, оказывая воздействие и включая их в фокус общественного внимания. Интернет-активность граждан по поводу внедрения систем оплаты услуг для водителей-дальнобойщиков, выхода в прокат провокационного фильма, строительства экологически вредных предприятий, объединения учреждений культуры и прочих актуальных проблем вынуждает власть взаимодействовать с гражданами и активистами

в публичном поле, выражая свои мнения и оценки в социальных сетях и мессенджерах.

Помимо форм активизма, которые напрямую не регулируются государством, такие как обсуждение общественно значимых проблем в интернете, онлайн-благотворительность и виртуальное волонтерство и т.д., в России институционализируется и такая форма активизма как участие в выборах посредством дистанционного электронного голосования.

Выступая эффективным коммуникативным пространством, интернет формирует условия для радикальной протестной активности³²⁹. В качестве одной из причин политизации и радикализации интернет-активизма исследователь А. Соколов выделял дисфункцию политических и государственных институтов, а также неготовность органов власти к диалогу с гражданами в цифровых каналах коммуникации. Примерами радикализации протестной активности служат кейсы с обманутыми дольщиками, уволенными или лишёнными льгот шахтёрами.

Зубова О.Г. отмечает большую радикальность и активность протеста молодого поколения ввиду отсутствия у него страха перед государством³³⁰. Включение в молодёжи в интернет-активизма является фактором развития форм радикальной протестной активности. Исследователь А. Соколов выделял отсутствие реакции государства на требования протестующих в качестве фактора радикализации протеста как угрозу идентичности со стороны большинства в лице государства. Поэтому вопрос формирования цифровых институционализованных каналов коммуникации граждан и органов власти является актуальной для государства.

Изучая контекст построения цифрового взаимодействия с властью, исследователи³³¹ выделяют индивидуальные формы гражданского и

---

³²⁹ Певнева Н.И. Протестное поведение как реакция на модернизационные процессы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7. с. 229.

³³⁰ Зубова О.Г. Особенности протеста в современной политической культуре России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 60.

³³¹ Kitanova M. Youth political participation in the EU: Evidence from a cross-national analysis // Journal of Youth Studies. - 2020. 23(7). – P. 819–836. .

политического участия, отмечая формы интернет-активизма. В условиях распространения пандемии COVID-19 у граждан появились новые возможности для виртуального взаимодействия с властью³³². Отмечается³³³, что период неопределенности выступил в качестве фактора развития внутри- и межличностных конфликтов, а также способствовал выражению ряда общественных проблем, что в купе с интенсификацией использования интернета дало людям импульс для взаимодействия с властью.

О значимости общественно-политического контекста и человеческого потенциала в процессе использования создаваемых государством цифровых механизмов коммуникации говорит исследователь А. Чугунов³³⁴. По мнению учёного, рост человеческого капитала является главным фактором развития институционализированных цифровых каналов коммуникации власти и граждан, который формирует спрос и предложение. В этом тезисе можно выявить и обратную закономерность: действенность социальной политики государства, защита прав и интеллектуального капитала граждан воздействует на эффективность использования людьми цифровых каналов коммуникации. Исследователи П. Маркс и С. Нгуен³³⁵ отмечали важную роль социальных инвестиций уязвимым слоям населения для повышения их активности на рынке труда и общественно-политического участия.

В процессе цифрового взаимодействия граждан и власти, обе стороны в разной степени воздействуют друг на друга. Интернет-активисты путём использования сетевых технологий принимают деятельное участие в общественно-политическом процессе, вовлекая в обсуждение и выражение своих позиций значительное количество граждан, тем самым, формируя

---

³³² Bryant D., Oo M., Damian A. The rise of adverse childhood experiences during the COVID-19 pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. – 2020. - 12(S1). – P. 193. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000711> (дата обращения: 7.07.2022).

³³³ Campbell A. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives // *Forensic Science International*. – 2020. Volume 2.

³³⁴ Кабанов Ю.А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, Социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // *ЖИСП*. 2021. №1. – С. 101-114

³³⁵ Marx P., Nguyen C. G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? *Journal of European Public Policy*. 2018. 25 (6). – P. 912-943.

общественный запрос на изменение работы власти и внедрение в её деятельность интернет-технологий. Органы власти, обладая значительными ресурсами, формируют необходимую правовую и техническую базу для разработки и учреждения электронных механизмов, направленных на организацию общественных отношений, складывающуюся вокруг деятельности интернет-активистов.

Исследователи³³⁶ разделяют развитие электронного правительства на четыре этапа: информирование, взаимодействие, транзакции и трансформация. На первом этапе происходит перевод информации о деятельности органов власти в онлайн-плоскость путём её публикации на официальных сайтах структурных подразделений. На втором – формируется канал цифрового взаимодействия между органами власти и гражданами посредством электронной почты, социальных сетей и мессенджеров без чёткой структуры верификации пользователей. На третьем – путём процедуры электронной верификации граждане могут получать значительный объём услуг в цифровом виде, а также дистанционно участвовать в процессах и процедурах. На четвёртом этапе развития электронного правительства формируются единые точки доступа, в которых реализуется принцип «одного окна», что подразумевает интегрированность значительного количества сервисов внутри одного цифрового ресурса, использование которого является механизмом участия в экономической и общественной жизни.

В своих работах учёный А. Чугунов³³⁷ для описания комплекса методов и инструментов для обеспечения коммуникации между гражданами и органами власти, с целью учёта мнений населения в сфере управления и принятия управленческих решений, ввёл термин «электронное участие». Одним из ключевых показателей эффективности электронного участия

---

³³⁶Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг. 2019. №5 (153). – С. 120-135.

³³⁷Чугунов А.В. Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. №10. – С. 59-66.

исследователь считает степень оперативности и качества реагирования власти на запросы граждан.

Развитие электронного правительства, цифровизации гражданской активности и институционализации интернет-активизма является значимыми факторами становления электронной демократии – специфического интернет-пространства, путём коммуникации в котором граждане получают возможность реализовать свои права и свободы. Организованное цифровое пространство способствует повышению политической активности граждан в таких формах как дистанционное голосование, участие в работе общественно-консультативных органов, а также обсуждение общественно значимых проблем, инициатив, управленческих и политических решений органов власти.

Значительное влияние на процесс институционализации оказывает целенаправленная политика акторов, обладающих необходимыми ресурсами для формирования моделей поведения в целях организации общественных отношений. В условиях роста численности интернет-аудитории в России появилась необходимость в повышении эффективности деятельности органов власти путём их включения и процесс взаимодействия с гражданами и организациями в виртуальной среде. Появление и становление электронного правительства в России, как и в других странах, началось в 2000-х годах. Комплекс технологических средств и нормативно-правовых основ реализовывался на программной основе.

Процесс внедрения цифровых технологий в деятельность органов власти связан с потребностью в повышении её эффективности – снижения организационных расходов и при этом повышения результативности, относительно поставленных управленческих задач³³⁸. В январе 2002 года Правительство России приняло Федеральную целевую программу

---

³³⁸Кочетков А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 19-30.

«Электронная Россия 2002-2010 годы»³³⁹. Одной из приоритетных задач документа была разработка и внедрение в деятельность органов власти электронных механизмов, которые позволили бы перевести процедуры предоставления государственных и муниципальных услуг и осуществления государственных функций в цифровой формат, а также обеспечение решения задач государственного управления с помощью применения электронного правительства с последующим развитием его инфраструктуры³⁴⁰.

Остановившись на нормативно-правовых основах цифровой трансформации в России более подробно, стоит отметить закрепление термина «цифровая трансформация», а также комплекса мер по её обеспечению в официальных документах России: Распоряжении Правительства РФ от 01.11.2013 N 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года»³⁴¹; Указе Президента РФ от 01.12.2016 N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденного Председателем Правительства Российской Федерации; Указе Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"; Указе Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"³⁴²; Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом

---

³³⁹ Х Ковалевские чтения "Россия в современном мире: взгляд социолога" : Материалы научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2015 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2015. – 2248 с.

³⁴⁰ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002—2010 годы) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/184120/#friends> (дата обращения: 18.11. 2021).

³⁴¹ ГАРАНТ (garant.ru) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/184120/#friends> (дата обращения: 18.11. 2021).

³⁴² ГАРАНТ (garant.ru) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/184120/#friends> (дата обращения: 18.11. 2021).

Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Распоряжении Правительства РФ от 17.01.2020 N 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года»³⁴³.

Согласно приведённым выше документам, основными целями цифровой трансформации являются:

- формирование экосистемы цифровой экономики, в которой данные являются ключевым фактором производства и где налажено взаимодействие, предпринимательского и научного сообществ, граждан и государства;

- формирование институтов и инфраструктуры, устранение препятствий и ограничений для развития высокотехнологичных сфер производства;

- повышение конкурентоспособности экономики России.

Согласно стратегическим документам, достигнутыми к 2030 году целями цифровой трансформации в России является:

- высокая степень внедрения сетевых ресурсов работу органов власти;

- до 95% увеличить электронный формат социально значимых услуг;

- до 97% увеличить долю домохозяйств с широкополосным интернетом;

- на 400% (относительно 2019 года) увеличить количество финансирования в отечественные высокотехнологичные предприятия;

---

³⁴³ Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 N 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года»

// СПС «Консультант Плюс»; Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации">// СПС «Консультант Плюс»; Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденного Председателем Правительства Российской Федерации// СПС «Консультант Плюс»; Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"// СПС «Консультант Плюс»; Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"// СПС «Консультант Плюс»; Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации">// СПС «Консультант Плюс»; Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 N 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года»// СПС «Консультант Плюс»;

Материалы серии исследований «Гражданская активность в оценках экспертов»³⁴⁴ демонстрируют понимание властями интернет-активизма в качестве общественного запроса. Нормативно-правовая база, а также цифровая инфраструктура государства строятся вокруг возможности реагирования на этот общественный запрос, который выражают интернет-активисты. Появление цифровых платформ «обратной связи» стало одним из первых устойчивых инструментов взаимодействия власти и граждан в условиях институционализации интернет-активизма. Их появление можно рассматривается в качестве институционализации интернет-активизма, так как позволяет наложить регулирующее воздействие власти на слабо формализованный процесс обсуждения активистами общественно значимых проблем в интернете.

Инициатива внедрения электронных механизмов в процесс взаимодействия в социальных сетях появилась в 2012 году и была отмечена на самом высоком уровне. Президент России В.В. Путин отмечал значимость своевременного учёта и реакции власти на общественные запросы, в особенности, на муниципальном и региональном уровне³⁴⁵. Проекты-прототипы: общественный контроль «Наш город» и краудсорсинговые проекты «Московская поликлиника» и «Наш Петербург», где проходил сбор и направление обращений граждан в административные структуры, был доработан, расширен и поставлен на «государственные рельсы».

В 2018 году в работу многих региональных правительств власти была внедрена «Инцидент Менеджмент»³⁴⁶. В начале 2020 года Президент России В.В. Путин³⁴⁷ отметил положительный опыт работы цифровых платформ

---

³⁴⁴ Методика проведения исследования описана в приложении 1.

³⁴⁵ Презентация заместителя министра связи и массовых коммуникаций России А. Козырева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 11.05.2021)

³⁴⁶ Автоматизированная система управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент Менеджмент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/130378/> (дата обращения: 11.05.2021)

³⁴⁷ «Путин призвал тиражировать успешный опыт цифровых платформ «обратной связи» с гражданами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7648849> (дата обращения: 11.05.2021).

«обратной связи». Работа цифровых платформ включает в себя автоматизированный мониторинг активности граждан в социальных сетях (посредством ключевых слов), фиксирование информационных поводов, отслеживание негативной реакции пользователей на действия властей. Собранный информация направляется к региональному оператору, после чего ранжируется по масштабу проблемы и направляется структурным подразделениям органов власти. Классификация предусматривает деление информации на срочную (ответ должен быть дан в течение часа), обращения средней срочности (первичная реакция должна быть дана в течение трех часов, а ответ и устранение – в течение суток) и обращения с вторичной реакцией (сроки реакции определяет непосредственный исполнитель).

Однако при анализе практики работы цифровых платформ «обратной связи» можно выявить следующие недостатки: избыточный корпус проблем, которые поступают в адрес органов местного самоуправления, но не относятся к области их компетенции; объединение проблем в кейсы, что приводит к типовым малоинформативным ответам. С увеличившимся объемом работы сотрудники не справляются, в результате чего снижается эффективность работы; статус жалоб не приравнен к официальным обращениям и на него не распространяется действие ФЗ РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³⁴⁸.

Относительно новым этапом расширения взаимодействия власти и граждан в интернете стало появление информационно-аналитических систем – «Центров управления регионами», которые наряду с активностью в интернете анализируют поступающие к властям письменные и телефонные обращения.

Результаты исследования «Гражданская активность в оценках экспертов»³⁴⁹, показывают возрастание интереса органов власти к социальной активности граждан в интернете, что отметила практически

---

³⁴⁸Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 02.05.2006 N 59-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁹ Методика проведения исследования описана в приложении 1.

половина (49,3%) экспертов³⁵⁰. Более половины опрошенных экспертов отметили, что цифровые платформы «обратной связи» внедряются в работу органов власти для получения актуальной и оперативной информации об общественно-политической ситуации в регионах, однако более трети (39,6%) экспертов отметила в качестве причины появления цифровых систем политическую волю вышестоящего начальства.

В процессе изучения причин невовлеченности граждан в деятельность цифровых платформ большее влияние оказывают субъективные и объективные обстоятельства. Более половины экспертов (55,9%) отметили в качестве главной причины невовлеченности граждан в деятельность платформ незнание о существовании проекта. Главной причиной слабой включённости граждан в работу платформ «обратной связи» стала низкая эффективность принимаемых властью решений в силу ресурсной недостаточности, что отметило (42,4%) экспертов.

Таким образом, цифровые системы «обратной связи» стали одним из первых устойчивых форм взаимодействия властей и граждан. Это взаимодействие опосредовано информационно-аналитической системой. Наблюдается систематизация и технологическое усовершенствование работы цифровых систем, объединенных в «Центры управления регионами». Помимо технологической стороны, которую на себя взяло государство, в процессе взаимодействия важную роль играет человеческий капитал, информированность и осведомленность граждан относительно целей и задач работы платформ «обратной связи», а также доверие со стороны людей. Сложности, появляющиеся в работе власти с цифровыми платформами, связаны с ресурсной недостаточностью конечных

---

³⁵⁰Соколов А.В., Барский Я.В. Влияние ИКТ на трансформацию гражданской активности (на примере Ярославской области) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72). С. 2271-2283; Барский Я.В. Этапы институционализации общественно-политических институтов // В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей. Омск, 2021. С. 116-120; Соколов А.В., Барский Я.В. Институционализация интернет-активизма // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2021. № 14. С. 124-127; Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 68-74.

«устранителей» проблемных ситуаций – органов местного самоуправления. Кроме этого, механизм работы нуждается в нормативном закреплении с учётом его цифровой специфики.

Помимо цифровых платформ «обратной связи» существуют и прямые формы общения власти и гражданами в интернете. С учётом уровня цифровизации, на сегодняшний день власть положительно реагирует на активность граждан в социальных сетях и мессенджерах. Более того, официальные страницы органов, ведомств и должностных лиц активно ведутся, создавая интернет-пространство для цифрового взаимодействия с гражданами, отвечая современным трендам и запросу общества в открытой власти. В целях повышения эффективности работы с населением органами исполнительной власти российских регионов, в частности, в Ярославской области, создаются регламенты, определяющие основные правила коммуникации с пользователями социальных сетей³⁵¹. Однако, нередко, деятельность органов власти в социальных сетях носит формальный характер и представляет собой одностороннее транслирование текущей информации.

Осенью 2022 года Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин³⁵² подписал Распоряжение от 2 сентября 2022 года №2523-р, согласно которому ведение социальных сетей органами власти становится обязательным. Органы власти на государственном и муниципальном уровне, подведомственные организации и суды будут обязаны создать и вести официальные аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Требования вступают в силу с 1 декабря 2022 года. Распоряжение является частью изменений в Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных

---

³⁵¹Как НКО работают с ВКонтакте: выводы исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://docs.cntd.ru/document/570832581>.

³⁵² Правительство определило соцсети, где органы власти будут обязаны вести официальные аккаунты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://government.ru/news/46448/> (дата обращения: 13.09.2022).

органов и органов местного самоуправления», которые были приняты в июле 2022 года³⁵³.

Таким образом, власть сформировала необходимую нормативно-правовую базу для прямого взаимодействия с гражданами в интернете. Изменения в Федеральном Законодательстве согласуются с Распоряжением Правительства, что свидетельствует о системности и включенности власти в одну из наиболее широко распространенных форм интернет-активизма – обсуждение общественно значимых проблем в интернете.

Кроме электронных платформ «обратной связи» и прямого взаимодействия с гражданами в социальных сетях, власть формирует цифровые коммуникативные узлы, необходимые для участия граждан в общественно-политическом процессе. Одним из его центральных элементов является Единый портал государственных и муниципальных услуг «Госуслуги», который был создан в 2009 году. С 2018 года начался период интенсивного расширения функционала Портала для его превращения в цифровой инструмент для участия в процедуре выборов.

Политика власти по упрощению организационных процедур и повышению удобства голосования отразилась в изменении избирательного законодательства в части отмены открепительных удостоверений, получаемых по месту постоянной регистрации, что сформировало благоприятные условия для разработки цифровых механизмов участия граждан в выборах и референдумах. Во время кампании по выбору Президента Российской Федерации в феврале 2018 года на «Госуслугах» был запущен сервис, позволяющий избирателям выбрать избирательный участок. Летом 2018 года в работу портала государственных и муниципальных услуг был внедрен сервис «Мобильный избиратель», который позволил зарегистрированным пользователям получать информацию о политических партиях, кандидатах, работе избирательных

---

³⁵³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/// СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.04.2022).

комиссий, сроках проведения кампаний и голосованиях на региональных и федеральных выборах глав региона в Единый день голосования 9 сентября 2018 года. В 2019 году в «Госуслугах» был открыт раздел «Мои выборы», позволяющий пользователям не только получать необходимую информацию, но и подавать заявления о включении в список избирателей с помощью сервиса «Мобильный избиратель».

Период интенсивного расширения возможностей Портала государственных и муниципальных услуг связан с распространением пандемии коронавирусной инфекции и необходимостью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия граждан за счет применения цифровых технологий. В октябре 2020 на базе «Госуслуг» появилась электронная платформа для организации и проведения Предварительных голосований политических партий. В целях снижения рисков распространения вирусной инфекции партия «Единая Россия» запустила на Портале государственных и муниципальных услуг Праймериз в дистанционном электронном формате, обеспечив тайное голосование сторонников политических партий, зарегистрированных на «Госуслугах». Впоследствии технология дистанционного электронного голосования была применена для проведения Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, довыборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2019 году в Ярославской и Курской областях, а также основной федеральной кампании в 2021 году. Исследователь Р. Пырма³⁵⁴ отмечает, что вопреки расхожим мнениям о падении интереса граждан к выборам, в действительности интерес растёт, что делает процесс институционализации такой формы интернет-активизма как дистанционное участие в выборах весьма актуальным процессом.

---

³⁵⁴ Пырма Р.В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (сравнительное исследование) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). - 2019. - № 4 (95). - С. 188-204.

Одним из базовых условий для фактической реализации технологии дистанционного электронного голосования стала разработка и использование Единой системы идентификации и аутентификации, которая внедрена в работу Портала с 2011 года, а также Единой биометрической системы, появившейся в 2018 году. Цифровизация процессов взаимодействия органов власти и граждан остро подняла вопрос обеспечения безопасности, предоставления достоверных данных и сохранности персональных данных пользователей государственной информационной системы. Единые системы³⁵⁵ направлены на централизацию и упорядочивание процессов верификации личностей пользователей. Согласно актуальным данным «Ростелекома» в Единой системе идентификации и аутентификации зарегистрировано более половины (84 миллионов человек), что говорит о значительной степени вхождения технологии в цифровые практики россиян.

Единый портал государственных и муниципальных услуг России ведёт работу по интеграции своих сервисов в российские социальные сети. В марте 2020 года внутри социальной сети «Одноклассники» появились сервисы «Госуслуг», в которых пользователи могут получать государственные и муниципальные услуги внутри популярного приложения. С апреля 2021 года зарегистрированные на портале пользователи социальных сетей и интернет-площадок могут проводить сделки, применяя единую систему аутентификации, что упрощает организационные процедуры и является фактором вовлечения большего количества людей в процессы электронного взаимодействия с органами власти. В конце июля 2021 года единая система аутентификации будет применять механизм подтверждения личности пользователя с помощью банковских карт, что демонстрирует универсализацию правил и

---

³⁵⁵Разъяснения по Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.company.rt.ru/about/disclosure/esia_decl.php (дата обращения: 11.05.2021)

унификацию практик интернет-активности россиян со стороны государства.

Единая система аутентификации также применяется для использования цифровых ресурсов интернет-активизма. В платформах для подачи коллективных обращений в органы власти и участия в обсуждении общественно значимых проблем, в частности, в «Российской общественной инициативе» и московском сервисе «Activism», применяется регистрация пользователей посредством единой системы аутентификации «Госуслуг», что обеспечивает высокую репрезентацию интересов россиян, выражаемых в формах интернет-активности на общественно-политическую действительность. В свою очередь, внедрение единой системы аутентификации стандартизирует процедуры подтверждения личности и говорит об «опривычивании» практик интернет-активизма и их унификации.

Информационная система для обеспечения санкционированного доступа пользователей к информационному взаимодействию позволяет portalу «Госуслуги» открыть новые предметные области применения, способствующие интенсивной институционализации различных форм интернет-активизма. В частности, в конце 2020 года на рассмотрение профильного комитета Государственной Думы был вынесен законопроект, в соответствии с которым «Госуслуги» предлагается превратить в единое окно для направления жалоб и обращений граждан в органы власти. Возможность подачи обращений предлагается предоставить гражданам, зарегистрированным в единой системе аутентификации «Госуслуг». Также в соответствии с проектом документа в работу портала предусматривается внедрить искусственный интеллект, который в автоматизированном режиме будет переадресовывать обратившегося уполномоченному органу либо должностному лицу. Пользователи смогут оперативно получать информацию о стадии рассмотрения заявления.

Другой инициативой Министерства связи и массовых коммуникаций стал перенос процессов обсуждения общественно значимых проблем и проведение онлайн-голосований жильцов по решению локальных проблем на площадку «Госуслуг». Соответствующий законопроект был вынесен на обсуждение депутатов Государственной Думы России в августе 2020 года. Согласно проекту документа для обсуждения общественно значимых проблем и проведение онлайн-голосований предлагается использовать единую процедуру аутентификации, которая защитит собственников помещений от искажений и преднамеренного воздействия на результаты волеизъявления жильцов заинтересованными лицами. Использование портала также поспособствует сокращению материальных и временных издержек в процессе организации голосований и подготовке к обсуждению проблем. Инициатива Министерства является частью институционализации деятельности территориального общественного самоуправления, развитие которого связывается с широким применением социальных сетей и мессенджеров при поддержке органом местной власти.

В июне 2021 года Государственная Дума в третьем чтении приняла закон, дополняющий общие положения о порядке организации и проведения публичных слушаний и общественных обсуждений³⁵⁶. Законом определяется обязанность органов власти размещать на Едином портале государственных и муниципальных услуг России информацию и документы о предстоящих публичных слушаниях и общественных обсуждениях, а также их результаты. Кроме этого, органам местного самоуправления предлагается на базе персонального сайта органа власти организовать цифровой канал связи с гражданами, которые смогут направлять свои обращения и предложения по вопросам обсуждений.

Таким образом, на процесс институционализации интернет-активизма влияют действия власти по созданию цифровых механизмов электронного

---

³⁵⁶Интернет-слушания позволят гражданам управлять своим муниципалитетом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/news/51295/> (дата обращения: 11.05.2021)

участия, одним из которых являются «Госуслуги». Портал выступает единой для граждан площадкой, регистрация и использование которого подтверждает личность пользователя и открывает цифровые механизмы взаимодействия с государственными органами. Единая система идентификации и аутентификации, а также Единая биометрическая система являются механизмами институционального электронного участия, которые распространяются на другие интернет-ресурсы.

Среди широкого перечня ресурсов можно отметить работу платформ для подписания коллективных обращений в органы власти, платформ для участия граждан в обсуждении управленческих решений органов власти, а также для участия граждан в реализации своих избирательных прав путём использования дистанционного электронного голосования. Стоит отметить, что портал «Госуслуги», а также Единая система идентификации и аутентификации, и Единая биометрическая система являются механизмом участия граждан в такой форме интернет-активизма как подписание коллективных обращений, адресованных органам власти, и участия жителей Москвы в общественно-политической жизни столицы.

Последовательная реализация Концепции электронного правительства и развитие его элементов позволило сформировать устойчивое интернет-пространство деятельности органов власти, а также внедрить и «опривычить» практики цифрового взаимодействия граждан с властью. Процедура выборов является фундаментальным институтом любого современного государства. В России процедуры организации и проведения выборов и референдумов регулируются статьями Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в котором детально перечисляются круг лиц, порядок и последовательность действий для участия в выборах³⁵⁷. На протяжении долгого времени, согласно нормативно-правовым основам,

---

³⁵⁷Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

процедура голосования проходила путём собственноручного заполнения бюллетеня гражданином на избирательном участке либо в специализированной переносной урне. Актуализация применения дистанционного электронного голосования произошла на фоне распространения пандемии коронавирусной инфекции, когда с целью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия граждан появилась необходимость во включении интернет-ресурсов в организацию электоральных процессов.

В преддверии дня Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, 23 мая 2020 года, в целях защиты здоровья избирателей и создания максимально удобных условий для реализации гражданами своих избирательных прав, Государственная Дума России приняла поправки к действующему Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В частности, понятие «дистанционное электронное голосование», под которым понимается процедура голосования с применением специального программного обеспечения и без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, была отражена в различных статьях документа. Поправки предусматривают и механизм проведения досрочного голосования на всех уровнях выборов, включая и выборы Президента страны. Изменением порядка было разрешено собирать подписи избирателей и участников референдумов с помощью «Единого портала государственных и муниципальных услуг».

6 июля 2020 года Центральная избирательная комиссия заявила о разработке системы дистанционного электронного голосования, базирующейся на базе блокчейн-технологии и с поддержкой биометрических данных избирателей. Персональные данные избирателей в информационной системе дистанционного электронного голосования уязвимы для фишинговых сайтов и прочих вредоносных ресурсов. Для

обеспечения транспарентности процедуры электронного голосования Центральная избирательная комиссия опубликовала исходные коды «умных контрактов» части портала для голосования, а также создала специальные цифровые механизмы для наблюдателей, которые в режиме реального времени могут следить за транзакциями в блокчейн, что позволяет наблюдателям проверять корректность процедуры подсчёта голосов.

Апробация системы дистанционного электронного голосования состоялась во время Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, которое продлилось с 25 июня по 1 июля 2020 года. За это время системой электронного голосования воспользовались более миллиона жителей Москвы и Нижегородской области. Другим успешным опытом применения технологий стала кампания по довыборам парламентариев в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в Ярославской и Курской области, которое состоялось 13 сентября 2020 года, когда системой дистанционного электронного голосования воспользовались более 30 000 человек³⁵⁸. Изменения, внесённые в Федеральный закон, позволят расширить использование портала Госуслуг, на котором, по предварительным подсчётам, сможет быть собрано до половины от общего количества подписей, необходимого для регистрации кандидата или списка кандидатов.

Процедура голосования предполагает жёсткий алгоритм подтверждения личности гражданина и процесса его волеизъявления. На портале Госуслуги избиратель указывает персональные данные, после чего информация проходит процедуру верификации в Федеральной Миграционной службе и Пенсионном фонде Российской Федерации. Процедура подтверждения личности предполагает несколько вариантов: с применением офф-лайн инструментов в ближайшем Многофункциональном

---

³⁵⁸В ЦИК сообщили, что тестирование системы онлайн-голосования прошло без сбоев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/politika/9285209> (дата обращения: 11.05.2021)

центре или электронным способом – с помощью мобильных приложений Сбербанка, Тинькофф Банка, Почта Банка, Банка ВТБ или Банка Санкт-Петербург, а также через веб-сайты указанных банков, при условии, что избиратель является клиентом одного из этих банков.

Сроки регистрации на электронном голосовании заканчиваются не позднее 5 дней до конца голосования. В цифровом ресурсе выбирается раздел подачи заявления о включении в список избирателей, а затем подаётся заявление. Проверяется корректность введённых данных и выбирается раздел дистанционного электронного голосования без посещения избирательного участка. После чего избиратель подтверждает действия одноразовым кодом из СМС сообщения и получает информацию о степени готовности заявления.

Заключительным этапом является дистанционное голосование. В инструкциях избирателям рекомендовано проголосовать в один из трёх дней. Процедура проходит на сайте Госуслуг или в мобильном приложении. Избирателю дается три дня: с 8 утра первого и до 20 вечера последнего дня голосования, в течение которых оформляются и подсчитываются цифровые бюллетени. После голосования ресурс показывает статус подтверждения приёма голоса. При электронной форме голосования избиратель не обладает возможностью отдать голос на избирательном участке повторно, так как после подачи заявления на электронное голосование в списке избирателей делается отметка о его участии в голосовании.

Таким образом, реализация технологии дистанционного электронного голосования стала важным действием государства для институционализации интернет-активизма. Участие граждан в выборах и референдумах традиционно регулирует государство, что свидетельствует, с одной стороны, о целесообразности и эффективности применения цифровых технологий, а с другой, о потребности граждан в появлении подобных технологий. На протяжении нескольких лет органами власти были внесены изменения в правовую основу организации и проведения

выборов путём интеграции в неё цифрового элемента. Использование технологии дистанционного электронного голосования демонстрирует системность интернет-активизма, что, в свою очередь, является показателем его институционализации. Для участия в выборах с применением интернет-технологий гражданин должен быть зарегистрирован на портале «Госуслуги», а его личность – подтверждена и занесена в Единую систему идентификации и аутентификации или в Единую биометрическую систему, которые применяются в использовании гражданами платформ для подписания коллективных обращений в органы власти.

Несмотря на использование блокчейна, снижающего угрозу утечки персональных данных россиян в свободный доступ и сведение к минимуму вероятности человеческого фактора при подсчёте голосов, а также устранения давления и подкупа избирателей, для внедрения дистанционного голосования на федеральном уровне в России существует ряд барьеров. Одним из них является протяжённость и неоднородная населённость, а также недостаточная доступность интернета в отдалённых населённых пунктах Сибири и Дальнего Востока. Велико значение и субъективного фактора – низкого уровня доверия населения к дистанционному голосованию.

Показателем институционализации интернет-активизма и его влияния на изменение взаимодействия граждан и органов власти является реакция государства на протестную активность россиян в интернете. Одной из наиболее интенсивно проявляющихся форм интернет-активизма в России стали сетевые гражданские протесты. В 2020 году эксперты оценили динамику онлайн-форм протестной активности в 1,07 баллов (по шкале от -5 до 5, где «-5» – снижение, «0» – отсутствие динамики; а «5» – рост протестных действий), что значительно выше показателей офлайн-протестов (0,3 балла). Также, по мнению экспертов, с 0,49 баллов в 2019 году до 0,61 баллов в 2020 году увеличилось влияние онлайн-протестов. Специфика онлайн-протестов проявляется в меньшем учёте интересов

населения, относительно традиционных форм протеста, что снижает степень их влияния на политическую ситуацию в субъектах России. В отношении гражданских протестов органы власти предпринимают меры по противодействию протестной активности. В период с 2019 по 2020 год отмечается рост противодействия власти формам онлайн (с 0,34 до -0,26 балла) и офлайн (с 0,28 до -0,19 баллов) протестам.

Реакция власти на интернет-активизм россиян, обладающий протестной направленностью, схожа с реакцией на офлайн-протесты, что демонстрирует высокую степень воздействия сетевых протестов на общественно-политическую ситуацию. Относительно 2020 года, в 2021 году власть незначительно снизила интенсивность воздействия на формы сетевого протеста, однако методы противодействия этой форме интернет-активизма совпадают с методами противодействия офлайн-протестам. Общественно-политическая практика показывает наличие значительного административного давления, создающего значительные трудности для организаторов и участников сетевого протеста. Так, ряд средств массовой информации был внесен Министерством юстиций в реестр иностранных агентов на основании действия ст. 15.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Ряд задержаний лидеров протестных групп так же демонстрирует реакцию государства на сетевые протесты.

Стоит отметить, что в настоящее время организация и проведение протестных акций и мероприятий предполагает широкое использование интернет-технологий для рекрутирования и мобилизации граждан на участие в коллективном действии. Отмечается активность органов власти в стремлении оказать регулирующее воздействие на интернет-пространство, однако в большей степени эту тенденцию отметили организаторы и участники протестных акций, а представители непротестных сегментов гражданского общества практически не отметили подобного воздействия. Внимание и попытки к противодействию сетевым формам протеста

объясняются социально-демографическими характеристиками интернет-активистов, среди которых значительную часть составляет молодёжь.

Граждане воздействуют на этот процесс путём использования и формирования устойчивых представлений об эффективности интернет-технологий, а также формируя общественный запрос и стимулируя государство внедрять в практику деятельности цифровые инструменты. Власть изменяет процесс взаимодействия через формирование электронных механизмов участия граждан в общественно-политической жизни, таких как федеральный государственный информационный портал «Госуслуги», объединяющий в себе ряд сервисов, направленных на организацию участия граждан в общественно-политической жизни и использующий системы Единой системы идентификации и аутентификации и Единой биометрической системы, которые выступают инструментом подтверждения личности гражданина для участия в электронном взаимодействии.

Активно развиваются и цифровые платформы «обратной связи», анализирующие и систематизирующие общественно-политическую активность населения в социальных сетях. На основе собираемой информации органами исполнительной власти регионов формируются реестры проблемных ситуаций с их классификацией относительно масштаба, значимости и сроков реагирования должностных лиц. В дополнение к цифровым площадкам «обратной связи» на базах структурных подразделений исполнительной власти регионов организовываются Центры управления регионами, которые аккумулируют не только информацию об активности граждан в интернете, но и офлайн-информацию об активности граждан – сведения из диспетчерских, справочных и т.д.

Наряду с институционализированными формами электронного участия, такими как участие граждан в выборах и референдумах путём использования технологии дистанционного электронного голосования, подачи коллективных обращений в органы власти, должностные лица и

органы власти активно интегрируются в социальные сети и мессенджеры, на сегодняшний день являющиеся основным каналом коммуникации (Приложение 4).

Интернет является коммуникативной средой, в которую активно интегрируются органы власти и должностные лица, что способствует изменению коммуникации между гражданскими активистами и властью. Изменения выражаются в повышении мобильности, преодолению территориальных и временных ограничений, а также в увеличении количества горизонтальных взаимосвязей, что повышает доступность органов власти за счет коммуникации в социальных сетях и мессенджерах. В настоящее время исполнительными органами власти разработаны регламенты ведения чиновниками социальных сетей и участия в обсуждениях в публичной плоскости. Экспертами отмечается повышение доступности и открытости органов власти.

Следующим этапом институционализации интернет-активизма выступает нормативная институционализация, которая проходит в контексте глобальных военно-политических процессов. Проведение специальной военной операции ускорило процесс нормативной институционализации. Помимо закона «О фейках», принятого для контроля над распространением информации, на государственном уровне функционал портала Госуслуги был расширен для цифровизации военного учёта. Добровольные пожертвования россиян в интернете для нужд ВСУ были законодательно приравнены к уголовному преступлению. Отношение государства к сущности иноагентов также изменилось: если раньше для признания было необходимо установить иностранный источник финансирования, то сейчас поводом для включения гражданина в список может выступать его публичная оппозиционная активность. В условиях проведения частичной мобилизации и роста неопределённости интернет-активизм в России проявился в ситуативных акциях сбора средств для покупки обмундирования, тепловизоров и дронов для мобилизованных

солдат в ВС РФ. Основной цифровой площадкой для сбора (как и для обсуждения военно-политического контента) стал мессенджер Telegram. Россияне, покинувшие по политическим убеждениями страну, также активно организуют мероприятия интернет-активизма, в том числе для достижения политических целей.

Выводы по параграфу 3.2.

Взаимодействие власти с гражданами в условиях цифровизации является значимой частью государственной политики. На протяжении более 20 лет в России последовательно реализуется комплекс мер, направленных на формирование нормативно-правовой основы и цифровой инфраструктуры для построения устойчивого цифрового взаимодействия с гражданами.

Новые и развивающиеся инструменты обеспечивают как опосредованное информационно-аналитической системой взаимодействие, которое выражается в автоматизированном сборе цифровой активности граждан, так и в непосредственном взаимодействии власти с гражданами в социальных сетях. Цифровые системы «обратной связи» способствуют удовлетворению государством «общественного запроса» в диалоге с властью. В развитии систем «обратной связи» наблюдается систематизация и технологическое усовершенствование работы на базах «Центров управления регионами».

Процесс институционализации цифрового диалога власти с гражданами наблюдается и в присутствии органов и их руководителей в социальных сетях. Для обеспечения диалога изменяется нормативно-правовая база, а также выпускаются распоряжения высшего исполнительного органа власти. Присутствие органов власти в социальных сетях носит обязательный характер, а чиновников – рекомендательный.

Наряду с формами опосредованного или прямого взаимодействия с гражданами на государственном уровне идёт процесс создания и

закрепления цифровых «коммуникативных узлов», обеспечивающих участие гражданина в общественно-политическом процессе, в том числе в выборах. Отмечается расширение функционала Единого портала государственных и муниципальных услуг «Госуслуги».

Помимо технологической стороны, которую на себя взяло государство, в процессе взаимодействия важную роль играет человеческий капитал, информированность и осведомленность граждан относительно целей и задач работы платформ «обратной связи».

Выводы по Главе 3.

Воздействие интернета обладает глобальным, всепроникающим характером и отражается на процессах самоорганизации активистов. В ходе проведения исследования было выявлено, что интернет-активизм в России в достаточной степени развит, что объясняется как технологическим развитием интернета, так и развитием институционально оформленной среды проявления – гражданской активности.

Интернет-среда проявления активизма характеризуется удалённым, децентрализованным и самоорганизованным участием активистов, построением гибких и неформальных организационных процедур, горизонтальным характером взаимодействия активистов. На процесс институционализации интернет-активизма положительно влияет расширение аудитории активистов и включение в процесс диалога власти, средств массовой информации. Специфика интернет-активизма проявляется в системности происходящих процессов, появлении новых лидеров общественного мнения, политизации и возникновения новых проблемных ситуаций, требующих институционального разрешения.

Власть взаимодействует с гражданами в интернете при помощи как опосредованных, так и прямых форм коммуникации. Вместе с формированием нормативно-правовой базы и цифровой инфраструктуры

формируются и электронные «коммуникативные узлы», необходимые для виртуального участия граждан в общественно-политическом процессе.

Заключение

Одним из ключевых элементов научно-технического прогресса стало развитие информационно-коммуникационных технологий, в частности, интернета. Внедрение сетевого компонента в различные сферы жизни человека характеризуется глобальным масштабом, системностью и значительной степенью проникновения. Процесс цифровизации наблюдается и в сфере гражданской активности. Его последствия привели к появлению специфического феномена цифровизации гражданской активности – интернет-активизма, который понимается автором в качестве самоорганизованной формы воздействия граждан на общественно-политическую действительность посредством целенаправленного использования интернет-технологий.

Большинство форм взаимодействия людей опирается на институты – устойчивые и воспроизводимые модели поведения индивида в обществе, включенные в культурные рамки и ценностную систему координат, и необходимую для организации общественных отношений посредством их структурирования и эффективного разрешения появляющихся конфликтных ситуаций. Спецификой института выступает сфера регулирования им определенной сферы общественных отношений. Так, автор определяет: термин «политический институт» можно дефинировать как устойчивую практику поведения политического актора в публичном пространстве, выраженную в виде формальных и неформальных норм, образующих собой модели поведения, которые структурируют взаимодействие участников с выстраиванием определенного типа отношений.

Наряду с устойчивостью и воспроизводимостью норм взаимодействия, институциональные отношения способны к изменению (незначительной, несистемной адаптации к изменяющимся условиям), а также к трансформации (полному качественному перерождению, которое влечёт за собой воздействие на институциональную среду). Политическая институционализация, согласно авторскому определению, понимается как

процесс закрепления практик поведения индивидов в публичном пространстве. В связи с этим политическая институционализация интернет-активизма определяется как процесс закрепления моделей (форм) поведения политических акторов (индивидов и коллективных субъектов) в цифровой среде.

Согласно авторской позиции, в число основных критериев институционализации входит: ситуация ограниченности ресурсов (которая наделяет предмет общественных отношений ценностью для их участников); конкурентная среда взаимодействия индивидов (которая порождает формирование конфликтных ситуаций, требующих институционального решения); наличие акторов, обладающих необходимыми ресурсами для формирования моделей институционального взаимодействия индивидов (которые выявляются в процессе взаимодействия в конкурентной среде); устойчивость и долговременность качественных характеристик предмета общественных отношений.

На процесс трансформации политических институтов и процесс политической институционализации воздействует множество факторов. В качестве главного из них выделяется развитие интернета. Развитие интернета позволило преодолеть ряд барьеров, сдерживающих гражданскую активность: транзакционные издержки при организации кампаний, трудности интеграции индивидов в действия организационных процедур, географические и временные барьеры. Интернет прошел значительный путь развития: от средства обмена научной информации до неотъемлемого атрибута жизни человека, в том числе общественно-политической. Авторская классификация этапов развития интернета состоит из пяти этапов:

- формирование, когда были заложены главные принципы действия интернета;

- этап интеграции в общественно-политическую действительность, когда проходило формирование информационной инфраструктуры – студии web-дизайна, web-сайты организаций;

- этап развития мобильного интернета, когда была запущена 3g, появились смартфоны, социальные сети и возможность двухстороннего информационного обмена;

- этап появления цифровых сервисов оплаты услуг, когда цифровая экономическая активность интегрировалась в онлайн-благотворительность и виртуальное волонтерство, а власти начали создавать интернет-механизмы участия граждан в общественной жизни;

- этап распространения технологий искусственного, алгоритмизации и применения интернета в качестве инструмента давления в политической сфере.

Будучи интегрированным во все сферы человеческой деятельности, интернет отражается и на гражданской активности. Внедрение интернета характеризуется интенсивным развитием материально-технической базы и цифровой инфраструктуры, а также трансформацией подходов к управлению, системы ценностных координат, политической культуры и характера коммуникаций. На смену подходу, предполагающему наличие административного центра принятия решений и исполнительному аппарату приходят проектные методы управления кампаниями, предполагающие децентрализованное управление со значительным количеством горизонтальных коммуникаций с функциональным распределением обязанностей среди участников. Интернет-активизм понимается как феномен цифровизации гражданской активности, выступающий следующим этапом её развития в контексте типа общественно-политического устройства постинформационного общества, в котором активисты целенаправленно используют сетевые инструменты с целью организации коллективного действия, нацеленного на получение общественного блага посредством воздействия на общественно-политическую ситуацию.

Интернет-активизм обладает многосоставной основой и гибридным характером, сочетающим в себе формы он- и офлайн интеракций активистов. Согласно авторской этапизации политической институционализации интернет-активизма, процесс включает в себя следующие этапы:

- появление первых практик интернет-активизма, когда были разработаны социальные сети, где пользователи создавали цифровые сообщества для обсуждения общественно значимых проблем. Расширение количества участников взаимодействия и хабикуляция практик интернет-активизма проходило в период с 2009 по 2014 год и сопровождалось включением в виртуальное взаимодействие органов и представителей власти;

- рационализация практик и формирование институтов интернет-активизма проходила в период с 2015 по 2018 год, когда растущее число пользователей интернета начало попадать в поле зрения власти: на международном уровне поднималась угроза о вмешательстве в процесс выборов путём взлома компьютеров, публикации фальшивых новостей и имитации пользовательской активности в социальных сетях;

- систематизация и стандартизация действий инструментов интернет-активизма проходит в период, начавшийся в 2019 году, когда началось внедрение искусственного интеллекта;

- имплементация в нормативно-правовое поле интернет-активизма происходит в настоящее время в условиях политических конфликтов и выражается в корректировке статей Административного и Уголовного Кодексов Российской Федерации. В состав действия статей включаются действия граждан в интернете;

- формирование устоявшихся моделей поведения в рамках отдельных форм интернет-активизма с понятными всем участникам статусно-ролевыми системами.

Для институционализации интернет-активизма в современной России были сформулированы и выявлены следующие основные условия:

- трансформация общественно-политического контекста проявления активности;
- совершенствование и развитие технической стороны использования интернета;
- трансформация внутренней природы и системы побуждений индивидов;
- закрепление основных норм и правил в российском правовом поле.

Интернет-активизм обладает множественным, гибким и децентрализованным взаимодействием активистов в проектной форме. В результате проведения исследований было выявлено, что в современной России интернет-активизм обладает высокой степенью развитости и воздействует на общественно-политические ситуации в российских регионах. Стоит отметить различную степень институционализации форм интернет-активизма. В наибольшей степени включены в общественно-политическую действительность формы онлайн-благотворительности, просветительские мероприятия в интернете, виртуальное волонтерство и обсуждение общественно значимых проблем, что коррелируется с количеством и интенсивностью взаимодействия активистов.

Одновременно с формой самоорганизации граждан, в отдельные формы интернет-активизма активно интегрируются государственные институты (система электронного дистанционного голосования, подача коллективных обращений в органы власти, обсуждение общественно значимых проблем в интернете). На протяжении нескольких десятилетий на государственном уровне реализуется ряд программ и проектов, направленных на формирование материально-технической и нормативной базы для включения граждан в диалог с государством посредством использования цифровых институционализированных каналов коммуникации (расширение функционала Госуслуг, создание платформ

«Российская общественная инициатива», «Активный гражданин», внедрение в работу власти цифровых платформ «Обратной связи» и расширения присутствия органов власти в социальных сетях).

В развитии институционализированных цифровых каналов коммуникации граждан и власти наблюдается ряд барьеров, связанных как с объективными, так и с субъективными причинами. К первой группе относится несовершенство законодательной базы, нехватка исполнительского звена работников власти, отсутствие средств на уровне местного самоуправления. Ко второй группе относится низкий уровень информированности и доверия граждан. Для преодоления барьеров сформирован ряд рекомендаций: устранение нормативных барьеров (разработка отдельного положения и порядка взаимодействия с гражданами в цифровых каналах); создание национальной программы (с формированием автономных от госорганов организаций); формирование адекватного КРІ для работников и публичное подведение промежуточных итогов работы; формирование условий для приоритетного порядка рассмотрения наиболее значимых обращений в электронной форме; активное применение технологий искусственного интеллекта в процессах приёма заявлений и коммуникации с гражданами; проведение масштабных пиар-кампаний по привлечению общественного внимания к механизмам взаимодействия с властью в институционализированных цифровых каналах коммуникации; привлечение к рекламе известных блогеров, актёров, медийных персон.

Таким образом, интернет-активизм представляет собой феномен гражданской активности, представляющий собой форму самоорганизации граждан с целью достижения либо перераспределения общественного блага между отдельными категориями граждан, предполагающего целенаправленное использование цифровых технологий. На процесс политической институционализации интернет-активизма воздействуют несколько групп основных факторов: процесс цифровизации сфер человеческой деятельности; виртуальные взаимодействия активистов, в

ходе которых образуются внутренние правила и регламенты, организующие и моделирующие активность участников; целенаправленная деятельность акторов общественно-политического процесса, заключающаяся в формировании необходимой нормативно-правовой и технологической базы электронного взаимодействия.

Проведение специальной военной операции на Украине поспособствовало нормативному закреплению практик интернет-активизма в части цифровизации воинского учёта, контроля над распространением информации, а также организации мероприятий по содействию укомплектованию мобилизованных граждан. Военно-политический процесс также отразился на отношении государства к оппозиционно настроенным интернет-активистам, в отношении которых стали применяться статьи Административного и Уголовного кодексов России.

Список источников и литературы

Федеральные законы, Указы Президента, Постановления Правительства РФ, региональные и муниципальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// СПС «Консультант Плюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

4. Федеральный закон от 05.04.2021 N 85-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

5. Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" от 09.02.2009 г. N 8-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/// СПС «Консультант Плюс».

6. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

7. Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 02.05.2006 N 59-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

8. Федеральный закон "О связи" от 07.07.2003 N 126-ФЗ// СПС «Консультант Плюс».

9. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

10. УК РФ Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий // СПС «Консультант Плюс».

11. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"// СПС «Консультант Плюс».

12. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации"// СПС «Консультант Плюс».

13. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации"// СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002—2010 годы) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/184120/#friends>

15. Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 N 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года»// СПС «Консультант Плюс».

16. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 N 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года».

17. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации"// СПС «Консультант Плюс».

18. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденного Председателем Правительства Российской Федерации// СПС «Консультант Плюс».

Книги, учебные издания и монографии

19. Алмонд Г., Пуэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. – М., – 2002. – 537 с.
20. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia. 1999. – С. 744-746.
21. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia. 1999. – С. 744-746.
22. Белл Д. Грядущее индустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, – 1999. – 944 с.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. С. 92.
24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: пер. с англ. Е. Руткевич /Моск. филос. фонд. – М.: Academia-Центр. Медиум, 1995. – 323 с.
25. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. – М., 2017. – 448 с.
26. Блинова Е.А., Грибанова Г.И., Елисеев и др. Публичная Политика: институты, цифровизация, развитие /под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва, 2018. – 349 с.
27. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 208 с.
28. Варшавский Л.Е. Анализ и моделирование экономических и социальных процессов. Математика. Компьютер. Образование. 2018, Т. 25. – 60–78.
29. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. – Москва: Издательство «Весь мир», 2019. – 323 с.

30. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Проспект, 2020. – 272 с.
31. ГаррТ. Почему люди бунтуют: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
32. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005. – 318 с.
33. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2013. С. 55-56.
34. Джери, Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х тт. Т. 1 (А–О): пер. с англ. – М.: Вече; АСТ, 1999. – 544 с.
35. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. – Москва: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 295 с.
36. Мовчан А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. Москва: Альпина Паблишер, 2019. – 282 с.
37. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. – М.: АСТ, 2014. – 528 с.
38. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 102-117
39. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: Мысль. – 2011. – 448 с.
40. Политическая культура: учебное пособие [Текст] / Г.Л. Тульчинский [и др.]; под общ.ред. Г.Л. Тульчинского. – М. Юрайт, 2015. – 324 с.
41. Светлов В.А. Философия и методология науки: учебное пособие / В.А. Светлов, И.А. Пфаненштиль. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 412 с.
42. Сунгуров А. Российское гражданское общество и власть. – СПб. «АЛЕТЕЯ». – 127с.
43. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью. 1970-1984. Москва: Праксис. 2006. – С. 113-122.

44. X Ковалевские чтения "Россия в современном мире: взгляд социолога": Материалы научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2015 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2015. – 2248 с.

45. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004. С. 52-53.

46. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32.

47. Чугунов А.В., Филатова О.В. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / по ред. А.В. Чугунова, О.В. Филатовой. – СПб. «АЛЕТЕЯ». – 127с.

48. Эриксон Э. Трагедия личности. – М.: Родина; Эксмо, 2019. – 256 с.

49. Эриксон Э. Трагедия личности. М.: Родина. Эксмо. 2019. – С. 363-378.

Диссертации

50. Апанасенко Ф.Е. Трансформация социального института государства в «открытом» обществе XXI века: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Ставрополь, 2018. – 165 с.

51. Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Москва, 2015. – 396 с.

52. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – СПб, 2019. – С. 20.

53. Палагичева А.В. Политическая демобилизация протестной активности граждан в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ярославль, 2021. – 228 с.

54. Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – М., 2018. – 443 с.

55. Соколов А.В. Трансформация политико-властных институтов субъектов Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ярославль, 2006. – 243 с.

56. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе // Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М., 2015. – 402 с.

57. Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданской активности в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ярославль, 2015. – 223 с.

Публикации в научных периодических изданиях

58. Алмонд Г., Пуэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М. 2002. – С. 235; Newman J. Veterans and Political Culture // Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict (Third Edition). – 2022. – P. 153-159.

59. Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1(143). – С. 12-34.

60. Архипова О.В., Тавровский А.В. Онлайн-петиции на портале Change.org: дискурсивное конструирование и легитимация требований. Материалы сборника: Новейшие и классические методы исследования социальных изменений. Сборник научных статей по итогам VII

Социологической Школы СПбГУ /под редакцией Е.С. Богомягковой. – 2018. – С. 57-66.

61. Барский Я.В. Этапы институционализации общественно-политических институтов // В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей. – Омск, – 2021. – С. 116-120.

62. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 65-69.

63. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в крымском и северокавказском сегментах рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 243-265.

64. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180-197.

65. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. "Цифровая гражданственность" в оценках российской молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 4-22.

66. Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулуметрического анализа сетевого контента // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 112-141.

67. Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская // Власть. – 2019. – Т. 27. № 4. – С. 65-69.

68. Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7-18.

69. Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник ПАГС. – 2017. – №4. С. 94-102.
70. Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. – 2019. – №2. – С. 6-24.
71. Бронников И.А., Белоусов Г.Ф., Горбачев М.В. Факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 214-223.
72. Бронников И.А., Горбачев М.В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 5. – С. 23-35.
73. Брюханова А.А. Политический интернет-активизм: теоретический обзор основных форм и моделей исследования // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 14. - № 4. – С. 121-130.
74. Варшавский Л.Е. Анализ и моделирование экономических и социальных процессов // Математика. Компьютер. Образование. – 2018, – Т. 25. – С. 60-78.
75. Васюков И. Интернет-сообщества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.proza.ru/2002/01/18-58>. – (дата обращения: 06.06.2020).
76. Вишнева К.В. Особенности институционализации социально ориентированных некоммерческих организаций в структурах гражданского общества: дуальный подход // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №3 (95). – С. 38-42. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.6>. – (дата обращения: 14.06.2022).

77. Волкова А. В. Гражданская наука в контексте цифровой публичной управляемости // Политика в сетевом обществе, Адлер, 16–19 мая 2019 года. – Адлер: Вика-Принт, 2019. – С. 45-49.

78. Волкова А. В. Конфликтогенные факторы цифрового гражданского участия // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 69-71.

79. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 97-118.

80. Володенков С.В. Глобальные "гибридные" акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 61-69.

81. Володенков С.В. Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – С. 1-13.

82. Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Т.18. – № 2. – 2018. – С. 69-86.

83. Володенков С.В. Технологии big data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 205-212.

84. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии //

Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 6-25.

85. Володенков С.В. цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 117-123.

86. Володенков С.В., Ромашкина А.Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – №1. – 2020. – С. 34.

87. Володенков, С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 341-364.

88. Воронина Ю.В., Барсукова О.В. Виртуальное волонтерство - феномен цифрового общества // Мотивирующая цифровая среда как тренд современного образования. Оренбургский государственный педагогический университет. – 2019. – С. 79-88.

89. Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. – 2016. – № 4. –С. 98-120.

90. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 55-56.

91. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2378>. – (дата обращения: 06.06.2020).

92. Гурлев И.В. Проблемы развития сетей связи и управления поколения 5G в России // Вестник евразийской науки. – 2019. – №5. – С. 47.

93. Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // ProetContra. – 2014. – С. 148-163.
94. Диков А.В. Эволюция интернета от начала до наших дней и далее // Школьные технологии. – 2019. – №2. – С. 3-8.
95. Домбровская А.Ю. Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ (на примере потоков об участии в благотворительности онлайн) // Власть. – 2019. – №5. – С. 132-138.
96. Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 142-160.
97. Дрожжников В.И., Райков А.Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2017. – № 2. – С. 153-169.
98. Завадская М.А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Полит. наука. – 2009. – №3. – С. 56-70.
99. Зазнаев О.И. Политическая институционализация: концептуальный анализ [Текст] / О.И. Зазнаев // Вестник КГТУ им. А.И. Туполева. – 2005. – № 4. – С. 70-73.
100. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: критерии и этапы // Социодинамика. – 2017. – №2. – С. 31-45.
101. Зайцев Александр Владимирович Институционализация диалога государства и гражданского общества: критерии и этапы // Социодинамика. – 2017. – №2. – С. 31-45.
102. Заславская Т.С. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. Неформальная экономика. – 2002. – № 2. – С. 2-38.

103. Зорина Е.Г. Пропаганда как современный инструмент воздействия на общественное сознание. // Информационные войны – 2015. – №4 (36). – С. 89.
104. Зубова О.Г. Особенности протеста в современной политической культуре России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 60.
105. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt. – (дата обращения: 06.06.2020).
106. Игошин И.Н. Институциональные системы и их искажения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2003. №5. – С. 39-40.
107. Ижболдин-Кронберг А.Р., Губарь А.И., Губарь Е.А. К вопросу о феномене трансформационных изменений в системах управления социально-экономическими процессами // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – №2 (26). – С. 14-19.
108. Кабанов Ю.А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, Социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // ЖИСП. – 2021. – №1. – С. 101-114.
109. Карапузов М.Ю. Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 10. – №2. – С 36.
110. Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – №79. – С. 154-169.
111. Кольба, А. И. "Помоги городу!": общественный совет как формат взаимодействия граждан и городской власти в условиях конфликта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4(57). – С. 85-92.

112. Кольба, А. И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 52-73

113. Кольба, А. И. Политическая институционализация конфликтов: основные подходы и проблемы исследования // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 16-26.

114. Кольба, А. И. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 273-286.

115. Кочетков А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С.19-30.

116. Логинова Л.В., Щербланова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. –2019. – №2. – С. 98-108.

117. Макаренко К. М., Панкратова Л. С., Панкратов С. А. Трансформация гражданского протеста в современной России: выбор форм онлайн и офлайн активности// Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 11(75). – С. 3055-3064.

118. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном Сибирском регионе // Society and Security Insights. – 2019. – №3. – С. 13-50.

119. Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. – 2019. – Т.3. – № 3. – С. 79-93.

120. Мерсиянова И.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности

некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 1. – С. 29-46.

121. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С.82-102.

122. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 2. – С. 83-97.

123. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопап. М., 1999. С. 314.

124. Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т.13. – № 2. – С. 112—133.

125. Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 11. – С. 31-37.

126. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Труды XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», СПб: Университет ИТМО. – 2017. – С. 213-220.

127. О’Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра. – 2005. – № 37 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.spiegel.de>. (дата обращения: 06.06.2020).

128. О’РейлиТ. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра. 2005. № 37;

129. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг. – 2019. – №5 (153). – С. 120-135.

130. Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 213-224.

131. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. С.П. Баньковской. – М. – 2002. – С. 23-24.

132. Певнева Н.И. Протестное поведение как реакция на модернизационные процессы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №7. с. 229.

133. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопа. М: Вече, 1999.

134. Платонов К. А., Юдина Д. И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг. – 2019. – №5 (153). – С. 226-249.

135. Попова О. В., Суслов С. И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к "ненаблюдаемым" группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160-182.

136. Походня А.В. Генезис и факторы политического интернет-активизма // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – №7 (84). – С. 18-21.

137. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – №4. – С. 63-69.

138. Пырма Р.В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (сравнительное исследование) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал

политической философии и социологии политики). – 2019. – № 4 (95). – С. 188-204.

139. Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. – 2016. – № 12. – С. 7-19.

140. Расков Д. Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена // Логос: философско-литературный журнал. – 2019. – № 6(133). – С. 253-273.

141. Растимешина Т.В., Антонов Ф.С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // ЭСГИ. – 2019. – №1 (21). – С.168-179.

142. Рябченко Н. А., Гнедаш А. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество». – 2016. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf>. (дата обращения: 25.07.2021).

143. Свищёва А.Н. Теории референтных групп и революции: общая теоретическая матрица относительной депривации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т.24. – № 3. – С. 24-40.

144. Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – №3. – С. 62-75.

145. Соколов А. В., Курбанова А.А. Коллективные действия: трансформация онлайн-ресурса в офлайн-активность (на примере протестной активности А. Навального) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – №2. – С. 98-110.

146. Соколов А.В., Барский Я.В. Влияние ИКТ на трансформацию гражданской активности (на примере Ярославской области) // Вопросы политологии. – 2021. – Т.11. – № 8 (72). – С. 2271-2283.

147. Соколов А.В., Барский Я.В. Институционализация интернет-активизма // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 124-127.

148. Соколов А.В., Барский Я.В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 68-74.

149. Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. – 2021. – № 36. – С. 26-37.

150. Степанова Н. Б. Онлайн-петиция как новый жанр интернет-коммуникации // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Междунар. науч. конф. Чита: Забайкальский государственный университет. – 2016. – С. 138-141.

151. Степанович-Захариевская Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // Центр социологических исследований университета г. Ниш, Сербия. – 2008. – №5. – С. 99-103.

152. Сулимов, Н. Ю. Междисциплинарный проектный подход как методологическая основа в исследовании гражданского активизма в современной политической науке / Н. Ю. Сулимов // Закон и власть. – 2019. – № 2. – С. 9-13.

153. Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Анализ виртуального цифрового протеста в религиозной семиосфере провинциальных городов России // Теория и практика общественного развития. – 2020. – №11(153). – С. 32-37.

154. Тимофеева Л. Н. Взаимодействие власти и институтов гражданского общества как условие формирования новой российской идентичности // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы

консолидации российского общества: ЮРИУФ РАНХиГС, 2018. – С. 427-437

155. Тимофеева Л. Н. Публичная критика как институт развития // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2018. – С. 194-207.

156. Тимофеева Л. Н. Публичная критика как институт развития // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2018. – С. 194-207.

157. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис: политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 138-152.

158. Тресков А.П. Гражданское общество: истоки, понятие и признаки // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 86–90.

159. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социс. Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 72-77

160. Тушакова Е.А. Роль социальных медиа во взаимодействии власти и общества (на примере центра управления регионом Ямало-Ненецкого автономного округа) // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – №1. – С. 17-27.

161. Уразбаев Е.Е. Проблема измерения институционализации национализма в странах Балтии: организационный аспект // Власть. – 2016. – №12. – С. 231-236.

162. Уханова Ю.В., Параничева И.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия // Проблемы развития территории. – 2019. – №4 (102). – С. 132-147.

163. Фадеева Л. А. Акторы и векторы политики идентичности в социокультурном аспекте: европейское и российское измерение //

Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 147-152.

164. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Полит. наука. – 2016. – №2. – С. 164-180.

165. Фадеева Л.А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. – 2021. – № 7(107). – С. 18-26.

166. Фролов А.А. Методика индексного исследования гражданской активности для регионов Российской Федерации // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №4. – С. 184-193.

167. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42-59.

168. Чугунов А.В. Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. – 2017. – №10. – С. 59-66.

169. Шумских Ю.Л. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса // Вестник ВУиТ. – 2020. – №3 (96). – С. 56-63.

170. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – Т.5. № 3. – С. 208-223.

Электронные ресурсы

171. «Путин призвал тиражировать успешный опыт цифровых платформ «обратной связи» с гражданами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7648849>. (дата обращения: 11.05.2021).

172. Автоматизированная система управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент Менеджмент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/130378/>. (дата обращения: 11.05.2021).

173. Активный гражданин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ag.mos.ru/home>. (дата обращения: 13.05.2020).

174. Ассоциация развития и поддержки общественного самоуправления города Ярославля объявляет конкурс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://city-yaroslavl.ru/events/77224/>. (дата обращения: 11.11.2020).

175. В ЦИК сообщили, что тестирование системы онлайн-голосования прошло без сбоев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/politika/9285209>. (дата обращения: 11.05.2021).

176. Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год — цифры и тренды в мире и в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 06.06.2020).

177. ВЦИОМ. Досуг на фоне самоизоляции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10327>. (дата обращения: 06.06.2021).

178. ВЦИОМ. Степень вхождения интернета в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221&utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=232495084. (дата обращения: 06.06.2020).

179. Директор Change.org Дмитрий Савелов: «Каждый день выигрывает одна петиция». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktorshangeorg-dmitrij-savelov-kazhdyj-den-vyigryvaetodna-peticija>. (дата обращения: 11.11.2020).

180. Добро пожаловать в мир волонтерства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dobro.ru/>. (дата обращения: 06.06.2020).

181. Доклад о развитии добровольчества в 2019 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/>. (дата обращения: 06.06.2020).

182. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dos/DocLib3/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202017.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).

183. Интернет-слушания позволят гражданам управлять своим муниципалитетом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/news/51295/> (дата обращения: 11.05.2021).

184. Исследование GfK: Тенденции развития интернет-аудитории в России. Growth from Knowledge. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfkproniknovenie-interneta-v-rossii-1/> (дата обращения: 06.06.2020).

185. Как НКО работают с ВКонтакте: выводы исследования – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://philanthropy.ru/analysis/2018/02/21/60853/> (дата обращения: 11.11.2020).

186. Как НКО работают с ВКонтакте: выводы исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://docs.cntd.ru/document/570832581>. (дата обращения: 01.02.2020).

187. Как устроен Change.org, на какие деньги он существует, какие петиции становятся успешными и почему. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://takiedela.ru/2015/12/change-org/>. (дата обращения: 11.11.2020).

188. Методические рекомендации по внедрению стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://asi.ru/upload/medialibrary/ff7/Standart-podderzhki-dobrovolchestva_internet.pdf. (дата обращения: 11.11.2020).

189. Мобильный интернет в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://mediascope.net/news/1067271/>. (дата обращения: 11.11.2020).

190. О сроках представления в 2021 году отчетности некоммерческих организаций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx>. (дата обращения: 11.09.2021).

191. Политики в социальных сетях. Досье. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/info/1442493> (дата обращения: 05.07.2021).

192. Правительство определило соцсети, где органы власти будут обязаны вести официальные аккаунты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://government.ru/news/46448/> (дата обращения: 13.09.2022).

193. Презентация заместителя министра связи и массовых коммуникаций России А. Козырева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 11.05.2021).

194. Разъяснения по Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.company.rt.ru/about/disclosure/esia_decl.php (дата обращения: 11.05.2021).

195. Российская общественная инициатива. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 11.11.2020).

196. Указ о проведении в России Года добровольца. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56315>. (дата обращения: 11.11.2020).

197. Центр ГРАНИ. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

http://granycenter.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktiviz_m.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

198. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/isswww.exe/stg/d01/05-01.htm (дата обращения: 01.02.2020)

199. Численность населения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/isswww.exe/stg/d01/05-01.htm (дата обращения: 01.02.2020).

200. Ярославский Центр социального партнерства празднует 15-летие – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.asi.org.ru/report/2015/11/19/yaroslavskij-tsentr-sotsialnogo-partnerstva-prazdnuet-15-letie/> (дата обращения: 11.01.2022).

201. Ярославский Центр социального партнерства празднует 15-летие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.asi.org.ru/report/2015/11/19/yaroslavskij-tsentr-sotsialnogo-partnerstva-prazdnuet-15-letie/>. (дата обращения: 01.02.2020).

Литература на иностранном языке

Публикации в научных периодических изданиях

202. Ackermann K., Stadelmann-Steffen I. Voting in the Echo Chamber? Patterns of Political Online Activities and Voting Behavior in Switzerland // Special Issue: The Swiss National Elections 2019. 2022. – DOI: <https://doi.org/10.1111/spsr.12498>.

203. Agostini M., van Zomeren M. Toward a comprehensive and potentially cross-cultural model of why people engage in collective action: A quantitative research synthesis of four motivations and structural constraints // Psychological Bulletin. – 2021. – Т. 147. – №. 7. – P. 667.

204. Akaka, M., Koskela-Huotari K., Vargo, S. Further advancing service science with service-dominant logic: Service ecosystems, institutions, and their implications for innovation // *Handbook of service science*. – 2019. – P. 641–659.
205. Akaliyski P., Minkov M., Li J., Bond M., Gehrig S. The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity. *Social Science & Medicine* 307. –2022. – Vol. 2. – P. 153-171. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115167>.
206. Amorima G., CostaLimab R., Sampaio B. Broadband internet and protests: Evidence from the Occupy movement // *Information Economics and Policy*. – 2022. – Vol. 68(2). – P. 37-49. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2022.100982>.
207. Anping Z., Ke Z., Wanda L., Yue W., Yang L., Lin Z. Optimising self-organised volunteer efforts in response to the COVID-19 pandemic // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2022. – P. 1-12. – DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01127-2>.
208. Baggio, G. Imagery in action. G. H. Mead's contribution to sensorimotor enactivism // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2021. – Vol. 20. – P. 935–955. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11097-021-09784-5>.
209. Bardzell, J., Freeman G., Bardzell S., Chen P. Join.Love: A socio-technical genealogy of the legalization of same-sex marriage / In *CHI '20: Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, Honolulu HI, USA. – 2020. – New York: ACM, P. 1-16.
210. Bastos Limaa M., Harringb N., Jagersb S., Löfgrenc Å., Perssond M., Sjöstedtb M., Brüldee B., Langletf D., Steffeng W., Alpízar F. Large-scale collective action to avoid an Amazon tipping point - key actors and interventions // *Current Research in Environmental Sustainability*. – 2021. – Vol.3. – pp. 1-13. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100048>.
211. Beer D. The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*. – 2017. – Vol. 20. –No. 1. – P. 1-13.

212. Begenya C., Breenb J., Leachcde C., M. Zomeren., L. AartiIye. The power of the in group for promoting collective action: How distinctive treatment from fellow minority members motivates collective action // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2022. – Vol. 101. – P. 1-16. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2022.104346>.
213. Bein S. The dysfunctional paradox of identity politics in liberal democracies // *Das dysfunktionale Paradox der Identitätspolitik in liberalen Demokratien*. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12286-022-00522-y>.
214. Ben-Dor G. Institutionalization and political development: A conceptual and theoretical analysis // *Comparative studies in society and history*. Cambridge. 1975. Vol. 17. N 3. – P. 315–316
215. Betlemidze M. I Provoke Therefore I Am: Cross-Border Mediatizations of Femen’s “Sextremist” Protest // *International Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 15. – P. 1531–1550.
216. Bherer L., Gauthier M., Simard L. Developing the Public Participation Field: The Role of Independent Bodies for Public Participation // *Administration & Society*. – 2020. – Vol. 53(1). – DOI: <https://doi.org/10.1177/0095399720957606>.
217. Bimber B, Flanagin A.J., Stohl C. Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment // *Communication Theory*. – 2005. – № 4 (15). – P. 365–388.
218. Bjørgo T., Mareš, M. *Vigilantism against migrants and minorities*. Routledge / *Vigilantism against Migrants and Minorities*. – 2019. – P.1-30.
219. Blau J.R., Blau P.M. The Cost of Inequality: Metropolitan Structure and Violent Crime // *American Sociological Review*. – 1982. – Vol. 47. – № 1. – P. 114–129.
220. Bode L. Gateway Political Behaviors: The Frequency and Consequences of Low-Cost Political Engagement on social media. *Social Media + Society*. – 2017. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–10.

221. Bonaiuti G. Spherology. *International Lexicon of Aesthetics*. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим жоступа: URL: https://lexicon.mimesisjournals.com/international_lexicon_of_aesthetics_item_detail.php?item_id=101 (дата обращения: 7.07.2022).
222. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research // *Social Science Computer Review*. – 2020. – 38(2). – P. 111-127. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.
223. Brandts J., Gerhards L., Mechtenberg L. Deliberative structures and their impact on voting under economic conflict // *Experimental Economics*. – 2022. – Vol. 25. – P. 680-705.
224. Brennen J., Simon, F. Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation // Report, Reuters Institute. – 2020. – P. 7.
225. Brennen, J. Scott, Kreiss, Daniel. Digitalization, *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy* // American Cancer Society. – 2016. – P. 1–11.
226. Bronnikov I., Karpova V. Digital citizenship in the Russian Federation: Political risks and prospects // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. – 2021. – Vol. 26. – No. 3 – P. 123-133.
227. Bryant D., Oo M., Damian A. The rise of adverse childhood experiences during the COVID-19 pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. – 2020. – 12(S1). – P. 193. – DOI: <https://doi.org/10.1037/tra0000711>.
228. Bua A., S. Bussu. Between Governance-driven Democratisation and Democracy-driven Governance: Explaining Changes in Participatory Governance in the Case of Barcelona // *European Journal of Political Research*. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12421>.
229. Campbell A. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives // *Forensic Science International*. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsir.2020.100089>.

230. Cat J. Slacktivism and The Social Benefits of Social Video: Sharing A Video to “Help” a Cause // First Monday 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5855/4458>. (дата обращения: 01.01.2022).

231. Chon M., Park H. Social media activism in the digital age: Testing an integrative model of activism on contentious issues // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2020. – 97(1). – P. 72–97. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1077699019835896>.

232. Ciszek E., Place K. Troubling Dialogue and Digital Media: A Subaltern Critique // social media + Society. – 2021. – P. 1-11. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120984449>.

233. Click2Houston KP. CrowdSource Rescue helps deliver food to 2300+ vulnerable Houstonians amid coronavirus outbreak. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.click2houston.com/food/2020/03/25/crowdsorce-rescue-helps-deliver-food-to-2300-elderly-immunocompromised-locals-amid-coronavirus-outbreak/> (дата обращения: 7.07.2022).

234. Colborne M. Levijatan: Serbian animal rights vigilantes go to the Polls // Bellingcat. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.bellingcat.com/news/2020/06/18/levijatan-serbian-animal-rights-vigilantes-go-tothepolls/?amp=1> (дата обращения: 7.07.2022).

235. Collective identity and social movement participation / B. Simon, M. Loewy, S. Stürmer, U. Weber, C. Kampmeier, P. Freytag, C. Habig, P. Spahlinger // Journal of Personality and Social Psychology. –1998. – № 74. – P. 646-658

236. Criado J., Villodre J. Revisiting social media institutionalization in government. An empirical analysis of barriers // Government Information Quarterly. – 2022. – Vol. 39(2). – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101643>.

237. Criado J., Villodre J. Delivering public services through social media in European local governments. An interpretative framework using semantic algorithms // *Local Government Studies*. – 2021. – Vol. 47(2). – P. 253-275. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2020.1729750>.

238. Cruz J. Virtue Ethics and a Technomoral Framework for Online Activism // *International Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 15. – P. 1330–1348.

239. De Paula N. Political ideology and information technology in government online communication // *Government Information Quarterly*. – 2022– DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101747>.

240. Dekker R., van den Brink P., Meijer A. Social media adoption in the police: Barriers and strategies // *Government Information Quarterly*. – 2020. – T. 37. – №. 2. – P. 101-141.

241. DellaPosta D., Nee V., Opper S. Endogenous dynamics of institutional change // *Rationality and Society*. – 2019. – Vol. 29(1). – P. 5-48.

242. Dennis A., Fuller R., Valacich J. S. Media, tasks, and communication processes: A theory of media synchronicity // *MIS Quarterly*. – 2008. – 32(3). – P. 575–600.

243. Deursen V., Dijk V. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // *New Media & Society*. – 2019. – Vol. 21(2). – P. 354-375.

244. Dhir A., Kaur P., Rajala R. Continued use of mobile instant messaging apps: A new perspective on theories of consumption, flow, and planned behavior // *Social Science Computer Review*. – 2020. – 38(2). – P. 147–169.

245. Diamond L. The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism. *Journal of Democracy*. – 2016. – Vol. 30. – No. 1. – P. 20-24.

246. Drury J. Recent developments in the psychology of crowds and collective behaviour // *Current opinion in psychology*. – 2020. – T. 35. – P. 12-16.

247. Duffy A., Tandoc E., Ling R. Too good to be true, too good not to share: The social utility of fake news // *Information, Communication and Society*. – 2020. – Vol. 23(13). – P. 1965–1979.

248. Duhamel F., Gutiérrez-Martínez I., Picazo-Vela S., Luna-Reyes L. *International Journal of Public Sector Management* // Emerald Group Publishing Limited. – 2021. – Vol. 34(5). – P. 489-507. – DOI: <https://doi.org/10.1108/IJPSM-07-2020-0183>.

249. Edwards, Frank, Philip N. Howard, and Mary Joyce. Digital Activism and Nonviolent Conflict. The Digital Activism Research Project». digital-activism.org. 2013. – P. 109-11.

250. Escobar O. Between radical aspirations and pragmatic challenges: Institutionalizing participatory governance in Scotland // *Critical Policy Studies*. – 2021. – Vol. 16(2). – P. 146-161. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2021.1993290>.

251. Falco E., Kleinhans R. Beyond information-sharing. A typology of government challenges and requirements for two-way social media communication with citizens // *Electronic Journal of e-Government*. – 2020. – Vol. 16(1). – P. 32-45.

252. Favarel-Garrigues G. ‘Vigilante shows and law enforcement in Russia // *Europe-Asia Studies*. – 2021. – Vol. 73(1). – pp. 221–242. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1862061>.

253. Fowler E. Franz, M., Martin, G., Peskowitz Z. Political advertising online and offline // *American Political Science Review*. – 2021.– Vol. 115 (1). – P. 1-20.

254. Frankfurt T. How technology is fueling social justice during a pandemic. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2020/08/20/how-technology-is-fueling-social-justice-during-a-pandemic/?sh=73ce78494c18> (дата обращения: 7.07.2022).

255. Frosina S. Digital revolution: How social media shaped the 2019 Hong Kong protests. Italian Institute for International Political Studies. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/digital-revolution-how-social-media-shaped-2019-hong-kong-protests-30756> (дата обращения: 7.07.2022).
256. Fuhsea J., Gondal N. Networks from culture: Mechanisms of tie-formation follow institutionalized rules in social fields // *Social Networks*. – 2022. – P. 1-12. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2021.12.005>.
257. Gabdulhakov R. Media Control and Citizen-Critical Publics in Russia: Are Some «Pigs» More Equal Than Others? // *Media and Communication*. – 2021. – Vol. 9. – P. 23-45.
258. George J., Leidner D. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // *Information and Organization*. – 2019. – Vol. 29(3). – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
259. Gerbaudo, P. From Cyper Autonomism to Cyber Populism: An Ideological History of Digital Activism. 2017. – P. 477-489.
260. Gerbaudo, P. From Cyper Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. 2017. – P. 477-489.
261. Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2017. – Vol. 17. – P. 319-336.
262. Gonçalves S. Silva R. Discussing the potential of the institutional theory to leverage service-dominant logic advancements // *European Journal of Management Studies*. – 2021. – Vol. 26(1). – P. 3-16. – DOI: <https://doi.org/10.1108/EJMS-01-2021-0004>.
263. Gunnar B., Thorlindsson T., Sigfusdottir I.D. Relative Deprivation and Adolescent in Iceland: A Multilevel Test // *Social Forces*. – 2009. – Vol. 87(3). – P. 1223-1250.

264. Haenschen K. Self-Reported Versus Digitally Recorded: Measuring Political Activity on Facebook³⁵⁹ // *Social Science Computer Review*. – 2019.
265. Hanchey J., P. Jensen. Organizational Rhetoric as Subjectification // *Management Communication Quarterly*. – 2021. – Vol. 14(18). – P. 1–27. – DOI: <https://doi.org/10.1177/08933189211043253>.
266. Hannon M. Public discourse and its problems // *Politics, Philosophy & Economics*. – 2022. – Vol. 26(3). – P. 271–295. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1470594X221100578>.
267. Harrison S., Johnson P. Challenges in the adoption of crisis crowdsourcing and social media in Canadian emergency management // *Government Information Quarterly*. – 2020. – Vol. 36 (3). – P. 501-509.
268. Hatuka T. Public space and public rituals: Engagement and protest in the digital age // *Urban Studies*. – 2022. – P. 1-14.
269. Hatuka T., Zur H. Who is the ‘smart’ resident in the digital age? The varied profiles of users and non-users in the contemporary city // *Urban Studies*. – 2020. - Vol. 57(6). – P. 1260–1283.
270. Henderson J., Escobar O., Revell P. Public Value Governance Meets Social Commons: Community Anchor Organisations as Catalysts for Public Service Reform and Social Change? // *Local Government Studies*. - 2020. – P. 1–23. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2020.1787164>.
271. Hendriks M., Ercan S., Boswell J. *Mending Democracy: Democratic Repair in Disconnected Times*. Oxford: Oxford University Press. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843054.001.0001>.
272. Hindman M. The real lessons of Howard Dean: reflections on the first digital campaign. *Perspect. Polit* (The real lessons of Howard Dean: reflections on the first digital campaign. *Perspect. Polit*). 2005. – P.121-128.
273. Inglehart R.F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. – 2000. – Vol. 65. – №1. – P. 7-15.

---

³⁵⁹ принадлежит компании Мета, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

274. International center for transdisciplinary research. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nicol.club.fr/ciret/> (дата обращения: 11.01.2022)

275. Jagers S., Harring N., Löfgren Å., Sjöstedt M., Alpizar F., Brülde B., Steffen W. On the preconditions for large-scale collective action // *Ambio*. – 2020. – Vol. 49 (7). – P. 1282-1296.

276. Jakimec V., Nikovskaja L. Civil Participation, Intersectoral Partnership and Internet Technologies of Public Policy // *Social and Humanitarian Knowledge*. – 2019. – Vol. 5. - N. 3. – P. 208-223.

277. Jin Y. ‘Democracy and Active Citizenship Are Not Just About the Elections’: Youth Civic and Political Participation During and Beyond Singapore’s Nine-day Pandemic Election (GE2020) // ‘Democracy and Active Citizenship Are Not Just About the Elections’: Youth Civic and Polit. – 2022. – Vol 30. – DOI: <https://doi.org/10.1177/11033088211059595>.

278. Judge D. Legislative institutionalization: A bent analytical arrow? // *Government and opposition*. Oxford. – 2003. – Vol. 38. – № 4. – P. 500.

279. Kaplan A. Artificial Intelligence, social media, and Fake News: Is This the End of Democracy? // *DIGITAL TRANSFORMATION IN MEDIA & SOCIETY*. – 2020. – P. 150-161. – DOI: <https://doi.org/10.26650/B/SS07.2020.013.09>.

280. Katrina Pugh and Laurence Prusak. Designing Effective Knowledge Networks // *MIT Sloan Management Review*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://sloanreview.mit.edu/article/designing-effective-knowledge-networks/>. (дата обращения: 06.06.2020).

281. Katsabian T. Collective Action in the Digital Reality: The Case of Platform-Based Workers // *Behav. of The Modern Law Review Ltd*. – 2021. – Vol. 84(5). – P. 1005-1040. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12635>.

282. Kaun A., Uldam, J. Digital activism: After the hype // *New Media & Society*. – 2019. – Vol. 20(6). – P. 2099–2106. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444817731924>.

283. Kemp S. Digital 2020: 3.8 billion People use social media // Global Specially-Led Creative Agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 7.07.2022).
284. Kennedy J. Digital Media, Sharing and Everyday Life, 1st edn // New York, NY and London: Routledge. – 2020. Vol. 15. – P. 265-280.
285. Khumaloa N., Dumonta K., Waldzus S. Leaders' influence on collective action: An identity leadership perspective // The Leadership Quarterly. – 2022. – Vol. 33(4). – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2022.101609>.
286. Kitanova M. Youth political participation in the EU: Evidence from a cross-national analysis // Journal of Youth Studies. - 2020. 23(7). – P. 819–836. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636951>.
287. Klandermans B. Collective political action // Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (Eds.) Oxford handbook of political psychology. Oxford, UK: Oxford University Press. – 2003. – P. 670–709.
288. Knight J. Institutions and Social Conflict. New York: Cambridge University Press, 1992.
289. Knoll J., Matthes J., Heiss R. The social media political participation model: A goal systems theory perspective. Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies. – 2020. – Vol. 26(1). – P. 135–156.
290. Koopman C. The Political Theory of Data: Institutions, Algorithms, & Formats in Racial Redlining // Political Theory. – 2022. – Vol. 50(2). – DOI: <https://doi.org/10.1177/00905917211027835>.
291. Larrondo A., Morales-i-Gras J., Orbegozo-Terradillos J. Feminist hashtag activism in Spain: Measuring the degree of politicisation of online discourse on #YoSíTeCreo, #HermanaYoSíTeCreo, #Cuéntalo y #NoEstásSola // Communication & Society. – 2019. – Vol. 32(4). – P. 207–221. – DOI: <https://doi:10.15581/003.32.4.207-221>.

292. Latzer M., Buchi M., Festic N. Internet use in Switzerland 2011-2019: Trends, attitudes and effects. // Summary report from the World Internet Project -Switzerland. Media change and innovation. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mediachange.ch/research/wip-ch-2019> (дата обращения: 7.07.2022).

293. Lawrence J., Reed C. Argument mining: A survey // Computational Linguistics. – 2020. – Vol. 45(4). – P. 765–818.

294. Ledbetter A. An introduction to the special issue on social media, or why this isn't a special issue on social network(ing) sites // COMMUNICATION MONOGRAPHS2021. – 2021. – Vol. 88(1). – P. 1-4. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03637751.2020.1866917>.

295. Leonga C., Faik I., Tana F., Tanc B., HooiKhood Y. Digital organizing of a global social movement: From connective to collective action // Information and Organization. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2020.100324>.

296. Lepikhova E. Podcast review: Give theory a chance // Teaching Sociology. – 2021. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0092055X211049268>.

297. Li Y., Bernard J.-G., Luczak-Roesch M. Beyond Clicktivism: What Makes Digitally Native Activism Effective? An Exploration of the Sleeping Giants Movement. *social media + Society*. –2021. –Vol. 7. – No. 3. – P. 25-27.

298. Lingyan M. Three Social-Mediated Publics in Digital Activism: A Network Perspective of social media Public Segmentation // *social media + Society*. – 2022. – P. 1–10. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F20563051221094775>.

299. Lovari A., Bowen S. A. social media in disaster communication: A case study of strategies, barriers, and ethical implications // *Journal of Public Affairs*. – 2020. – Т. 20. – №. 1. – С. 19-67.

300. Markoff John. Entrepreneurs See a Web Guided by Common Sense // *The New York Times*, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/12/business/12web.html?>

pagewanted=1&ei=5088&en=254d697964cedc62&ex=1320987600&_r=0. (дата обращения: 06.06.2020)

301. Marston C., Renedo A., Miles S. Community participation is crucial in a pandemic // *Lancet*. – 2020. – Vol. 395. – P. 1676–1678.

302. Martynov, M. Y., L. A. Fadeeva. The voluntary movement in modern Russia: Civic activism vs. state-enforced indoctrination. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – P. 477-496

303. Marx P., Nguyen C. G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? *Journal of European Public Policy*. – 2018. – 25 (6). – P. 912-943.

304. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Social Movements* / Neil J. Smelser, ed., *Handbook of Sociology*. Beverly Hills, CA: Sage Publications. – 1988.

305. McCaughey, Martha; Ayers, Michael D. // *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. Psychology Press. – 2003. – №3. – P. 25-27.

306. McLoughlin L., Southern R. By any memes necessary? Small political acts, incidental exposure and memes during the 2017 UK general election // *The British Journal of Politics and International Relations*. – 2021. – Vol. 23(1). – P. 60-84. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148120930594>.

307. Meinema E. ‘Idle minds’ and ‘empty stomachs’: Youth, violence and religious diversity in coastal Kenya // *Africa*. – 2020. – Vol. 90(5). – P. 890-913. – DOI: <https://doi:10.1017/S0001972020000637>.

308. Ménard C. Shirley M. The future of new institutional economics: from early intuitions to a new paradigm? // *Journal of Institutional Economics*. – 2016. – Vol. 10(4). – P.541-565.

309. Miao Q., Schwarz S., Schwarz G. Responding to COVID-19: community volunteerism and coproduction in China // *World Dev*. – 2021. – Vol. 137. – P. 105-128.

310. Miller G. Rational Choice and Dysfunctional Institutions // Governance: an International journal of Policy? Administration and Institutions. – 2000, – Vol 13, – P. 535-547.

311. Morozov E. The brave new world of slacktivism // Foreign Policy. – [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/>. (дата обращения: 11.01.2022).

312. Mossberger K., Tolbert C. Digital Citizenship and Digital Communities: How Technology Matters for Individuals and Communities // International Journal of E-Planning Research. – 2021. – Vol. 10(3). – P. 19-34. – DOI: <https://10.4018/IJEPR.20210701.oa2>.

313. Mounk Y. Der Zerfall der Demokratie. Wie der Populismus den Rechtsstaat bedroht // München: Droemer. – 2019. – P. 32-34.

314. Musi E., Reed C. From fallacies to semi-fake news: Improving the identification of misinformation triggers across digital media // DISCOURSE & SOCIETY. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F09579265221076609>.

315. Newman J. Veterans and Political Culture // Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict (Third Edition). – 2022. – P. 153-159. – DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820195-4.00273-9>.

316. North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. – Cambridge, Cambridge University Press. – 1973.

317. Nyoka P., Tembo M. Dimensions of democracy and digital political activism on Hopewell Chin'ono and Jacob Ngarivhume Twitter accounts towards the July 31st demonstrations in Zimbabwe // MEDIA & COMMUNICATION STUDIES. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.2024350>.

318. Olson M. The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1965.

319. Özkula, S. The problem of history in digital activism: Ideological narratives in digital activism literature // First Monday. – 2021. – Vol. 26(8). – DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v26i8.10597>.

320. Özkula. S. What is digital activism anyway? social constructions of the “digital” in contemporary activism // Journal digital social research. – 2021. – Vol. – 3(3). – P. 60-84. – DOI: <https://doi.org/10.33621/jdsr.v3i3.44>.

321. Peters, M., Besley, T. Weinstein, sexual predation, and ‘Rape Culture’: Public pedagogies and Hashtag Internet activism // Educational Philosophy and Theory. – 2019. – Vol. 51(5). – P. 458-464. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2018.1427850>.

322. Randall V., Svasand L. Party Institutionalization in New Democracies // Party Politics. 2002. № 8. pp. 5-29.

323. Reilly P., Vicari S. Organizational Hashtags During Times of Crisis: Analyzing the Broadcasting and Gatekeeping Dynamics of# PorteOuverte During the November 2015 Paris Terror Attacks // Social Media+ Society. – 2021. – Vol. 7(1). – DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305121995788>.

324. Renger D., Eschert S., Teichgräber M.L., Renger S. Internalized equality and protest against injustice: The role of disadvantaged group members’ self-respect in collective action tendencies // European Journal of Social Psychology. – 2020. – Vol. 50(3). – P. 547-560. – DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2637>.

325. Sabina L. Effects of digital use on trust in political institutions among ethnic minority and hegemonic group – A case study // Technology in Society. – 2021. – Vol. 66. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101633>.

326. Schünemann, W. Ready for the world? Measuring the (trans-) national quality of political issue publics on Twitter. Media and Communication. – 2020. – Vol. 8(4). – P. 40–52. – DOI: <https://doi.org/10.17645/mac.v8i4.3162>.

327. Scott W. Institutions and Organizations // Ideas, Interests and Identities. – 1995. – Vol.17. – P. 136-140.

328. Scott W. R. Institutions and Organizations: Ideas and Interests. Thousand Oaks: Sage, 2008.

329. Seger. E. Black lives matter: New digital activism strategies. In: The Brief. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.stylus.com/rewiring-digital-activism> (дата обращения: 7.07.2022).
330. Shepsle A. K., Bonchek M. Analyzing Politics. New York: Norton, 1997.
331. Shuai Z., Xiaokang L., Zhicheng Z., Xingguang P. Collective fission behavior in swarming systems with density-based interaction // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. – 2022. – Vol. 603.
332. Slimane K., Chaney D., Humphreys A., Leca B. Bringing institutional theory to marketing: Taking stock and future research directions // *Journal of Business Research*. – 2019. – Vol. 105. – P. 389-394.
333. Sloam J., Henn M. Rejuvenating politics: Young political participation in a changing world. The rise of young cosmopolitans in Britain // Springer International Publishing. – 2019. – P. 17-42. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97469-9_2.
334. Smita S. Institutional variety and the future of economics // *Review of Evolutionary Political Economy*. – 2020. – Vol. 1. – P. 13–35.
335. Snow D., Bernatzky C. 8 The coterminous rise of right-wing populism and superfluous populations // *The coterminous rise of right-wing populism and superfluous populations*. – 2020. - Vol.1(1). – P. 130-146.
336. Social Media and Online Commentary Code of Conduct. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://advertisingcouncil.org.au/wp-content/uploads/pdfs/2020/ACA-Social_Media_Code_Of%20Conduct.pdf (дата обращения: 7.07.2022).
337. Sonia Berman, and Victor Katoma. An e-Learning Model Based on Collaboration and Sharing // In: *Proceedings of the 3rd International Conference on e-Learning, University of Cape Town, South Africa. 2008. № 27. – P. 19-26.*
338. Statista. Retrieved. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/> (дата обращения: 7.07.2022).

339. Stephanidis C., M. Antona Universal access in the information Society (2001–2021): knowledge, experience, challenges and new perspectives // Universal Access in the Information Societ. – 2022. – Vol. 3. – P. 329–331. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10209-022-00884-w>.

340. Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // Journal of Social Issues. – 2009. – № 65 (4). – P. 681-705

341. Sunstein C.R. Echo chambers. Princeton, NJ: Princeton University Press. – 2010. – P. 310-315.

342. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge Univ. Press. – P.523.

343. Tammar Z. The Methodology/Theory Interface: Ethnography and the Microfoundations of Institutions // Organization Theory. – 2020. – Vol.1(2). – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2631787720919439>.

344. Tandoc E. The facts of fake news: A research review // Sociology Compass. – 2019. – Vol. 13(9). – P.1–9.

345. Tanja A. Borzel. Organizing Babylon - On the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. – 1998. – Vol. – 76 (2). – P. 253–273.

346. Teocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // social media + Society. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.ebu.ch/news/2019/05/trust-gapbetween-traditional-and-new-media-grows> (дата обращения: 01.01.2022)

347. Teraji S. The cognitive basis of institutions: A synthesis of behavioral and institutional economics // Academic Press. – 2020. – Vol. 3(4). – P. 32-36.

348. Theocharis, Yannis. 2015. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. Social Media + Society 1 (2).

349. Till C. From mobilization to revolution. Reading, MA: Addison-Wesley. – 1978.

350. Tomasz L. Economic policy for development and the new institutional economics // Institute of Economic Research. – 2020. – Vol. 5(2). – P. 61-73. – DOI: <https://doi.org/10.24136/cxy.2020.006>.

351. Treré E. Kaun A. Digital Media Activism: A Situated, Historical, and Ecological Approach Beyond the Technological Sublime // Digital Roots. – 2021. – P. 193-208. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110740202-011>.

352. Unuth N. Why whatsapp is so popular? LifeWire. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.lifewire.com/reasons-why-whatsapp-is-popular-3426372> (дата обращения: 7.07.2022).

353. Unver H. Digital Challenges to Democracy: Politics of Automation, Attention, and Engagement. Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 71. – No. 1. – P. 127-146.

354. Vamstad J. Giving to be civil or civic? – a social origins analysis of charitable giving in Sweden // Journal of Civil Society. – 2020. – № 1. – P. 1-14.

355. Vargo S., Koskela-Huotari K., Vink J. Service-Dominant logic: Foundations and applications. Bridges, E. &Fowler, K. (Eds) / The routledge handbook of service research insights and ideas, Routledge. – 2020. – New York, NY. – P. 3-23.

356. Villodre J., Criado J. I. Analyzing social media institutionalization in public administration. The role of inhibitors in local governments // The 21st Annual International Conference on Digital Government Research. – 2020. – P. 31-40.

357. Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. It's Complicated: Facebook³⁶⁰ Users' Political Participation in the 2008 Election. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2011. – Vol. 14.Is. 3. – P. 107-114.

---

³⁶⁰ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

358. Voeten E. Making Sense of the Design of International Institutions // *Annual Review of Political Science*. – 2019. – Vol. 22 (1). – P. 147-163.
359. Volkova A., Lukyanova G. Communication Strategies of Digital Vigilantes: in Search of Justice. In 2020 IEEE // *Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. – 2020. – P. 24-26. – DOI: <https://doi.org/10.1109/ComSDS49898.2020.9101239>.
360. Vu L. Information and Communications Technologies, Online Activism, and Implications for Vietnam's Public Diplomacy // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. – 2022. – Vol. 41(1). – P. 3–33.
361. Westin M. The framing of power in communicative planning theory: Analysing the work of John Forester, Patsy Healey and Judith Innes // *Planning Theory*. – 2022. – Vol. 21(2). – P. 132–154. – DOI: <https://doi.org/10.1177/14730952211043219>.
362. Wonneberger A., Hellsten I. R., Jacobs S. H. J. Hashtag activism and the configuration of counterpublics: Dutch animal welfare debates on Twitter // *Information, Communication & Society*. – 2021. – Vol. 24. – P. 1694-1711. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2020.1720770>.
363. Wright S. From "Third Place" to "Third Space": Everyday Political Talk in Non-Political Online Spaces // *The Public*. – 2012. – Vol. 19. – № 3. – P. 5-20.
364. Wukich C. Connecting mayors: The content and formation of twitter information networks // *Urban Affairs Review*. – 2020. – P. 1-35. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2F1078087420947182>.
365. Wukich C. Government social media engagement strategies and public roles // *Public Performance & Management Review*. – 2021. – Vol. 44(1). – P. 187-215. – DOI: <https://doi.org/10.1080/15309576.2020.1851266>.
366. XianjunGeng, Yun Huang, Andrew B. Whinston. Smart marketplaces: a step beyond Web services // *Information Technology & Management*. 2008. Vol. 9.No. 2. –P. 15-34.

367. Youngs R. Civic Activism Unleashed: New Hope or False Dawn for Democracy? N.Y.: Oxford University Press. – 2019. – P. 192.

368. Yue Y. When positive energy meets satirical feminist backfire: Hashtag activism during the COVID-19 outbreak in China // Global Media and China. – 2022. – Vol. 7(1). – P. 99–119.

369. Zaccaria A., Del Vicario M., Quattrociocchi W., Scala A., Pietronero L. PopRank: Ranking pages' impact and users' engagement on Facebook³⁶¹ // PLoS ONE. – 2019. – Vol. 14(1). – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211038>.

370. Zarmsky S. Digital Evidence & The Black Lives Matter Movement. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://opiniojuris.org/2020/06/12/digital-evidence-the-black-lives-matter-movement/> (дата обращения: 7.07.2022).

371. Zhong J., Qiu J., Sun M., Jin X., Zhang J., Guo Y., Qiu X., Xu Y. To Be Ethical and Responsible Digital Citizens or Not: A Linguistic Analysis of Cyberbullying on Social Media // Educational Psychology. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.861823>.

---

³⁶¹ принадлежит компании Meta, которую признали экстремистской, запрещен в РФ

Приложения

Приложение 1. Обоснование методов и методик проведения исследования «Гражданская активность населения в оценках экспертов».

В целях выявления специфики институционализации интернет-активизма в качестве феномена цифровизации гражданской активности в современной России был проведен ряд экспертных опросов в субъектах Российской Федерации. Интервьюирование проводилось среди представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления, предпринимательского и научного сообщества, а также среди руководителей некоммерческих организаций, что позволило получить информацию от разных участников общественно-политического процесса и рассмотреть процесс институционализации интернет-активизма с разных точек зрения. Интервьюирование проходило в дистанционном формате с использованием сотовой связи, электронной почты и приложений для видеоконференцсвязи. Специальная анкета содержала в себе 19 как открытых, предполагающих возможность дать развернутые ответы, так и закрытых, с возможностью выбора баллов или односложных ответов, что было обосновано методикой проведения исследования. В каждом из субъектов было опрошено не менее 10 экспертов, что позволило получить репрезентативную информацию и распространить сформулированные выводы на регионы, в которых проводились опросы и на страну в целом. Для обработки результатов применялся статистический анализ данных в программном обеспечении SPSS.

В соответствии с утвержденной методикой выбранные для исследования субъекты страны входят в восемь федеральных округов. В 2014 году в исследование было проведено в 21 регионе, в 2015 году – в 14 регионах, в 2017 году – в 15 регионах, в 2018 году – в 14 регионах, в 2019 году – в 15 регионах, в 2020 году – в 25 регионах, а в 2021 году – в 23 регионах России (см. Таблицу 1, Таблицу 2, Таблицу 3).

Таблица 1. Структура выборочной совокупности экспертного опроса «Гражданская активность населения в оценках экспертов» в 2019 году.

№		Частота	Проценты
1	Воронежская область	12	7,3
2	Республика Дагестан	13	7,9
3	Республика Татарстан	12	7,3
4	Калининградская область	10	6,1
5	Кемеровская область	12	7,3
6	Костромская область	11	6,7
7	Ростовская область	11	6,7
8	Самарская область	10	6,1
9	Ставропольский края	10	6,1
10	Ульяновская область	10	6,1
11	Ярославская область	12	7,3
12	Республика Адыгея	11	6,7
13	Республика Башкортостан	10	6,1
14	Кировская область	11	6,7
15	Иркутская область	10	6,1
Итого		165	100,0

Укажите, пожалуйста, приходилось ли Вам участвовать в акциях гражданской активности в последнее время? (до 8-х вариантов ответов)	Частота	Процент 2019 года	<i>СПРАВОЧНО:</i> данные 2018 года (в %)	<i>СПРАВОЧНО:</i> данные 2017 года (в %)
Организатор протестных акций Офф-лайн	12	7,4%	9,2	8,1
Рядовой участник протестных акций Офф-лайн	25	15,3%	15,7	17,4

Организатор не протестных акций Офф-лайн	34	20,9%	28,1	38,5
Рядовой участник не протестных акций Офф-лайн	53	32,5%	31,4	44,7
Организатор протестных акций Он-лайн	13	8,0%	4,6	5,0
Рядовой участник протестных акций Он-лайн	19	11,7%	19,0	18,0
Организатор не протестных акций Он-лайн	19	11,7%	17,0	21,1
Рядовой участник не протестных акций Он-лайн	41	25,2%	28,1	40,4
Не участвовал в акциях гражданских активистов	81	49,7%	46,4	32,9

Таблица 2. Структура выборочной совокупности экспертного опроса «Гражданская активность населения в оценках экспертов» в 2020 году.

№	Субъект	Частота	Проценты
1	Белгородская область	12	4,2
2	Вологодская область	11	3,8
3	Воронежская область	12	4,2
4	Забайкальский край	10	3,5
5	Кабардино-Балкарская Республика	12	4,2
6	Калининградская область	10	3,5
7	Кемеровская область	14	4,9
8	Костромская область	11	3,8
9	Новосибирская область	10	3,5
10	Приморский край	10	3,5
11	Республика Адыгея	12	4,2
12	Республика Башкортостан	10	3,5
13	Республика Бурятия	10	3,5
14	Республика Дагестан	13	4,5
15	Республика Марий Эл	11	3,8
16	Республика Мордовия	13	4,5
17	Республика Татарстан	13	4,5
18	Самарская область	14	4,9
19	Свердловская область	12	4,2
20	Ставропольский края	12	4,2
21	Тверская область	13	4,5
22	Ульяновская область	11	3,8
23	Хабаровский край	10	3,5
24	Челябинская область	10	3,5

25	Ярославская область	12	4,2
Итого		288	100,0

Укажите, пожалуйста, приходилось ли Вам участвовать в акциях гражданской активности в последнее время? (до 8-х вариантов ответов)	Частота	Процент 2020 года	СПРАВОЧНО: данные 2019 года (в %)	СПРАВОЧНО: данные 2018 года (в %)
Организатор протестных акций Офф-лайн	16	3,2%	7,4	9,2
Рядовой участник протестных акций Офф-лайн	33	6,5%	15,3	15,7
Организатор не протестных акций Офф-лайн	46	9,1%	20,9	28,1
Рядовой участник не протестных акций Офф-лайн	62	12,3%	32,5	31,4
Организатор протестных акций Он-лайн	11	2,2%	8,0	4,6
Рядовой участник протестных акций Он-лайн	19	3,8%	11,7	19,0
Организатор не протестных акций Он-лайн	48	9,5%	11,7	17,0
Рядовой участник не протестных акций Он-лайн	57	11,3%	25,2	28,1
Не участвовал в акциях гражданских активистов	212	42,1%	49,7	46,4

Таблица 3. Структура выборочной совокупности экспертного опроса «Гражданская активность населения в оценках экспертов» в 2021 году.

№	Субъект	Частота	Проценты
1	Воронежская область	12	4,5
2	Республика Дагестан	12	4,5
3	Республика Татарстан	10	3,7
4	Калининградская область	10	3,7
5	Кемеровская область	10	3,7
6	Самарская область	13	4,8
7	Ставропольский края	10	3,7
8	Ульяновская область	10	3,7
9	Ярославская область	10	3,7
10	Республика Адыгея	11	4,1
11	Республика Башкортостан	10	3,7
12	Иркутская область	14	5,2
13	Республика Марий Эл	10	3,7
14	Республика Бурятия	10	3,7
15	Республика Мордовия	15	5,6
16	Новосибирская область	10	3,7
17	Хабаровский край	10	3,7
18	Челябинская область	16	5,9
19	Белгородская область	12	4,5
20	Вологодская область	13	4,8
21	Приморский край	13	4,8
22	Свердловская область	17	6,3
23	Кабардино-Балкарская Республика	11	4,1
Итого		269	100,0

Укажите, пожалуйста, приходилось ли Вам участвовать в акциях гражданской активности в последнее время? (до 8-х вариантов ответов)	Частота	Процент 2021 года	СПРАВОЧНО: данные 2020 года (в %)	СПРАВОЧНО: данные 2019 года (в %)
Организатор протестных акций Офф-лайн	5	1,9%	5,8	7,4
Рядовой участник протестных акций Офф-лайн	32	12,5%	12,0	15,3
Организатор не протестных акций Офф-лайн	64	24,9%	16,7	20,9
Рядовой участник не протестных акций Офф-лайн	89	34,6%	22,5	32,5
Организатор протестных акций Он-лайн	7	2,7%	4,0	8,0
Рядовой участник протестных акций Он-лайн	32	12,5%	6,9	11,7
Организатор не протестных акций Он-лайн	59	23,0%	17,4	11,7
Рядовой участник не протестных акций Он-лайн	76	29,6%	20,7	25,2
Не участвовал в акциях гражданских активистов	120	46,7%	76,8	49,7

Приложение 2. Методика проведения кейс-стади

Для верификации информации, полученной в ходе проведения экспертных опросов в российских регионах, методом «case-study» были исследованы практики интернет-активизма, связанные с самоорганизацией граждан на протест против строительства целлюлозно-бумажного комбината на территории Рыбинского водохранилища, а также организацию протестов против объединения театра им. Ф. Волкова с Мариинским театром в одну административно-хозяйственную единицу. В результате проведения исследования были рассмотрены общественные кампании, основные цифровые механизмы, использованные для организации процессов и специфику их использования.

Метод «case-study» представляет собой качественный метод анализа общественно-политического процесса по ряду заранее определенных критериев исследования, что позволяет получить комплексные представления относительно динамики развития общественно-политической ситуации и выявить внутренние взаимосвязи. В структуре анализа выделялись следующие критерии:

1. Причина появления проблемной ситуации и граница ее проявления;
2. Основные субъекты, участвующие в исследуемом процессе;
3. Временные и территориальные рамки проявления ситуации;
4. Характеристика субъектов - ресурсы, возможности, ограничения;
5. Характер взаимодействия сторон и участников проблемной ситуации;
6. Основные модели поведения субъектов протестной кампании;
7. Основные цифровые инструменты для ведения деятельности и их результативность.

В исследовании были проанализированы следующие общественно-политические кампании:

- протест водителей-дальнобойщиков против внедрения автоматизированной системы взимания платы за использования дорог общего пользования «Платон» (Российская Федерация);
- гражданские протесты против показа кинофильма «Матильда» (Российская Федерация);
- протест против строительства целлюлозно-бумажного комбината (Ярославская, Вологодская и Костромская область);
- информационное освещение гражданскими активистами хода следственных мероприятий в рамках возбужденного уголовного дела, объединившего эпизоды насилия над воспитанниками детского интерната в селе Мосейцево (Ярославская область).

Приложение 3. Методика проведения исследования «Социальная активность жителей Ярославской области, их отношение к общественным организациям»

Методика проведения исследования:

В Ярославской области 22 февраля 2019 года с целью получения и обобщения социологической информации о социальной активности жителей Ярославской области, в том числе их отношения к общественным организациям, формам участия в общественно-политической жизни региона было проведено исследование «Социальная активность жителей Ярославской области, их отношение к общественным организациям».

Результаты проведения исследования представляют собой конкретные сравнительные данные, которые позволили оценить результативность форм поддержки гражданской активности. Опрос общественного мнения проводился среди 684 совершеннолетних жителей Ярославской области методом телефонного интервью по месту жительства респондентов по заранее утвержденному опросному листу.

Респондентами стали представители различных социально-демографических групп населения. Выборка репрезентативная для региона в целом, а уровень достоверности результатов составил 95%, соответственно, статистическая погрешность находится в диапазоне 5%.

Приложение 4. Методика проведения исследования

В исследовании приняли участие 21 эксперт из числа работников органов государственной и муниципальной власти, сферы образования и гражданских активистов, ведущих свою деятельность от юридического лица и не имеющих регистрации.

Вопросы опросного листа можно разделить на четыре тематических блока: трансформация гражданской активности в условиях развития интернет-технологий; изменение механизмов коммуникации между органами власти и гражданскими активистами; процесс формирования и деятельности гражданских коалиций; а также угрозы расширению гражданской активности в условиях развития интернет-технологий.

Полуформализованные анкеты позволили принявшим в исследовании экспертам дать развернутые ответы и излагать свое мнение по вопросам. Интервьюирование проводилось среди представителей органов государственной власти и органов городского самоуправления, представителей средств массовой информации, а также научного и экспертного сообщества, и гражданских активистов. Применённая выборка позволила получить информацию от разных участников общественно-политического процесса, что сформировало комплексное представление о качественных характеристиках коммуникации интернет-активистов.

Сбор информации проводился в течение мая и июня 2020 года. Неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка определила применение дистанционного интервью посредством использования приложений для проведения видеоконференций и формирование специальных анкет с 13-ю открытыми вопросами.

Результаты исследования показали процесс трансформации гражданской активности в условиях развития интернета. Социальные сети и мессенджеры стали основным каналом коммуникации, интенсивное использование которого способствует «опривычиванию» практик интернет-

активизма, в том числе в формах обсуждения общественно значимых проблем, написания публичных писем и обращений в органы власти. Цифровые платформы стали средой проявления интернет-активизма и инструментами деятельности активистов.

Приложение 5. Методика проведения метода «ивент-анализ»

Цель применения метода политического анализа «ивент-анализ» заключается в сборе сообщений в средствах массовой информации, анализе полученных сообщений, создании «данных о событиях» с целью их дальнейшей систематизации для создания вывода о специфике информационного освещения выбранного в качестве исследования протестного мероприятия. Ивент-анализ представляет собой метод политического анализа, принадлежащий к группе количественных методов изучения политической реальности. Методология ивент-анализа состоит в систематическом формализованном представлении интеракций между субъектами политики в рамках определенной шкалы.

Методология Ивент-анализа: создание «данных о событиях» формализованное представление сообщений о событиях в соответствии с кодировочной схемой. Для этого из баз данных новостных компаний будут извлекаться и анализироваться новостные сообщения, имеющее отношение к выбранного для анализа протестного мероприятия.

Процесс кодировки политических событий для создания «данных о событиях» будет представлен через четыре составляющие:

- дата и время наступления события (дата публикации о событии в новостной компании будет кодироваться 090909, в последовательности «год», «месяц», «число», в порядке чтения слева направо);

- субъект политического действия (будет кодироваться аббревиатурой из трех букв, обозначающую субъекта политического действия);

- объект политического действия (кодирование объекта политического процесса также будет происходить путем создания трехбуквенной аббревиатуры);

- политическое действие (кодировка политического действия будет происходить путем построения шкалы Гольдштейна).

Использование получившихся «данных о событиях» с целью построения информационного графика для аналитического заключения, отображающего результаты исследованной информации.

Таблица 4. Динамика ответов экспертов

Q1. Как Вы считаете, в какой степени развита офлайн (традиционная активность) и онлайн (активность в интернете) активность по общественно-политическим вопросам в Вашем регионе? (оцените по шкале от 0 до 10, где «0» - отсутствие гражданской активности, «10» - масштабная гражданская активность)

	Среднее значение (балл)	0 (в %)	1 (в %)	2 (в %)	3 (в %)	4 (в %)	5 (в %)	6 (в %)	7 (в %)	8 (в %)	9 (в %)	10 (в %)
Офф-лайн	5,11	1,5	4,5	7,9	12,7	13,5	16,5	13,5	13,9	8,2	6,0	1,9
Он-лайн	6,16	0,0	3,0	2,7	6,8	11,7	14,4	13,6	14,4	18,2	11,4	3,8

Динамика средней оценки развития ОФФ-лайн Он-лайн гражданской активности (2014-2021):

	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Офф-лайн	-	-	4,90	5,30	4,91	4,50	5,11
Он-лайн	5,30	5,94	5,66	6,00	6,30	6,12	6,16

Динамика средней оценки развития гражданской активности (2017-2021):

2017	2018	2019	2020	2021
5,28	5,65	5,60	5,31	5,63

	Воронежская область	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Калининградская область	Кемеровская область	Самарская область	Ставропольский край	Ульяновская область	Ярославская область	Республика Адыгея	Республика Башкортостан	Иркутская область	Республика Марий Эл	Республика Бурятия	Республика Мордовия	Новосибирская область	Хабаровский край	Челябинская область	Белгородская область	Вологодская область	Приморский край	Свердловская область	Кабардино-Балкарская Республика
Офф-лайн	4,67	4,83	6,10	3,80	5,40	5,38	4,50	8,80	4,60	5,30	4,00	6,21	3,50	5,10	3,71	6,40	7,60	4,00	4,75	5,54	4,23	6,12	3,55
Он-лайн	7,00	6,55	6,30	5,60	6,40	6,46	5,11	9,10	7,00	5,82	6,50	7,14	5,33	5,80	4,27	7,90	6,90	5,19	5,00	5,77	4,83	6,59	6,10

	сотрудник органов исполнительной власти регионального или муниципального уровня	представитель законодательного (представительного) ОВ регионального или мун-ого уровня (депутат, сотрудник аппарата)	руководитель/сотрудник НКО	руководитель/сотрудник аппарата политической партии	бизнесмен, наемный работник в коммерческой сфере	представитель средств массовой информации	представитель профильного академического учреждения (работник ВУЗа, НИИ)	другое
ОФФ-ЛАЙН	5,50	4,93	5,20	4,53	4,72	5,96	4,45	5,00
ОН-ЛАЙН	6,51	6,37	6,06	5,40	6,30	6,77	5,81	5,30

Оцените, пожалуйста, степень использования интернет-технологий в следующих формах гражданской активности

	Средняя оценка (балл)	1 (%)	2 (%)	3 (%)	4 (%)	5 (%)	6 (%)	7 (%)	8 (%)	9 (%)	10 (%)
Ср. балл 5,86											
Благотворительность	6,81	1,1	3,7	4,9	5,6	10,4	12,3	18,3	22,0	11,2	10,4
Волонтерство	6,61	1,5	1,5	5,2	10,5	12,4	13,5	15,7	18,7	13,5	7,5

Публичные письма, обращения в органы власти	5,85	3,7	5,2	8,2	15,0	15,0	10,1	11,6	16,9	8,2	6,0
Публичные слушания / общественные обсуждения	4,92	6,3	12,3	12,3	12,7	16,0	13,1	12,3	7,1	6,3	1,5
Участие в выборах, референдумах	4,83	7,5	9,4	12,4	16,1	16,5	11,6	12,0	9,4	4,1	0,7
Акции гражданского протеста	4,97	12,0	9,4	10,5	12,7	17,2	6,7	9,0	9,7	10,5	2,2
Общественные организации (НКО)	6,09	2,3	4,2	10,6	6,8	15,9	13,6	15,9	15,2	10,2	5,3
Просветительские мероприятия	6,31	1,9	4,9	6,7	8,2	14,6	10,1	16,0	22,4	11,2	4,1
Обсуждение общественно значимых проблем	6,42	3,0	3,4	5,3	7,9	15,0	15,8	8,6	19,2	16,5	5,3

Средняя оценка (балл)

Ср. балл 5,86	Воронежская область	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Калининградская область	Кемеровская область	Самарская область	Ставропольский край	Ульяновская область	Ярославская область	Республика Адыгея	Республика Башкортостан	Иркутская область	Республика Марий Эл	Республика Бурятия	Республика Мордовия	Новосибирская область	Хабаровский край	Челябинская область	Белгородская область	Вологодская область	Приморский край	Свердловская область	Кабардино-Балкарская Республика
Благотворительность	6,75	7,25	7,60	8,20	6,50	6,31	6,70	9,30	6,20	6,27	6,40	6,93	5,50	5,70	6,33	6,80	7,80	6,81	5,27	7,15	5,54	7,71	7,64
Волонтерство	6,73	6,00	7,60	6,00	6,70	7,15	6,60	9,20	5,30	5,91	7,30	7,29	5,60	5,90	6,40	7,40	8,30	5,94	5,82	7,08	5,31	6,71	6,36

Публичные письма, обращения в органы власти	6,75	4,67	7,70	4,40	6,40	6,15	5,40	9,00	7,10	6,64	6,70	4,93	4,67	5,80	4,00	4,70	7,00	5,38	5,58	6,17	5,31	6,12	5,27
Публичные слушания / общественные обсуждения	5,25	3,42	6,90	3,80	5,40	4,69	5,10	8,60	4,80	5,27	4,20	5,71	3,44	5,00	3,20	6,20	7,00	3,50	3,83	5,92	4,54	5,06	3,91
Участие в выборах, референдумах	5,17	4,42	6,20	2,50	5,20	5,23	5,30	7,60	5,70	5,55	4,00	4,71	4,78	4,90	4,07	4,80	6,30	4,44	3,17	5,54	3,77	5,12	3,45
Акции гражданского протеста	4,50	4,25	6,70	3,70	4,80	4,77	5,40	9,10	6,10	4,45	4,00	5,36	4,11	4,90	3,87	5,50	7,20	4,63	3,75	4,67	3,92	6,53	2,82
Общественные организации (НКО)	5,58	4,42	7,10	4,40	6,20	7,08	6,40	8,60	5,00	4,70	5,60	7,57	5,33	4,80	6,67	7,60	7,20	6,19	4,92	7,08	5,40	5,82	5,64
Просветительские мероприятия	5,92	4,83	7,60	4,70	5,90	6,62	7,50	8,50	4,50	5,00	5,20	7,77	5,90	6,10	6,20	8,10	8,00	5,75	5,92	6,15	5,77	7,06	6,27
Обсуждение общественно значимых проблем	6,83	6,67	7,20	6,40	5,80	5,62	6,70	9,40	6,50	6,10	6,20	7,14	5,20	6,50	4,80	8,00	8,60	4,63	5,75	5,92	5,73	7,29	6,27

Ср. балл 5,86	сотрудник органов исполнительной власти регионального или муниципального уровня	представитель законодательного (представительного) ОВ регионального или мун-ого уровня (депутат, сотрудник аппарата)	руководитель/сотрудник НКО	руководитель/сотрудник аппарата политической партии	бизнесмен, наемный работник в коммерческой сфере	представитель средств массовой информации	представитель профильного академического учреждения (работник ВУЗа, НИИ)	другое
Благотворительность	6,71	6,63	6,90	6,33	7,21	7,38	6,58	6,10
Волонтерство	6,61	6,52	6,67	5,93	6,86	7,64	5,87	6,10
Публичные письма, обращения в органы власти	6,76	5,67	5,65	5,27	5,69	6,12	5,87	5,10
Публичные слушания / общественные обсуждения	5,76	4,56	4,88	4,00	4,76	6,31	4,10	4,10
Участие в выборах, референдумах	5,58	5,04	4,33	4,07	5,10	5,54	4,45	4,30
Акции гражданского протеста	5,47	5,26	4,57	4,20	5,21	6,38	5,06	3,50
Общественные организации (НКО)	5,95	6,26	6,42	4,80	5,81	6,54	5,55	5,90

Просветительские мероприятия	5,87	6,70	6,58	5,47	6,45	6,31	5,84	6,60
Обсуждение общественно значимых проблем	6,95	6,78	6,40	5,07	6,12	7,65	6,06	4,50

Q2. Оцените, пожалуйста, степень институционализации форм интернет-активизма

Ср. балл 5	Средняя оценка (балл)	1 (%)	2 (%)	3 (%)	4 (%)	5 (%)	6 (%)	7 (%)	8 (%)	9 (%)	10 (%)
Он-лайн благотворительность	5,90	7,9	3,7	7,5	7,1	13,1	15,4	15,7	16,5	7,5	5,6
Цифровое волонтерство	5,18	6,0	9,0	15,0	13,9	11,2	11,6	13,1	9,7	7,1	3,4
Просветительские мероприятия в сети	5,68	5,2	4,5	9,4	10,5	15,4	16,1	16,9	10,1	8,2	3,7
Обсуждение общественно значимых проблем на электронных площадках	5,17	6,4	7,9	12,8	9,8	18,9	12,8	15,1	9,1	3,8	3,4
Дистанционное участие в выборах и референдумах	4,31	14,2	11,6	13,1	19,4	14,2	7,8	8,6	4,5	4,1	2,6
Подписание коллективных он-лайн петиций и обращений в органы власти	5,15	7,5	9,0	11,6	14,2	12,7	9,0	17,2	12,0	3,7	3,0
Участие в публичных слушаниях в режиме ВКС	4,60	11,3	8,6	17,7	16,2	12,0	7,9	12,4	7,1	5,3	1,5
Формы сетевого гражданского протеста	4,15	15,5	11,4	13,6	18,2	0,4	15,9	9,1	6,4	4,2	4,2

Средняя оценка (балл)

Ср. балл 5	Воронежская область	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Калининградская область	Кемеровская область	Самарская область	Ставропольский край	Ульяновская область	Ярославская область	Республика Адыгея	Республика Башкортостан	Иркутская область	Республика Марий Эл	Республика Бурятия	Республика Мордовия	Новосибирская область	Хабаровский край	Челябинская область	Белгородская область	Вологодская область	Приморский край	Свердловская область	Кавказный-Балкарская Республика
Он-лайн благотворительность	5,67	5,42	6,90	7,60	5,60	4,54	5,20	7,90	5,00	4,80	5,70	6,86	5,00	5,20	5,13	7,00	7,10	5,75	5,58	5,46	4,31	7,12	7,00
Цифровое волонтерство	4,00	4,83	5,50	3,90	5,10	5,08	4,90	8,10	4,40	4,30	6,00	6,86	4,30	3,60	5,13	7,40	7,10	4,06	5,08	4,23	3,77	5,94	5,82
Просветительские мероприятия в сети	5,17	4,92	7,10	5,10	5,10	4,92	6,60	8,00	4,20	3,90	6,00	6,71	5,70	5,50	5,53	6,70	7,20	4,93	5,33	5,23	5,08	6,65	5,36
Обсуждение общественно значимых проблем на электронных площадках	5,08	4,50	6,60	2,89	5,80	3,46	5,60	8,40	5,80	5,90	3,80	5,36	4,63	5,30	3,60	5,80	6,60	4,44	4,58	5,77	4,92	5,59	5,73
Дистанционное участие в выборах и референдумах	3,42	4,33	5,00	2,90	4,90	4,31	4,60	8,60	5,30	4,50	3,80	3,86	4,20	4,60	3,93	4,10	5,90	3,19	3,00	3,77	4,62	4,59	3,18
Подписание коллективных он-лайн петиций и обращений в органы власти	5,00	3,92	6,20	5,30	5,30	4,23	4,70	8,00	5,40	5,70	5,20	5,86	3,78	4,60	3,53	6,20	6,90	4,44	4,50	4,85	5,23	5,82	4,91
Участие в публичных слушаниях в режиме ВКС	3,42	4,17	5,70	2,80	5,90	3,54	4,50	8,50	4,40	4,80	4,30	4,50	3,44	4,90	4,47	5,40	6,80	4,31	3,33	5,62	4,25	4,47	3,36
Формы сетевого гражданского протеста	2,36	4,33	5,10	2,90	3,30	1,69	3,80	7,80	4,40	4,70	3,40	4,00	2,56	2,60	1,53	4,50	6,30	2,44	3,58	3,17	2,08	4,88	2,00

Ср. балл 5	сотрудник органов исполнительной власти регионального или муниципального уровня	представитель законодательного (представительного) ОВ регионального или мун-ого уровня (депутат, сотрудник аппарата)	руководитель/сотрудник НКО	руководитель/сотрудник аппарата политической партии	бизнесмен, наемный работник в коммерческой сфере	представитель средств массовой информации	представитель профильного академического учреждения (работник ВУЗа, НИИ)	другое
Он-лайн благотворительность	6,19	5,44	5,89	5,33	6,41	6,77	5,39	5,10
Цифровое волонтерство	5,59	4,67	5,11	4,73	5,52	5,96	4,67	4,60
Просветительские мероприятия в сети	5,54	6,30	5,57	4,80	6,17	5,85	5,48	5,30
Обсуждение общественно значимых проблем на электронных площадках	5,86	5,52	4,89	4,60	5,41	5,58	4,87	3,90
Дистанционное участие в выборах и референдумах	5,16	3,93	4,02	4,00	4,93	4,15	3,94	4,60
Подписание коллективных он-лайн петиций и обращений в органы власти	5,81	4,96	5,36	4,33	5,00	5,85	4,58	4,10

Участие в публичных слушаниях в режиме ВКС	5,32	5,19	4,33	4,13	4,50	4,92	4,03	4,60
Формы сетевого гражданского протеста	4,11	4,11	3,12	3,40	3,96	4,88	3,10	1,90

Приложение 6. Методика проведения Индексного исследования гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)»

Разработанный индекс направлен на сбор и формализацию общественно-политической информации с целью ее дальнейшего анализа и корректной интерпретации. Социологическое исследование на территории Ярославской области проводилось с целью получения информации:

- о субъективном уровне развитости гражданского общества и гражданской активности;
- выявления уровня вовлеченности индивида в общественную жизнь;
- основных сложностей, препятствующих проявлению гражданской активности;
- эффективности основных форм вовлечения человека в общественную жизнь;
- значимость основных форм проявления гражданской активности и др.

Использование телефонного интервью обеспечило опрос населения для, выбранного для исследования региона. Кроме этого, посредством проведения телефонного интервью был минимизирован риск смещения выборки к той или иной социальной группе. Показатели уровня достоверности социологических данных составили 95%, статистическая погрешность определена в диапазоне $\pm 3,1\%$.

Каждой группе опрашиваемых респондентов будет выдан уникальный опросный лист, способствующий идентификации суждений и роли каждого субъекта гражданской активности. Вопросные листы для всех групп респондентов содержат в себе ряд закрытых вопросов, ответы на которые находятся в таблицах от 1 до 10, где значению 1 соответствует наименьший балл за ответ, а 10 — наиболее высокий балл.

Экспертный опрос был нацелен на выявление:

- состояния гражданского общества и гражданской активности;

- специфики и уровня особенности и уровень взаимодействия различных сфер (секторов) гражданского общества;
- степени эффективности общественных организаций и уровень доверия к различным секторам гражданского общества

Обоснование выборки экспертов является внестатистическим и не предполагает расчет статистического оценивания ошибки выборки. Суммарное количество экспертов, взятое в равных пропорциях, отражает основных субъектов и партнеров гражданской активности. Общее количество экспертов в данном социологическом исследовании составляет 60 человек: численность каждой сферы (представителей государственной и муниципальной власти; руководителей НКО; представителей регионального бизнеса и СМИ) составляет 15 человек.

Математический аппарат индекса направлен на выявление среднего арифметического значения ответов респондентов с дальнейшим сведением их к общему индексу с помощью выравнивающих коэффициентов, которые используются для компенсации разницы в количестве вопросов у разных групп респондентов. Выравнивающий коэффициент также применяется для повышения репрезентативности полученной информации, так как в опросных листах разных групп респондентов содержится разное количество вопросов, а соответственно, и возможного количества баллов. Также в индексе используется весовой коэффициент, который необходим для ранжирования результатов анкетирования экспертных групп по важности ответов той или иной группы.

Таблица 4. Анкета социологического опроса в рамках проведения Индексного исследования гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)»

1. Что лично у вас, в первую очередь, ассоциируется с понятием гражданская активность? (один ответ)

1. участие в работе общественных организаций, членство в НКО
2. личное убеждение, внутренняя позиция, направленная на преобразование себя и окружающего мира
3. протест против социального порядка, выражение недовольства
4. люди, не знающие, чем себя занять, бездельники
5. участие в благотворительной и волонтерской деятельности
6. обсуждение государственных и общественных вопросов, в частности в интернет-пространстве
7. участие в решении проблем своей территории (дома, дора, деревни)
8. помощь нуждающимся, людям, находящимся в сложной жизненной ситуации
9. участие в деятельности политических партий и движений
10. свой вариант _____
11. затрудняюсь ответить

2. Считаете ли Вы, что обладаете активной гражданской позицией, проявляете гражданскую активность?

- А) Да → переход к вопросу 5.
Б) Нет

3. Укажите, в чем это выражается? (до 3х вариантов ответа)

1. участвую в деятельности общественных организаций
2. являюсь волонтером, добровольцем
3. делаю пожертвования, участвую в благотворительности
4. принимаю активное участие в жизни своего дома, подъезда, ТСЖ
5. регулярно принимаю участие в публичных акциях политических партий/движений, их деятельности
6. направляю письма, обращения в органы власти
7. слежу за новостями в СМИ, обсуждаю происходящее с друзьями, коллегами
8. проявляю гражданскую активность в интернете → переход к вопросу 4.
9. Другое. Укажите, что именно? _____

4. В каких формах гражданской активности в интернете Вы участвуете? (Можно несколько вариантов)

1. слежу за новостями в СМИ и интернет-ресурсах
2. слежу за профилями политиков, активистов, лидеров общественного мнения
3. ставлю лайки в поддержку
4. комментирую, участвую в обсуждениях
5. делаю публикации, репосты в своем профиле
6. веду профиль общественного объединения/лидера общественного мнения
7. веду свой профиль / ютуб канал
8. создаю / подписываю петиции, обращения в интернете
9. другое. Укажите, что именно? _____

5. Что мешает Вам выражать свою гражданскую позицию (отдельно - онлайн и офлайн)? (Можно несколько ответов по каждому из столбцов)

	Офлайн			Онлайн
5.1.1	нет времени		5.2.1	нет времени
5.1.2	никто из моего окружения в этом не участвует		5.2.2	никто из моего окружения в этом не участвует
5.1.3	это бесполезно, все решат за нас		5.2.3	механизмы учета мнения граждан не работают
5.1.4	механизмы учета мнения граждан не работают		5.2.4	вклад граждан ни на что не влияет
5.1.5	необходимость в самоцензуре		5.2.5	опасаюсь за последствия
5.1.6	опасаюсь за последствия		5.2.6	каждый должен заниматься своим делом
5.1.7	каждый должен заниматься своим делом		5.2.7	необходимость в самоцензуре
5.1.8	это не приветствуется знакомыми / друзьями / коллегами		5.2.8	это не приветствуется знакомыми / друзьями / коллегами
5.1.9	Негативный опыт участия		5.2.9	Негативный опыт участия
5.1.10	другое		5.2.10	другое

6. Вы лично что-то слышали или знаете о мероприятиях, проводимых общественными объединениями, некоммерческими организациями, активистами из Вашего населенного пункта? (один вариант ответа)

- 1) Да
- 2) Скорее да
- 3) Скорее нет → переход к вопросу 8
- 4) Нет → переход к вопросу 8
- 98) Затрудняюсь ответить → переход к вопросу 8

7. Из каких источников Вы чаще всего узнаете о деятельности и мероприятиях общественных объединений? (до 3х вариантов ответа)

1. по радио
2. по ТВ
3. из газет
4. в социальных сетях и интернете
5. от друзей и знакомых
6. от самих общественных объединений
7. социальная реклама
98. Затрудняюсь ответить

8. Как вы думаете, за счет каких средств существуют общественные организации?

1. гранты Фонда президентских грантов
2. поддержка регионального бюджета
3. поддержка местного бюджета
4. иностранные деньги
5. пожертвования граждан
6. пожертвования бизнеса, предприятий, предпринимателей
7. сами зарабатывают
98. Затрудняюсь ответить

9. Доверяете ли Вы деятельности общественных объединений? (один вариант ответа)

1	Доверяю полностью	4	Не доверяю
---	-------------------	---	------------

2	Скорее доверяю, чем нет	98	Затрудняюсь ответить
3	Скорее не доверяю, чем доверяю		

10. Доверяете ли вы благотворительным организациям?

1	Доверяю полностью	4	Не доверяю
2	Скорее доверяю, чем нет	98	Затрудняюсь ответить
3	Скорее не доверяю, чем доверяю		

11. Как Вы считаете, для Вас и Ваших знакомых есть польза от общественных объединений? И если есть, то в чем она заключается? (указать, в чем именно заключается польза)

1. пользы нет
2. есть большая польза *(в чем?)* _____
3. есть небольшая польза *(в чем?)* _____
4. затрудняюсь ответить, есть польза или нет
98. затрудняюсь ответить, есть большая или небольшая польза

12. Допускаете ли Вы для себя лично возможность бесплатно работать в общественных объединениях, некоммерческих организациях, инициативных группах и др.? (один вариант ответа)

- 1) Допускаю. Укажите, почему? _____
- 2) Скорее допускаю. Укажите, почему? _____
- 3) Скорее исключаю. Укажите, почему? _____
- 4) Исключаю. Укажите, почему? _____
- 98) Затрудняюсь ответить (не зачитывать)

13. Как Вы считаете, поддерживает ли государство вовлечение граждан в гражданскую активность?

1. да
2. скорее да
3. Скорее нет
4. нет
98. затрудняюсь ответить

14. Как государство поддерживает (поощряет) вовлечение граждан в гражданскую активность?

1. выделяет финансирование (гранты, субсидии)
2. проводит обучение для активистов из некоммерческих организаций
3. организует общественные кампании по значимым для государства вопросам
4. организует информационную поддержку социальным и общественным проектам
5. награждает активистов почетными званиями
6. проводит конкурсы и популяризирует лучшие практики гражданской активности
7. вводит льготы и премии гражданским активистам
8. формирует позитивную повестку
9. демонстрирует и поддерживает позитивную роль общественности
- другое _____

15. Как Вы считаете, противодействует ли государства вовлечение граждан в гражданскую активность?

1. да

2. скорее да
3. скорее нет
4. нет
98. затрудняюсь ответить

16. Как государство противодействует вовлечению граждан в гражданскую активность?

1. вводит законодательные ограничения для гражданских активистов
2. привлекает силовую структуру для недопущения / предотвращения массовых мероприятий
3. ограничивает возможность проведения массовых мероприятий
4. цензурирует СМИ
5. цензурирует социальные сети и интернет
6. инициирует проверки против гражданских активистов
7. формирует негативный образ активистов и гражданской активности в обществе в целом
8. формирует негативный информационный фон
9. другое _____

17. Известно ли Вам что-нибудь о функционировании в Ярославской области проектов «Решаем вместе», «Делаем вместе», «Народное правительство»?

Принимали ли Вы участие в деятельности данных проектов?

	Осведомлен (да/нет)	Принимал участие (да/нет)
«Решаем вместе»		
«Делаем вместе»		
«Народное правительство»		
Российская общественная инициатива		

18. Если бы был выбор для вас отдать ребенка, внука в государственный (муниципальный) детский сад или в НЕ государственный детский сад, чтобы вы выбрали и почему?

1. частный (Почему?) _____
2. государственный (муниципальный) (Почему?) _____
3. для меня не имеет значения частный или государственный детский сад (Почему?) _____

98. затрудняюсь ответить

19. Если бы у вас/ ваших близких, родственников была необходимость получить помощь социального работника, вы бы выбрали социального работника, прикрепленного к муниципальному учреждению социальной защиты или социального работника, нанятого негосударственной организацией?

1. не государственное (Почему?) _____
2. государственного (муниципального) (Почему?) _____
3. для меня не имеет значения частный или государственный (Почему?) _____

98. затрудняюсь ответить

20. Если бы у Вас/ ваших близких, родственников была необходимость получить медицинскую помощь узкого специалиста, вы бы выбрали государственное или НЕ государственное учреждение здравоохранения?

1. Не государственное, пусть и платно
2. Государственное, пусть и платно
3. Государственное, бесплатно

4. Не имеет значение, на каких условиях, выбрал бы, где быстрее

98. Затрудняюсь ответить

21. Как вы думаете, кто более эффективно работает с инвалидами, ветеранами, детьми, - государственные или не государственные структуры и почему?

1. не государственное (Почему?) _____

2. государственные (муниципальные) (Почему?) _____

3. в одинаковой степени эффективно (Почему?) _____

4. в одинаковой степени НЕ эффективно (Почему?) _____

98. затрудняюсь ответить

Сведения о респонденте

22. Ваш пол

1	мужской
2	женский

23. Ваш возраст

1	18– 29 года	4	50 – 59 лет
2	30 – 35 лет	5	60 лет и ст.
3	36 – 49 лет		

24. Образование:

1) Незаконченное среднее, среднее;

2) Среднее профессиональное;

3) Высшее;

4) Второе высшее, научная степень.

25. Район, в котором проводился опрос _____

26. Населенный пункт, в котором проводился опрос _____

Приложение 7. Анкета экспертного опроса в рамках проведения Индексного исследования гражданской активности в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)»

Анкета для руководителей и сотрудников некоммерческих организаций (общественных объединений)

Уважаемый (ая) эксперт, просим Вас ответить на вопросы нашей анкеты. Ваши ответы окажут нам помощь в изучении гражданского общества, деятельности некоммерческих организаций и общественных объединений в Ярославской области

В начале позвольте задать Вам несколько вопросов о текущем состоянии и об итогах работы некоммерческого сектора в 2017 году.

1. Как Вы считаете, насколько развиты в Ярославской области следующие институты гражданского участия? (по шкале от 1 до 10, где 1 – практически отсутствует, 10 – максимальное развитие)

Добровольчество	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Благотворительность	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Общественный контроль	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

2. От кого в 2017 году исходила инициатива по взаимодействию органов власти и некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области?

1	От некоммерческих организаций (общественных объединений)	4	Инициатива исходит от третьей стороны (укажите от какой) _____
2	От органов власти и должностных лиц	5	Все ситуативно
3	Взаимная инициатива	6	Затрудняюсь ответить

3. По какой причине в 2017 году преимущественно инициировалось взаимодействие органов власти и некоммерческих организаций (общественных объединений) в Ярославской области?

1	Некоммерческая организация (общественное объединение) просит помощи	4	Органы власти и должностные лица предлагают помощь
2	Некоммерческая организация (общественное объединение) предлагает помощь	5	Ситуативно
3	Органы власти и должностные лица просят помощи	6	Затрудняюсь ответить

4. Оцените характер взаимодействия в 2017 году Вашей организации с разными партнерами или оппонентами

		с полным взаимопониманием	возникают отдельные моменты недопонимания	сложно, как правило, не находим взаимопонимания	не имеем опыта взаимодействия
1	государственными структурами	1	2	3	4
2	муниципальными структурами	1	2	3	4
3	бизнес-	1	2	3	4

	структурами				
4	другими НКО	1	2	3	4
5	СМИ	1	2	3	4
6	населением, отдельными гражданами	1	2	3	4

5. В своей деятельности в 2017 году ощущали ли Вы

		постоянно	очень часто	время от времени	практически никогда	никогда
1	поддержку со стороны федеральных властных структур	1	2	3	4	5
2	давление со стороны федеральных властных структур	1	2	3	4	5
3	поддержку со стороны региональных органов власти	1	2	3	4	5
4	давление со стороны региональных органов власти	1	2	3	4	5
5	поддержку со стороны местных органов власти	1	2	3	4	5
6	давление со стороны местных органов власти	1	2	3	4	5

6. Как бы Вы сами оценили итоги деятельности некоммерческого сектора в Ярославской области в 2017 году?

1. Считаю деятельность НКО в регионе в целом эффективной → переход к вопросу 8
2. Считаю деятельность НКО в регионе эффективной, но есть отдельные проблемы → переход к вопросу 7
3. Считаю деятельность НКО в регионе неэффективной → переход к вопросу 7

7. В чем Вы видите основные причины неэффективной работы некоммерческих организаций (общественных объединений) Ярославской области? (максимальное количество ответов)

1. Непонимание/противодействие со стороны власти;
2. Отсутствие интереса со стороны населения, нежелание населения активно участвовать в общественной жизни;
3. Отсутствие лидера;
4. Недостаток материальных средств;
5. Низкий уровень компетенции активистов общественных организаций, незнание законодательства и возможностей;
6. Слабая развитость каналов коммуникации между различными организациями;
7. Стремление некоторых лидеров некоммерческих объединений к получению личной выгоды;
8. Другое (что?) _____

8. Знаете ли Вы о работе ресурсного центра для СО НКО Ярославской области?

1. да

2. нет

9. Какую пользу получила Ваша организация от работы ресурсного центра для СО НКО Ярославской области?

1. _____
2. _____
3. _____

10. Как Вы оцениваете качество работы ресурсного центра для СО НКО Ярославской области?

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

А теперь несколько вопросов о влиянии сети интернет и информационных технологий на развитие институтов гражданского общества в Ярославской области

11. Как Вы считаете, с точки зрения интересов НКО и гражданских активистов, развитие сети интернет упрощает или нет коммуникацию с другими субъектами гражданского общества, органами власти и гражданами?

1. Скорее упрощает
2. Нет, ничего не изменяется
3. Скорее усложняет. Укажите, почему? _____
4. Затрудняюсь ответить

12. Как Вы считаете, с точки зрения интересов НКО и гражданских активистов, развитие сети интернет упрощает или усложняет процедуры их участия в принятии решений органами власти ?

1. Традиционные процедуры контроля за принятием решений государством надежнее и эффективнее.
2. Взаимодействие с государством посредством сети интернет повышает эффективность процедур контроля за принятием решений органами власти.
3. Эффективность взаимодействия с государством не зависит от способа коммуникации
4. Затрудняюсь ответить.

13. Как Вы считаете, каким образом развитие сети интернет влияет на уровень доступности мер государственной поддержки НКО и гражданских инициатив?

1. Скорее расширяет доступность мер государственной поддержки
2. Ничего не изменяется
3. Скорее сокращает доступность мер государственной поддержки. Укажите, почему?
_____
4. Затрудняюсь ответить

14. Оцените Вашу степень согласия со следующими утверждениями относительно влияния развития сети интернет на взаимодействие НКО и органов государственной и муниципальной власти по 10-балльной шкале (1 – минимальная степень согласия, 10 – максимальная)?

Развитие сети интернет делает более доступными государственные и муниципальные услуги для граждан и юридических лиц, в том числе НКО	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие сети интернет способствует развитию кооперации в некоммерческом секторе при решении	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

проблемных вопросов										
Развитие сети интернет повышает эффективность информирования граждан о работе НКО, помогает привлекать новых волонтеров и членов объединений	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие сети интернет позволяет НКО популяризировать культуру гражданского участия, прививать ценности гражданской активности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие сети интернет требует от органов власти новых подходов в работе с некоммерческим сектором, понимания которых у государства пока нет	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

15. Оцените Вашу степень согласия со следующими утверждениями относительно роли интернета в жизни современного российского общества по 10-балльной шкале (1 – минимальная степень согласия, 10 – максимальная)?

интернет – угроза семейным ценностям	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет дарит большие возможности для самореализации	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет – угроза политической стабильности в стране	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет – расширяет возможности граждан на участие в делах государства	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет используется зарубежными странами против России	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет расширяет возможности по повышению моего благосостояния	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Интернет значительно увеличивает количество самоубийств	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

16. В интернете можно найти самую разную информацию, на различные темы. Как Вы считаете, в интернете любая информация должна распространяться полностью свободно, без каких-либо ограничений, или необходимо определенное регулирование (например, государственное) такого распространения информации?

1. Информация в интернете должна распространяться свободно и без цензуры
2. Информация в интернете нуждается в регулировании (цензуре)
3. Все зависит от типа информации, которая распространяется
4. Затрудняюсь ответить

17. Скажите, используете ли Вы интернет в своей работе или повседневной жизни?

1. Да
2. Нет → переход к вопросу 24

18. Скажите, пожалуйста, для каких целей Вы чаще всего используете интернет? (можно несколько ответов, но не больше 5)

1. Поиск справочной информации (в т.ч. официальной от органов власти)
2. Работа с электронной почтой
3. Поиск информации для работы

4. Чтение новостей
5. Общение в социальных сетях
6. Работа с волонтерами
7. Обсуждение на форумах
8. Развлечение (музыка, фильмы, игры и др.)
9. Поиск и покупка товаров и услуг
10. Получение государственных и муниципальных услуг
11. Свой вариант _____

19. Опишите, пожалуйста, как изменилась работа вашей организации с началом активного использования сети интернет и информационных технологий?

---

20. Что для Вас представляет наибольшую ценность в сети интернет как средстве общения?

1. Возможность общаться с людьми со схожими интересами, «своего круга»
2. Возможность расширить свой кругозор, познакомиться с новыми точками зрения на привычные вещи
3. Познакомиться с новыми, интересными людьми, с которыми вряд ли была бы возможность познакомиться оффлайн
4. Свой вариант _____
5. Затрудняюсь ответить

21. Чувствуете ли Вы безопасность, защищенность себя, своих личных данных при посещении сети интернет? (один ответ)

1. Да, чувствую себя в безопасности в полной мере
2. Чувствую лишь частично себя защищенным, не от всех угроз
3. Нет, никогда не чувствую себя защищенным в интернете
4. Затрудняюсь ответить

22. Какие проблемы во взаимодействии власти и гражданского общества, обусловленные развитием интернета и информационных технологий, Вы бы отметили?

---

23. Как Вы считаете, Ваших знаний и навыков работы в сети интернет, в том числе, в сфере законодательства, достаточно для того, чтобы эффективно осуществлять взаимодействие с органами власти, гражданами, волонтерами и другими субъектами гражданского общества?

1. Да, считаю, что обладаю всей полнотой знаний и навыков
2. Считаю, что мои знания и навыки обширны, но не достаточно полны
3. Считаю, что мои знания и навыки нуждаются в существенном пополнении
4. Затрудняюсь ответить

А теперь несколько вопросов о современной российской молодежи

24. На Ваш взгляд, какие ценностные ориентации характерны большинству современной российской молодежи? А какие ценностные ориентации Вы бы назвали в качестве ключевых для молодежи с точки зрения интересов всего общества?

	Свойственны современной	Необходимо ориентироваться
--	-------------------------	----------------------------

	молодежи	молодежи в интересах общества
1. Доход / Деньги		
2. Порядок		
3. Стабильность		
4. Свобода обмена информацией (в том числе, через интернет)		
5. Самореализация		
6. Личная свобода		
7. Личная безопасность		
8. Патриотизм		
9. Признание других людей		

25. Название общественной организации, которую Вы представляете

---

26. Сколько лет существует Ваша организация

1	до 1 года	3	от 3 до 5 лет	5	от 7 до 10 лет
2	от 1 до 3 лет	4	от 5 до 7 лет	6	свыше 10 лет

27. Район, в котором находится Ваша организация
